

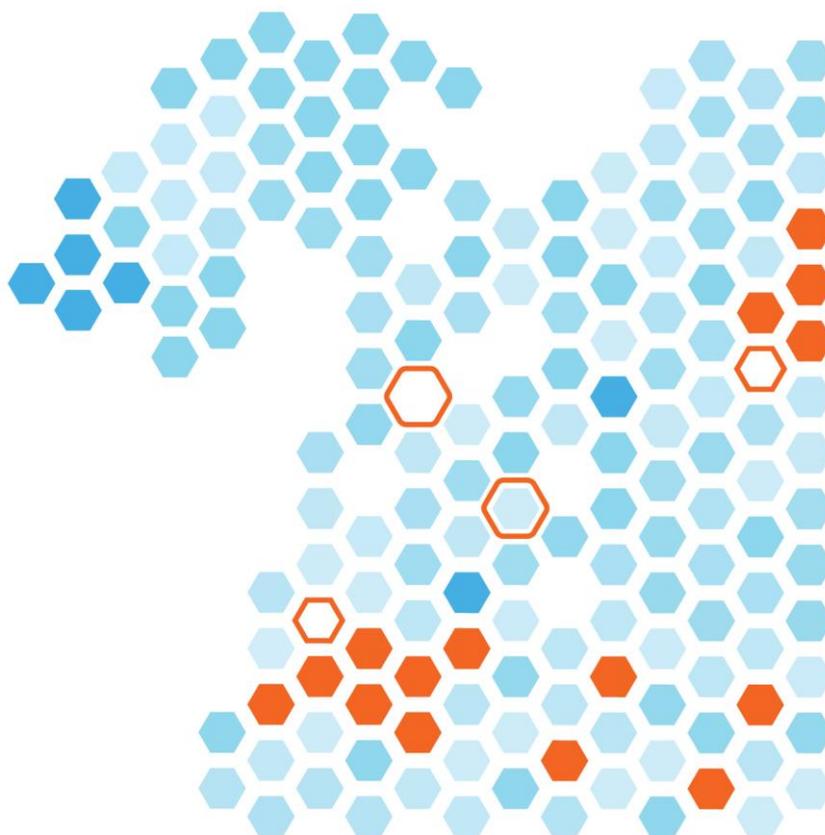

ПЕРСПЕКТИВЫ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ

**МАТЕРИАЛЫ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ**

09 июня 2016 года
г. Петрозаводск

УДК 332.122

ББК 65.04

Перспективы социально-экономического развития приграничных регионов. Материалы Третьей научно-практической конференции с международным участием (09 июня 2016 г., г. Петрозаводск). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2016. 132с.

ISBN 978-5-9274-0729-3

В сборнике представлены материалы Третьей Научно-практической конференции с международным участием «Перспективы социально-экономического развития приграничных регионов». В сборник вошли материалы, отражающие содержание пленарных и секционных докладов, представленных на конференции, которые освещают широкий круг вопросов, касающихся проблем и перспектив социально-экономического развития приграничных регионов в меняющемся национальном и международном пространстве.

Материалы публикуются в авторской редакции и отражают точки зрения авторов по данному направлению.

Сборник представляет интерес для научных сотрудников, занимающихся исследованиями в области региональной экономики, аспирантов, магистров и бакалавров, обучающимся по экономическим специальностям, а также специалистов в сфере государственного и муниципального управления.

© Карельский научный центр РАН, 2016-10-19

© Институт экономики КарНЦ РАН, 2016-10-19

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Бражалович Ф.Л. Особенности транзита наркотических веществ между приграничными регионами Афганистана и средниазатских государств	5
Буркин М.М., Молчанова Е.В. Возможности приграничного сотрудничества Финляндии и Республики Карелия в области реализации социальных инноваций	11
Гатауллина С.Ю. Туризм как фактор развития приграничных регионов России (на примере Приморского края)	17
Дружинин П.В. Развитие приграничных территорий: влияние внешних шоков	23
Иванова Л.В. Международное сотрудничество в сфере управления природопользованием: научно-исследовательский проект “Arcticfront”	30
Каргинова В.В. Национальные особенности восприятия неопределённости и риска и их влияние на приграничное сотрудничество	36
Клименок О.Н. Совершенствование управления экономикой северного приграничного региона на основе стимулирования развития агропромышленного комплекса (на примере регионов северо-запада России)	39
Ключников М.И., Заяц Д.В., Туров Н.Л., Германов Г.А., Иванов П.А., Колясев Е.Ф., Мамонтов Т.В., Недаев Г.В., Сергеева И.Д., Стецурина Л.А. Проблемы соседства России и Украины в новых геополитических условиях на примере Белгородской области	45
Козырева Г.Б. Институт лесной сертификации: современное состояние и перспективы развития	50
Кузнецов С.В., Межевич Н.М., Болотов Д.А. Приграничное сотрудничество на северо-западе России: теория, российская практика в новых геополитических условиях	54
Кулакова Л.М. Развитие потенциала приграничных сельских территорий: проектный подход	58
Курило А.Е. Малое предпринимательство приграничного региона	61
Кучиц И.О. Институциональные особенности приграничного и трансграничного сотрудничества	67
Морозова Т.В., Васильева А.В. Международное сотрудничество в научных исследованиях Института экономики КарНЦ РАН	72
Морошкина М.В. Экономическая и социальная дифференциация приграничных регионов России и Финляндии	77
Охотина А.В. Инвестиционный климат приграничных регионов Латвии, Литвы, Беларуси	82

Пономаренко Т.В., Щетинина К.В. Трансграничное взаимодействие при реализации инвестиционных проектов в минерально-сырьевом комплексе Республики Казахстан	88
Розанова Л.И. Международный опыт и роль государства в становлении и развитии института сельской кредитной кооперации: институциональное строительство или институциональный провал	93
Соколов В.В., Егоров С.В., Жарков О.Б., Кретов М.Г. Применение атомных станций малой мощности в условиях Арктической зоны	101
Сухарев М.В. Сетевые сообщества и приграничное сотрудничество	107
Тужикова О.Г. Парадигма устойчивого развития как фактор социально-экономического роста Республики Карелия	112
Харитонов Г.Н. Приграничное сотрудничество в сфере природопользования в Мурманской области: эффект и перспективы	118
Шлапек Е.А. Формы пересечения российских границ и их влияние на развитие территорий	125
Резолюция конференции	129

ПРЕДИСЛОВИЕ

Научно-практическая конференция с международным участием «Перспективы социально-экономического развития приграничных регионов» в Республике Карелия проводится с 2014 года и уже третий год является площадкой для обсуждения особенностей и перспектив развития приграничных территорий, где освещаются различные вопросы приграничного сотрудничества, проблемы трудовой миграции, новые формы взаимодействия в социальной сфере.

География участников конференции охватывает Санкт-Петербург, Белгород, Владивосток, Екатеринбург, Апатиты, Петрозаводск, Сыктывкар, Украину (Харьков), Финляндию и страны СНГ.

Конференция проводится с целью обмена опытом и знаниями о практике и тенденциях социально-экономического развития приграничных регионов. В 2016 году данные вопросы обсуждались участниками на пленарном и секционных заседаниях, а также на круглом столе.

На секции «Экономическое развитие приграничных регионов» поднимались вопросы, касающиеся проблематики инновационного развития, динамики структурных изменений экономики регионов, мониторинга как инструмента управления развитием регионов. Было уделено внимание отраслевым аспектам экономики приграничных регионов, включая туризм, агропромышленный комплекс, энергетику, транспорт и др.

Секция «Социальное развитие приграничных регионов» была посвящена различным аспектам развития человеческого капитала. Обсуждались вопросы развития образовательного потенциала, международных образовательных программ и обменов, положения молодёжи на рынке труда, социальной политики в приграничных регионах. Отдельное внимание было уделено проблемам миграции населения, рассмотрен потенциал социальной инклюзии людей с ограниченными возможностями путём создания доступной среды, в том числе с использованием зарубежного опыта.

На секции «Развитие приграничного сотрудничества северных и арктических территорий» рассмотрены вопросы трансграничного и межрегионального сотрудничества территорий с особыми климатическими условиями, накладывающими ограничения на социально-экономическое развитие.

На круглом столе «Инструменты международного сотрудничества для развития приграничных регионов» был представлен практический опыт реализации международных проектов, обсуждены новые инициативы по развитию приграничных регионов с использованием механизмов финансовой поддержки международной проектной деятельности, в том числе предлагаемые программой приграничного сотрудничества «Карелия».

Надеемся, что материалы конференции, представленные в данном сборнике, будут интересны широкому кругу специалистов, интересующихся вопросами социально-экономического развития приграничных регионов.

Заместитель директора по научной работе Института экономики КарНЦ РАН,
доктор экономических наук
А.Е. Курило

ОСОБЕННОСТИ ТРАНЗИТА НАРКОТИЧЕСКИХ ВЕЩЕСТВ МЕЖДУ ПРИГРАНИЧНЫМИ РЕГИОНАМИ АФГАНИСТАНА И СРЕДНИАЗАТСКИХ ГОСУДАРСТВ

Ф.Л. Бражалович

МГУ им. М.В. Ломоносова

На протяжении большей части своей истории Афганистан если и имел пограничную службу, то лишь номинально. Местные власти устанавливали собственные режимы контроля за границей, взимая таможенные пошлины и патрулируя отдельные участки. Отсутствие жёсткого контроля и «местечковость» в подходе к управлению границами во многом являлись следствием политической географии Афганистана. Исторически сложилось так, что многие регионы и приграничные территории имели более тесные связи с территориями соседних государств, чем друг с другом. Сравнительно беспрепятственный трансграничный обмен был важнейшим условием ведения хозяйственной деятельности и поддержания социальных связей между жителями приграничных областей, но вместе с тем именно этот фактор способствовал наркотрафику. [2]

Несмотря на небольшое увеличение объемов изъятых наркотиков в отдельные годы, общая тенденция заключается в снижении объемов изъятия. Так, в 2010 г. все страны Центральной Азии перехватили менее 3% героина, поступающего по т.н. северному маршруту, через который экспортируется около 25% афганского героина. [1]

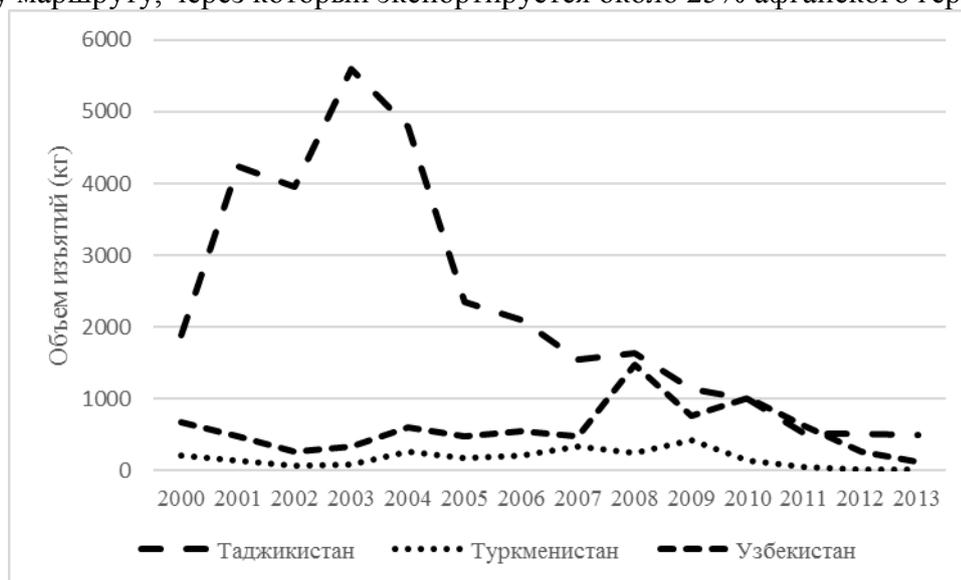

Рис.1. Изъятие героина в Таджикистане, Туркменистане, Узбекистане с 2000 по 2013 гг. Источник:[9]

Возможные объяснения сильного сокращения изъятий наркотиков в Центральной Азии включают изменение маршрутов и характера наркотрафика (например, фрагментация и более скрытый характер поставок наркотиков, затрудняющие их перехват), ослабление способности сил и структур безопасности в странах региона перехватывать наркотики, рост уровня коррупции (многочисленные доклады государственных и негосударственных организаций касательно этой проблемы указывают на злоупотребление властью и фактах коррупции в каждом центральноазиатском государстве, где официальные лица периодически задерживаются за содействие

переброске афганских опиатов, хотя впоследствии редко привлекаются к ответственности).[1][6]

Парадоксально, но сокращению способствуют ещё такие благоприятные для региона процессы, как развитие транспортной инфраструктуры (она одновременно стимулирует и отражает рост региональной и особенно трансрегиональной торговли). Сеть новых, отремонтированных и планируемых автомобильных и железных дорог все активнее используется – и будет продолжать использоваться – криминальными группировками. Так же растущий разрыв между расширяющимися торговыми и транспортными возможностями и ограниченным потенциалом государств региона в области безопасности, особенно в сфере межгосударственного сотрудничества в борьбе с наркоугрозой, не способствует увеличению изъятий наркотических средств. [1]

УНП ООН оценивает чистый доход наркоторговцев в 1,4 млрд. долл. (2009 г.). Это сопоставимо с объемом прибыли от незаконного оборота опиатов, вырученной наркоторговцами в самом Афганистане в том же году (1,2 млрд. долл.). Роль наркотрафика как источника дохода огромна. В рамках всего региона, она уступает по масштабу лишь денежным переводам от трудовых мигрантов - 2,4 млрд. долл. Любой из этих двух источников дохода значительно превышает по объему иностранную помощь государствам центральноазиатского региона и может сравниться с объемом официальных внешних экономических инвестиций в экономику Центральной Азии (например, со стороны Китая или Турции). В отличие от распределения наркодоходов в Афганистане, где на долю непосредственных производителей – крестьян – приходится более половины тех доходов от производства опиатов, которые остаются в стране, в Центральной Азии вся прибыль от транзита афганских опиатов уходит наркоторговцам, коррумпированным чиновникам и другим влиятельным игрокам. В регионе широко распространена коррупция, связанная с наркотиками, а антикоррупционное законодательство соблюдается слабо. [1][2]

Анализ показывает, что 70–75% опиатов в регионе перевозится автотранспортом, еще 15–25% приходится на железнодорожный и авиатранспорт, причем 8–10% всего поступающего в Россию афганского героина перевозится по воздуху. Из провинций Герат, Бадгис, Фарьяб, Дзауджан, Балх, Кундуз и, особенно, Бадахшан героин переправляется в границах с ними республики Центральной Азии. [1][7]

Граница между Таджикистаном и Афганистаном

Граница между Таджикистаном и Афганистаном является главным каналом контрабанды опиатов, предназначенных для сбыта в Российской Федерации. На Таджикистан приходится до 85% всего транзита опиатов через Центральную Азию. Важность этого государства для наркотрафикантов определяет география: длина афгано-таджикской границы превышает 1300 км, из которых около 1100 км приходится на реку Пяндж, рельеф, этническая однородность населения (по обеим сторонам границы проживают таджики по национальности, говорящие на одном языке), что помогает местным криминальным группировкам в налаживании «деловых» контактов, наличие относительно большого количества международных и двусторонних пунктов пропуска, которые, вероятно, используются для транзита запрещенных психоактивных веществ. Помимо этого, сами власти Афганистана частично способствуют тому, что Таджикистан приобретает такую значимость. Количество сотрудников пограничной полиции на расстояние в 1300 км весьма мало для эффективного противодействия незаконному обороту наркотиков. К тому же плотность дислокации афганских пограничников крайне низка, особенно по границам со среднеазиатскими республиками на севере. Средняя численность афганских пограничников, патрулирующих границу с Таджикистаном, составляет всего лишь один человек на каждый километр границы, это наименьший

показатель среди стран-соседей Афганистана. [2] Таким образом, в отношении Таджикистана среди всех центральноазиатских государств как нельзя кстати применимо выражение «где тонко, там и рвется».

Рис.2. Ситуация на «зеленых» участках афганской границы. Источник: [2]

В целом пограничные территории часто описываются как отдаленная местность с изрезанным рельефом, с трудом поддающаяся мониторингу и испытывающая дефицит объектов инфраструктуры. Конечно, некоторые из пограничных районов Таджикистана имеют хорошие пути сообщения с Душанбе, в частности, КПП в Нижнем Пяндже, который обеспечен современной дорожной сетью. Однако значительная часть таджикско-афганской границы, приходящаяся на Горно-Бадахшанскую автономную область (ГБАО), продолжает оставаться логистически и политически удаленной от Душанбе. К тому же, как было сказано выше, многие восточные пограничные районы как Таджикистана, так и Афганистана имеют больше связей друг с другом, чем с их соответствующими национальными столицами. Значительная часть контрабандных поставок осуществляется ночью при участии местного населения, которое перевозит товары через реку на лодках и с помощью автомобильных камер. [2][7]

В результате чего наблюдается рост легальной и нелегальной торговли с Афганистаном, которому способствовало активное строительство дорог и мостов, а также функционирование общих базаров по реке Пяндж. Например, ситуация в Ишкашине и Шигане, двух пограничных городах, расположенных в Бадахшане. Открытие там совместного базара создало более благоприятные условия для деятельности независимых наркоторговцев, не имеющих связей с чиновниками по обеим сторонам границы, так как способствовало установлению прямых трансграничных связей. Вообще Горный Бадахшан является одним из ключевых звеньев большинства маршрутов. Центр ГБАО – город Хорог, расположенный около впадения реки Гунт в Пяндж, – связан автомобильными дорогами с городами Душанбе и Ош. Уникальное географическое расположение ГБАО: изрезанность рельефа, близость "героиновой реки" Пянджа, наличие автомобильного сообщения с крупными центрами наркоторговли – Душанбе и Ошем, а также резко

ухудшившаяся в начале 1990-х годов социально-экономическая ситуация привели к тому, что Хорог стал одним из узловых центров наркотрафика. [7]

В течение многих лет доноры и международные структуры пытались залатать существующие бреши. В настоящее время Таджикистан является крупнейшим в Средней Азии получателем помощи, выделяемой на укрепление границ. Главными донорами являются Россия, США, ЕС, ОБСЕ и др. Выделяются средства на создание пограничных переходов, таможенных постов и иных объектов пограничной инфраструктуры, на потребности таджикских пограничников и таможенников в профессиональном обучении: в настоящее время в Душанбе имеется несколько соответствующих учебных центров, которые получают финансирование и поддержку от международного сообщества.

Граница между Узбекистаном и Афганистаном

В отличие от Таджикистана, Узбекистану удалось создать более эффективную систему контроля границ. Отчасти решение этой задачи облегчила относительно небольшая протяженность границы Узбекистана с Афганистаном – всего 137 км, вдоль которых идет два ряда колючей проволоки – а также сказалось наличие в Узбекистане мощных и относительно функциональных структур безопасности, равно как и повышенная озабоченность руководства страны возможностью любого «экспорта» нестабильности. Главный пропускной пункт на афгано-узбекской границе, расположенный на мосту Хайратон через реку Амударья, служит крупнейшим транспортным узлом вдоль всей северной границы Афганистана и плотно охраняется силами безопасности. Большая часть контрабандной торговли, в том числе наркотиками, осуществляется через неформальные пункты пересечения границы и в форме мелких поставок, которые затем можно погрузить и довести на автомашинах. [2] Этому способствуют пересеченный рельеф местности, наличие сотен горных троп, известных лишь местным проводникам. Основным перевалочным пунктом на данном направлении, по мнению экспертов, является город Термез, который связан с другими городами страны автомобильными и железными дорогами. [5]

Все же из-за сложности транспортировки через афгано-узбекскую границу наркоторговцы завозят афганские опиаты на территорию страны через не так хорошо охраняемую таджикско-узбекскую границу. Эксперты отмечают, что несмотря на решительный настрой на борьбу с наркотиками, Узбекистан не столь активно присоединяется к международным инициативам, направленным на противодействие наркоторговле, сколь предпочитает участие в двусторонних программах сотрудничества, которые предоставляют стране возможность принимать на себя относительно немного обязательств.

Граница между Туркменистаном и Афганистаном

Туркменистан разделяет более 700 км плохо охраняемых границ с Афганистаном. Специфика политического режима Туркменистана не способствует обнародованию данных по этой стране и потому в литературе и средствах массовой информации очень немного говорится о туркменистанском направлении незаконной транспортировки наркотических веществ из Афганистана. Хотя исторический контекст и ряд фактов новейшего времени свидетельствуют: и на туркменском, как и на всех других участках границы с Афганистаном, проблема существует. В страну наркотики попадают в первую очередь на территорию Лебапского и Марыйского велаятов, где перевалочными пунктами являются такие населенные пункты, как Атамурат и Серхетабад соответственно. [4]

Контрабандой, внутренним и внешним сбытом наркотиков в Туркменистане занимаются несколько крупных организованных преступных группировок во главе с

влиятельными криминальными «авторитетами», сращенными с государственными структурами. Активность наркогруппировок имеет определенные региональные особенности, например, выделяются Лебапский и Ахалский велаяты, западный, прикаспийский Балканский велаят служит лишь территорией транзита. Для обеспечения поставок нередко используются даже вооруженные прорывы через границу. [3]

Туркменистан во многих отношениях представляет собой особый случай. Благодаря уникальному местоположению государства и значительной протяженности его границ как с Афганистаном, так и с Ираном, через его территорию проходит важная дополнительная ветка балканского маршрута. Так как на границе с Афганистаном Иран имеет самую жесткую систему пограничного контроля во всем регионе. Для наркоторговцев одним из способов поставить наркотики в Иран в обход этой границы стало использование маршрута, пролегающего через отдаленную и плохо охраняемую афгано-туркменскую границу, а уже оттуда – в Иран.

Этому способствует политика контроля над границами, проводимая Туркменистаном, которая лежит в русле его гибкого и нейтрального подхода к Афганистану. Туркменские официальные лица поддерживают отношения с основными афганскими политическими игроками – как находящимися во власти, так и мятежниками. Этот подход ведет к более гибкой и открытой экономической политике в отношении управления границей с Афганистаном, но вместе с тем приводит и к негативным последствиям, а именно – к росту наркотрафика. [2]

Незаконный оборот наркотиков до сих пор остается одной из самых серьезных проблем, с которой сталкиваются государства региона. Эту проблему усугубляют разнообразные негативные явления, начиная от коррупции и заканчивая отсутствием связи (политическими, транспортными и т.д.) между центром и пограничными территориями, являющимися перевалочными пунктами для транзита наркотиков на рынки сбыта. Важной задачей для всех исследуемых стран является интенсификация международного сотрудничества в антинаркотической сфере, поскольку благодаря ему возможно достичь в противостоянии подобной угрозе положительных результатов.

Литература

1. Афганский наркотрафик. Совместная оценка угрозы / под ред. Ж. МакЛарен Миллер. – Нью-Йорк.: Институт Восток-Запад, 2014. – 60 с.
2. Афганский наркотрафик: состояние границ Афганистана / под ред. Дж. Гаврилис. - Нью-Йорк.: Институт Восток-Запад, 2014. – 44 с.
3. Князев А. «Северный наркотранзит»: к активности и маршрутизации на границах нейтрального Туркменистана // ВАТАН Общественно-политическое движение. URL: <http://watan.ru/2014/06/13/%C2%AB%D1%81%D0%B5%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%B9-%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BA%D0%BE%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B7%D0%B8%D1%82%C2%BB-%D0%BA-%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82/> (дата обращения: 28.06.2016)
4. Мендкович Н. Туркменистан в системе афганских угроз // портал «Afghanistan.ru». URL: <http://afghanistan.ru/doc/73872.html> (дата обращения: 28.06.2016).
5. Транспортировка героина по территории среднеазиатских государств // портал «Narcozona.ru». URL: <http://www.narcozona.ru/traff7.html> (дата обращения: 28.06.2016).

6. Файзулина К. Маковый трансфер // Независимый политический вестник «Скандалы.Ру». URL: <http://scandaly.ru/2015/07/30/makovyiy-transfer/> (дата обращения: 28.06.2016).
7. Хохлов И.И. Транспортировка героина по территории среднеазиатских государств // Информационно-публицистический ресурс «Нет наркотикам». URL: http://www.narkotiki.ru/5_6284.htm (дата обращения: 28.06.2016).
8. UNODC statistics URL: <https://data.unodc.org/> (дата обращения: 28.06.2016).

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ФИНЛЯНДИИ И РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ В ОБЛАСТИ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ИННОВАЦИЙ

М.М. Буркин,¹ Е.В. Молчанова²

¹ *Петрозаводский государственный университет (ПетрГУ)*

² *Институт экономики КарНЦ РАН (ИЭ КарНЦ РАН)*

Термин «инновация» происходит от латинского «novatio» и означает «обновление» (или «изменение»). Понятие innovation впервые появилось в научных исследованиях XIX в. Новую жизнь понятие «инновация» получило в научных работах американского экономиста Й. Шумпетера в результате анализа «инновационных комбинаций», способствующих развитию экономических систем. В экономической литературе существует множество определений понятия «инновация», в том числе под инновацией понимается внедренное новшество, обеспечивающее качественный рост эффективности процессов или продукции, востребованное рынком.

Однако, инновации - это не только разработка и совершенствование технологии производства каких-то товаров и услуг, инновации могут быть и социальными: реализованные на практике решения, которые способствуют участию людей в жизни общества, повышают уровень материального достатка и здоровья, образованности и благополучия в целом. Инновации невозможно рационально классифицировать в зависимости от того, какая из них лучше, важнее или изобретательнее. Список социальных инноваций включает как практические решения и предметы, которые облегчают повседневную жизнь, так решения и формы деятельности, носящие общественный характер, которые в значительной мере оказывают положительное влияние на благополучие граждан [4]. На наш взгляд, для Республики Карелия в этом отношении очень интересен опыт реализации социальных инноваций в Финляндии. Территории очень похожи между собой по экономико-географическому потенциалу, тем не менее по социально-экономическим характеристикам и качеству жизни населения наблюдаются существенные различия.

С 1990 года Организация Объединенных Наций каждый год публикует доклад о качестве жизни человека в странах мира. В оценке достижения стран учитываются следующие факторы, определяющие место страны в рейтинге: продолжительность жизни, уровень здравоохранения и образования, социальная защищенность, экология, уровень преступности, соблюдение прав человека и размер ВНД (валовой национальный доход) на душу населения. Рейтинг стран мира по качеству жизни разделен на четыре группы человеческого развития: к первой относятся страны с очень высоким уровнем развития, ко второй – страны с высоким уровнем развития, к третьей – со средним уровнем и к четвертой – страны с низким уровнем развития. Всего в рейтинге 187 стран. Данные, представленные в ежегодных докладах ООН, отстают (как правило) на два года от текущего года. Поэтому рейтинг, опубликованный в начале второго полугодия 2014 года, составлен на основании данных, полученных по итогам 2012-2013 гг.

Финляндия в этом рейтинге занимает 24 место среди стран с очень высоким уровнем развития. Основными факторами в этом сравнении являются: средняя продолжительность жизни населения, уровень образования и качества жизни. В стране действительно высокий уровень жизни, безопасность, отсутствие коррупции и бюрократии, отличная экология, одна из лучших систем образования и социальной защиты. Россия находится во второй группе (в группе стран с высоким уровнем развития), занимая 57-е место в общем списке стран мира [2].

Важнейшей характеристикой общественного здоровья и благополучия населения можно считать показатель ожидаемой продолжительности предстоящей жизни (ОППЖ),

рассчитываемый на основе таблиц дожития. В агрегированном виде он характеризует, с одной стороны, уровень смертности, с другой – дает возможность адекватного сопоставления различных территорий. Ожидаемая продолжительность жизни в Финляндии на 11,4 года больше, чем в России (рис. 1).

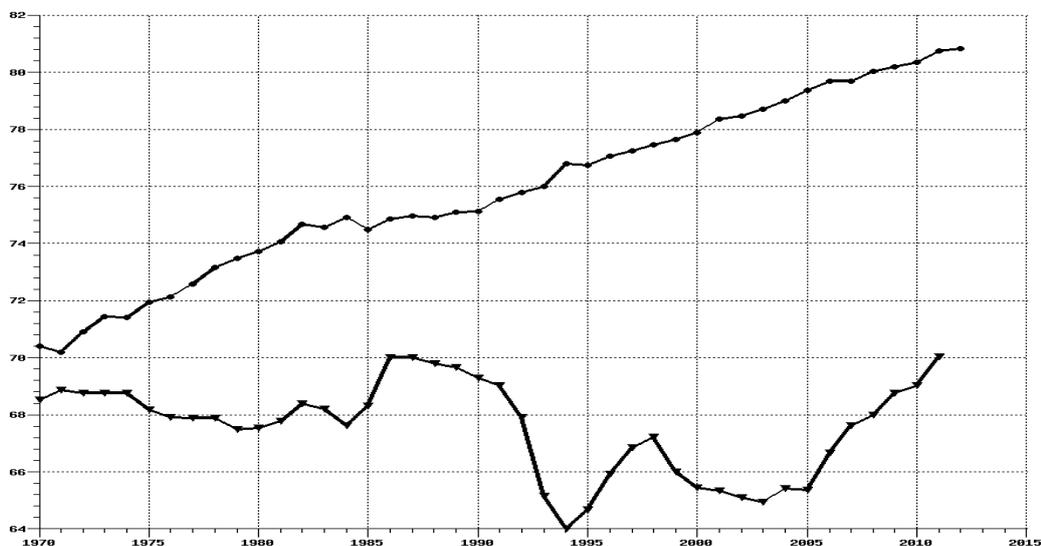

Рис. 1. Ожидаемая продолжительность предстоящей жизни (лет) в России (линия внизу) и Финляндии (линия вверху) с 1970 по 2013 год

В связи с чем, возникает вполне закономерный вопрос, какие социально-экономические мероприятия, программы в области демографической политики и общественного здоровья позволили достичь таких результатов. Разобраться в этом позволяет идеология проекта Глобального бремени болезней (ГББ), которую можно использовать, как систему бенчмаркинга (процесса непрерывной оценки и сравнения территории с любым из мировых лидеров с целью получения информации, которая поможет этой территории улучшить свои показатели). Бенчмаркинг можно рассматривать как одно из направлений стратегически ориентированных исследований в области общественного здоровья. Внедрение бенчмаркинга может быть эффективно использовано в российской практике для снижения потерь от основных причин смертности.

Идеология проекта ГББ предлагает использовать показатель потерянных лет здоровой жизни (DALY – Disability Adjusted Life Years), который наиболее удобен для выделения вклада различных причин потерь здоровья в общую величину таких потерь. Индекс DALY для некоторого заболевания или расстройства здоровья представляет сумму двух величин: $DALY = YLL + YLD$. Показатель YLL (years life lost – годы потерянной жизни) характеризует потери вследствие преждевременной смертности, второй компонент – индекс YLD (years lost due to disability) – годы жизни, потерянной вследствие нарушений здоровья (без учета смертельных исходов) [1, 5].

На рис. 2 представлена динамика показателя DALY (на 100 тыс. чел.) для России и Финляндии с 1990 по 2013 годы. По расчетным данным международного проекта Глобального бремени болезней, индикатор «потерянные годы здоровой жизни» составил в России в 2013 г. 40352 года на 100 тыс. населения, что в 1,5-2 раза выше уровня индустриально развитых стран, в том числе и Финляндии. Эта цифра наглядно демонстрирует социальные и экономические потери от высокой смертности и заболеваемости в нашей стране.

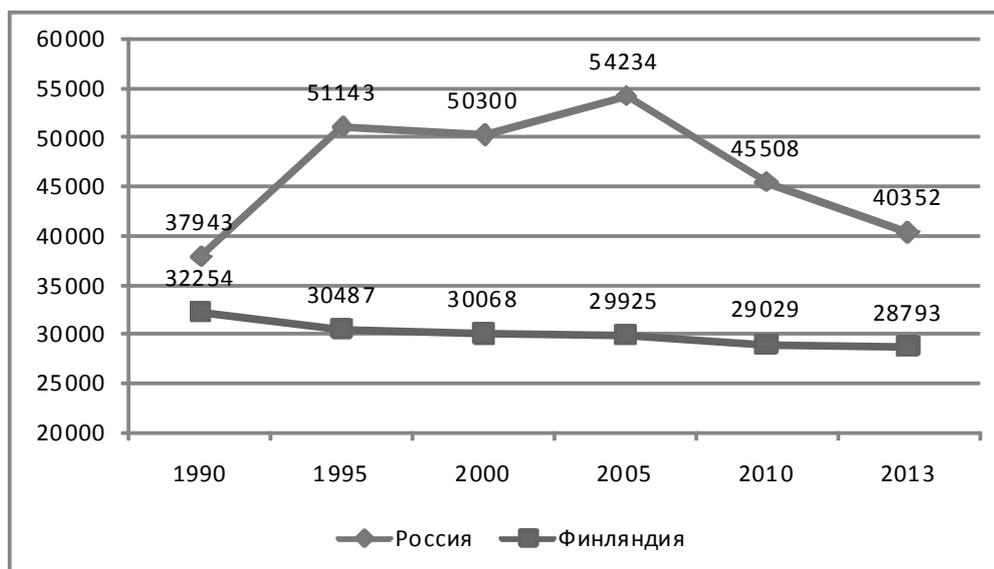

Рис. 2. Динамика показателя DALY (на 100 тыс. человек) для России и Финляндии с 1990 по 2013 гг.

Различия России и Финляндии по общему уровню здоровья можно проиллюстрировать на основе анализа показателей смертности, YLD, DALY (лет, на 100 тыс. человек) за 23 летний период (табл. 1). В России за 23 года значение индекса DALY («потерянные годы здоровой жизни») увеличилось на 2409 единиц, тогда как в Финляндии наблюдается его сокращение на 3461. При этом в нашей стране также растет смертность и индикаторы заболеваемости. В Финляндии наблюдается увеличение индекса YLD, но в данном случае это скорее положительная тенденция, свидетельствующая о своевременной диагностике, выявлении и профилактике заболеваний. Настораживает увеличивающийся разрыв показателя DALY между Россией и Финляндией. В 1990 году он составил 5689 единиц, а в 2013 уже 11559, что еще раз подтверждает эффективность финской политики в области общественного здоровья и отсутствия положительного тренда в нашей стране.

Таблица 1

Изменение показателей смертности, YLD, DALY (на 100 тыс. человек) с 1990 по 2013 гг. в Финляндии и России

Год	Показатель	Финляндия	Россия	Разница
1990	Смертность	1006	1079	-73
	YLD	13457	11286	2171
	DALY	32254	37943	-5689
2013	Смертность	970	1289	-319
	YLD	14675	12339	2336
	DALY	28793	40352	-11559
Разница	Смертность	-36	210	*
	YLD	1218	1053	*
	DALY	-3461	2409	*

В ряду важнейших индикаторов показателя DALY – гендерная компонента. В табл. 2 представлены показатели DALY для мужчин и женщин в Финляндии и России с 1990 по 2013 годы. В России за 23 года показатель DALY ухудшился у мужчин и женщин, причем у мужского населения этот процесс более выражен, в результате разрыв в состоянии здоровья мужской и женской части населения увеличился. В Финляндии

значение индекса DALY, напротив, сокращается, хотя также наблюдается значительная гендерная диспропорция.

Таблица 2

Изменение абсолютных показателей DALY (лет, на 100 тыс. человек)
для мужчин и женщин с 1990 по 2013 гг. в Финляндии и России

Год	Пол	Финляндия	Россия	Разница
1990	Мужчины	36158	44082	-7924
	Женщины	28574	32538	-3964
2013	Мужчины	31492	48561	-17069
	Женщины	26181	33324	-7143
Разница	Мужчины	-4666	4479	*
	Женщины	-2393	786	*

В настоящее время среди всех причин смерти в России лидируют пять классов заболеваний: сердечно-сосудистые (653,9 умерших на 100 тыс. чел.), злокачественные новообразования (201,9 умерших на 100 тыс. чел.), внешние причины (травмы, отравления, самоубийства и др.) (129,9 умерших на 100 тыс. чел.), болезни органов пищеварения (67,2 умерших на 100 тыс. чел.) и органов дыхания (54,5 умерших на 100 тыс. чел.). В последние годы внешние причины стали занимать третье место в структуре смертности населения России (долгое время они были на второй позиции). В 2014 г. смертность от внешних причин составила 129,9 умерших в расчете на 100 тыс. чел. населения, в том числе от случайных отравлений алкоголем – 10,7; от самоубийств – 18,5; от убийств – 9,0; от транспортных несчастных случаев – 20,0. В Карелии аналогичные показатели существенно выше (табл. 3).

Таблица 3

Смертность по основным классам причин смерти в Карелии (на 100 тыс. чел.)

Причина смерти	2010	2011	2012	2013	2014
Всего умерших от всех причин	1618,7	1477,7	1535,9	1460,7	1459,4
<i>В том числе от:</i>					
инфекционных и параз. болезней	22,1	17,6	20,5	15,9	14,7
новообразований	231,6	224,8	241,3	235,3	247,4
болезней системы кровообращения	871,8	791,7	828,4	803,7	783,2
болезней органов дыхания	57,0	50,1	43,4	44,7	48,8
болезней органов пищеварения	77,8	65,5	80,5	69,4	70,2
внешних причин смерти, в т.ч.	193,9	171,9	155,3	140,3	138,0
случайных отравлений алкоголем	24,8	19,0	12,7	12,6	9,5
самоубийств	27,1	25,6	25,8	24,5	22,7
убийств	13,3	15,4	10,3	9,9	12,0

Показатель DALY (потерянные годы здоровой жизни) повышает значимость тех причин, которые присущи более молодым возрастным группам. Обратим особое внимание на формирование показателя DALY в возрастной группе от 15 до 49 лет, рассмотрим главные его составные части. В России первую позицию занимают «внешние причины (травмы, отравления, самоубийства и др.)» (25%), вторую – психические расстройства и расстройства поведения (в том числе алкоголизм и наркомания, 16%), третью – сердечно-сосудистые заболевания (14%). Основные причины потерь DALY в

России должны стать объектом самого пристального внимания ученых и ответственных за принятия решений в области демографической и социально-экономической политики.

Таким образом, для Республики Карелия наиболее интересны финские социальные инновации в области общественного здоровья: проект по профилактике сердечно-сосудистых заболеваний («Северная Карелия»), а также программа по снижению уровня суицидальной смертности. В начале 1970-х годов смертность от сердечно-сосудистых заболеваний (ССЗ) в Финляндии была самой высокой в мире, причем наиболее сложная ситуация наблюдалась в провинции Северная Карелия. В январе 1971 года было подписано обращение, в котором представители различных организаций обратились с просьбой к правительству о принятии срочных мер для улучшения ситуации, что послужило толчком к организации проекта «Северная Карелия». Исследования неинфекционных заболеваний (НИЗ) установили, что ведущими причинами ССЗ являются факторы риска, относящиеся к образу жизни и привычкам (курение, высокое артериальное давление, избыточная масса тела). В результате был сделан вывод о том, что реальные изменения в состоянии здоровья населения могут быть получены только с помощью профилактической работы. Заболевания, приводящие к ранней смерти, недостаточно просто лечить – их нужно предупреждать. Спустя 40 лет с запуска проекта «Северная Карелия», о его результатах говорят цифры. Показатель смертности от ССЗ снизился в этом регионе на 85%. А поскольку та же политика стала распространяться на всю страну, существенное снижение аналогичного показателя наблюдается и в остальных регионах Финляндии [3].

В СССР и России также существовали многочисленные программы по профилактике ССЗ, однако большинство из них носили локальный характер и не были ориентированы на целое сообщество. В настоящее время в Республике Карелия и Финляндии реализуется совместный проект «Здоровье в фокусе: совершенствование профилактической работы и пропаганды здорового образа жизни в двух Карелиях» (имеется в виду Республика Карелия и провинция Финляндии – Северная Карелия). Он направлен на улучшение информированности населения о факторах риска для здоровья и повышение уровня знаний медицинских специалистов в вопросах формирования здорового образа жизни. Его основным недостатком является выборочный охват профилактическими мероприятиями отдельных категорий граждан, проживающих в республике, следовало бы ориентировать реализацию проекта на более широкие слои населения.

Стрессовые ситуации способствуют развитию серьезных психических проблем таких, как тревожные, невротические и депрессивные расстройства, которые значительно снижают качество жизни граждан. Наши результаты подтверждаются данными проекта ГББ. Во всем мире можно найти тысячи примеров того, как люди с психическими расстройствами не просто интегрируются в общество, а ведут продуктивную жизнь, играют экономически важную роль, занимаются бизнесом, работают на передовых предприятиях. В настоящее время имеются неоспоримые факты, свидетельствующие о том, что адекватная профилактика и лечение некоторых психических и поведенческих расстройств может уменьшить распространенность самоубийств.

Проблема большого числа самоубийств характерна не только для России, но и в особенности для Республики Карелия. Проблема суицида чрезвычайно сложна, и количество самоубийств в каждой стране зависит от множества характерных именно для этого народа факторов. Причины высокого уровня самоубийств в финно-угорской группе исследователи пытались выявить неоднократно, среди них назывались и смена сезонов (угнетающий климат, «невзрачная», «серая» погода), употребление алкоголя, экономическая нестабильность, тип личности, религиозные традиции. Показатели количества самоубийств в России заметно превышают среднемировые (10–20 случаев на

100 тыс. чел. населения). Подобные негативные тенденции имеют место и в Республике Карелия. В регионе отмечается превышение общероссийского показателя по уровню зафиксированных самоубийств.

Анализ факторов суицидального поведения в России имеет важное социально-экономическое и геополитическое значение, оказывая неоценимую помощь в разработке действенных мероприятий по снижению смертности в России, а также в наиболее проблемных регионах, к числу которых относится Республика Карелия. Интересен в этом отношении также опыт Финляндии, которая была первой страной в мире, разработавшей и внедрившей программу по предотвращению самоубийств в период с 1986 по 1996 гг. При составлении программы тщательно изучался каждый случай самоубийства, были составлены отчеты о причинах смерти в отношении 1397 человек. В рамках этой программы были изучены и предотвращены самоубийства по всей Финляндии (уровень суицидов сократился на 40%). Программа является уникальной в масштабах всего мира, поскольку она давала рекомендации и оказывала помощь людям в сложной жизненной ситуации [6]. В России подобная программа профилактики находится в стадии разработки, хотя специалисты не раз обращали внимание на необходимость ее создания, особенно в проблемных регионах (например, в Республике Карелия).

Разработка медико-демографической политики должна строиться на современной научной информации, касающейся социально-экономического развития региона, индикаторов общественного и психического здоровья, эффективных способов лечения основных заболеваний, перспективных стратегиях профилактики. Для решения этой задачи необходимо проведение комплексных эпидемиологических исследований, которые позволят получить полную информацию о масштабах и видах проблем в регионе. Тогда построение, развитие и дальнейшее распространение в регионе модельных программ профилактики с использованием всего имеющегося отечественного и зарубежного опыта станет ведущей стратегией развития медицинской помощи.

Работа выполнена в рамках фундаментальных научных исследований по теме «Экономико-математическое моделирование и прогнозирование адаптации региональных социо-эколого-экономических систем к изменениям мировой экономики, федеральной политики и другим внешним шокам» (0224-2015-0002).

Литература

1. Ермаков С.П. Прогноз потерь лет здоровой жизни населения РФ (методология и основные результаты прогноза). – М.: Palmarium Academic publishing, 2013.
2. Молчанова Е. В. Медико-демографические процессы как отражение социально-экономических условий жизни общества в России, Республике Карелия и Финляндии. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2012. 163 с.
3. Пуска Пекка. Проект «Северная Карелия»: от Северной Карелии до проекта национального масштаба. – Хельсинки: Изд-во Университета Хельсинки, 2011. 291 с.
4. Сто социальных инноваций Финляндии. Ladoga printing company. СПб. 2015.
5. Institute for Health Metrics and Evaluation. URL: <http://www.healthdata.org/results/datavisualizations> (дата обращения 15.10.2015).
6. Upanne M., Hakanen J., Rautava M. Can Suicide Be Prevented? The Suicide Project in Finland 1992-1996: Goals, Implementation and Evaluation. STAKES National Research and Development Centre for Welfare and Health, Helsinki, Finland, 1999.

ТУРИЗМ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ПРИМОРСКОГО КРАЯ)

С.Ю. Гатауллина

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

В конце XX - начале XXI века все большее влияние на жизнедеятельность человечества оказывает фактор глобализации, формирующий новое качество функционирования социума и проявляющийся в увеличении масштабов и характера происходящих в обществе интеграционных процессов. Национальные границы и приграничные территории государства все более трансформируются от образа и функции зон «барьерности» к образу и функции зон «контактности» для развития международного сотрудничества. Трансграничность территории в настоящее время рассматривается в качестве фактора конкурентоспособности региона.

Исследование публикаций позволило выявить разнообразие подходов к идентификации понятия «трансграничность». Замятин Д.Н., Бакланов П.Я., Шинковский М.Ю. и ряд других авторов идентифицируют это понятие с целостной органически саморазвивающейся системой, включающей границу и характеризующейся постоянными изменениями (влияющими на состояние пограничного режима), «импульсами к движению» (развитию приграничных территорий и общих трансграничных пространств), а также противоречивостью [4], [6]. [7].

В общем смысле, приграничные территории - это территории, непосредственно прилегающие к государственной границе, испытывающие на себе наибольшее влияние границы и соседней страны и обладающие особым, дополнительным потенциалом развития и международного сотрудничества, определяемым Баклановым П.Я. как «специфический потенциал приграничья», складывающийся, по мнению автора, из следующих факторов: географического положения (близость к государственной границе), специфической инфраструктуры приграничья, возможности широкого использования ресурсов и потенциала приграничья соседней страны, возможности развития различных форм международного сотрудничества [6, с. 19-20].

Повышение эффективности реализации конкурентных преимуществ региона и потенциала трансграничного сотрудничества относится к наиболее значимым управленческим функциям администраций приграничных субъектов Российской Федерации, как факторам, формирующим трансграничные «коридоры» выхода России на мировые рынки товаров и услуг [5].

В связи с событиями на Украине и введением США и рядом стран Евросоюза санкций в отношении России необходимость повышения эффективности и масштабов интеграции страны в социально-экономическое пространство страназиатско-тихоокеанского региона (АТР) является важной политической и экономической задачей.

Дальний Восток России находится в зоне сильных геополитических контрастов. Государства - экономические локомотивы АТР, отличаются от России иным общественно-политическим устройством и, что более важно, другим, более высоким уровнем социально-экономического развития. Поэтому при интенсификации интеграционных процессов регионы Дальнего Востока неизбежно будут включаться в орбиту экономического и политического влияния этих государств, что создает опасность усиления тенденции превращения регионов Дальнего Востока России в ресурсно-сырьевой придаток этих стран [2].

«Стихийность в развитии связей Дальнего Востока со своими географическими соседями в регионе и в начале 1990-х, и в 2000-х гг. еще больше усилила дисбаланс между богатыми природными ресурсами, с одной стороны, и малой численностью населения и

собственными возможностями для инвестиций – с другой. Тихоокеанская Россия за годы реформ все очевиднее утрачивала естественные связи с остальной частью страны, но при этом так и не сумела в полной мере включиться в международное сотрудничество в Северо-Восточной Азии» [1, с. 246-247].

Анализ данных Территориального органа государственной статистики по Приморскому краю (Приморскстат) о результатах внешнеэкономической свидетельствует, что удельный вес регионов Дальнего Востока во внешнеторговом обороте России по итогам 2015 года составил 4,9 % или 26,5 млрд. долл. США, в том числе на экспорт пришлось 6 % или 20,6 млрд. долл. США, на импорт – 3,3 % или 5,9 млрд. долл. США. По сравнению с докризисным 2010 годом объем внешнеторгового оборота снизился на 34,1 %, в том числе по экспорту – на 26,4 %, по импорту – на 51,6 %. Наибольший объем внешнеторгового оборота ДФО в 2013 году пришелся на Сахалинскую область – 48 %, Приморский край – 27 %, Республику Саха – 15 %, Хабаровский край – 6 %.

Традиционно, Приморский край рассматривается в качестве форпоста России в АТР и фактора формирования «евро-азиатского коридора» вхождения России в систему азиатско-тихоокеанского экономического и политического сотрудничества. Доля Приморского края во внешнеторговом обороте России в 2015 году составила 1,5 %. По данным Дальневосточного таможенного управления (ДВТУ) и Приморскстата в 2015 году внешнеторговый оборот Приморского края сократился на 45% по сравнению с 2014 г. и составил 7046,4 млн. долл. США, экспорт сократился на 36% до 3372,1 млн. долл. США, импорт на 52% до 3674,3 млн. долл. США. Сокращение стоимости внешнеторгового оборота Приморского края (при росте объемов некоторых экспортных товаров, таких как нефть и нефтепродукты и пр.) произошло, в основном, в связи со сложившейся международной обстановкой – принятием ограничительных политических и экономических мер, введенных в отношении России, а также снижения стоимости на нефть и нефтепродукты. В 2015 г. в пунктах пропуска через государственную границу Российской Федерации в пределах Приморского края внешнеэкономическую деятельность осуществляли 3311 участников, что составило 59,5% от общего количества участников ВЭД, зарегистрированных на территории Дальневосточного федерального округа (снижение на 14% к уровню 2014 г.). Деятельность участников ВЭД Приморского края в 2015 году осуществлялась со 120 странами мира, из которых 9 – страны СНГ.[2]. Наибольший объем внешнеторговых операций Приморского края в 2014 – 2015 годах, традиционно, пришелся на КНР – 51 %, Республику Корея – 17 %, Японию – 14% и США – 1,5 %. Товарооборот с этими странами ежегодно составляет более 83 % внешнеторгового оборота края. Данные об объеме внешнеэкономической деятельности Приморского края по данным Приморскстата в разрезе стран-партнёров приведены в таблице 1.

Таблица 1

Показатели объёма внешнеэкономической деятельности Приморского края в разрезе стран-партнёров, млн. долл. США

Страны	Экспорт			Импорт			Товарооборот		
	2014	2015	2015/ 2014	2014	2015	2015/ 2014	2014	2015	2015/ 2014
КНР	2423,9	1478,9	61%	3935,9	2058	52%	6359,8	3536,9	56%
Р.Корея	1059,4	764,5	72%	927,3	304,4	33%	1986,7	1068,9	54%
Япония	308,9	211,5	68%	1638,3	587,2	36%	1947,2	798,7	41%
США	189,7	56,5	20%	110,2	27,9	25%	299,9	84,4	28%
Прочие	1278,	860,7	67%	979,2	696,8	71%	2257,8	1557,	69%

	6							5	
Всего	5260, 5	3372, 1	64%	7590,9	3674,3	48%	12851, 4	7046, 4	55%

Благоприятное трансграничное положение Приморского края, наличие уникального туристско-рекреационного потенциала позволяют рассматривать развитие туризма в качестве одного из факторов повышения эффективности интеграции российского Дальнего Востока в рынок товаров и услуг АТР.

Развитие туризма в Приморском крае является одним из стратегических приоритетов социально-экономического развития региона, сектором возможной специализации региональной экономики. Развитие туризма способствует повышению инвестиционной привлекательности региона, не требует значительных затрат регионального бюджета на развитие материальной инфраструктуры и технологий, содействует бережному природопользованию, оказывает высокий мультипликативный эффект на диверсификацию региональной экономики.

Приморский край обладает значительными конкурентными преимуществами по развитию туризма по сравнению с другими субъектами ДФО (Дальневосточный федеральный округ), обусловленными трансграничным положением края:

- наличием протяженной границы со странами АТР, развитой системой пограничных пунктов пропуска, значительным числом консульских учреждений на территории края;

- близостью к Приморскому краю более 5 миллионов потенциальных потребителей туристских услуг из субъектов ДФО и стран АТР в пределах 2-3 часовой доступности воздушным транспортом;

- исторически сложившимся устойчивым интересом жителей приграничных с Приморским краем стран к посещению края;

- позиционированием Владивостока как центра делового сотрудничества России в АТР, большим числом проводимых в крае деловых, культурных, событийных мероприятий международного уровня;

- значительным интересом, проявляемым населением стран АТР к посещению Приморского края;

- наиболее благоприятными на Дальнем Востоке России природно-климатическими особенностями и выходом к теплому морю;

- развитой транспортно-логистической системой, портовой инфраструктурой и выходом к Транссибирской железнодорожной магистрали и рядом других преимуществ.

В туристской деятельности феномен трансграничности территории формирует дополнительные возможности для повышения эффективности сотрудничества и проявляется в следующем:

- трансграничные территории обладают достаточно сходными природно-климатическими характеристиками, что не требует при организации приграничного туризма особых мер по акклиматизации туристов или специальном приобретении ими подходящей для путешествия одежды и обуви как, например, при путешествии в более отдаленные регионы. Это повышает конкурентоспособность приграничных туров;

- близость приграничных территорий способствует значительному сокращению доли транспортных расходов в стоимости туров, что повышает ценовую доступность приграничного туризма;

- несмотря на близость приграничных территорий, социально-экономический уклад, культура и традиции проживающих на этих территориях народов значительно отличаются, что способствует стабильному интересу к кросс-культурному

взаимодействию населения и экономическому сотрудничеству предпринимательских структур приграничных территорий;

- как правило, население трансграничных территорий в равной степени заботят проблемы экологического благополучия, сохранения биологического разнообразия природной среды, что побуждает их к активизации совместной природоохранной деятельности и проведении научных исследований в этой сфере и ряд других возможностей.

В соответствии с Государственной программой Приморского края «Развитие туризма в Приморском крае» на 2013-2017 годы на территории Приморского края определены муниципальные образования, ресурсный потенциал которых позволяет рассматривать развитие туризма в качестве значимого фактора социально-экономического развития территории. На территории этих муниципальных образований края планируется создание 6-ти туристско-рекреационных кластеров (ТРК), один из которых является приграничным и располагается на территории Хасанского муниципального района.

В силу своего уникального геополитического положения Хасанский район обладает значительным трансграничным потенциалом и рассматривается в качестве международного транспортного «коридора» или связующего «звена» между Приморским краем (Россия), провинцией Цзилинь (Китай), свободной экономической зоной Роджин-Сонбонг (КНДР), префектурами Акитаи Тоттори (Япония) и г. Сокчо (Республика Корея). На территории района действуют пункт пропуска для двухстороннего грузового и пассажирского автомобильного сообщения с КНР «Краскино-Хуньчунь», железнодорожный пункт пропуска с КНР «Махалино-Хуньчунь», приграничный железнодорожный пункт пропуска с КНДР «Хасан», действуют три порта, которые осуществляют международные морские перевозки грузов и пассажиров в пгт. Зарубино, пгт. Посыет и пгт. Славянка.

Хасанский район обладает уникальными природно-рекреационными, историко-культурными ресурсами, относительно развитой инфраструктурой, позволяющими принимать до 1 млн. туристов ежегодно. Ядро проектируемого Хасанского ТРК расположено между двумя бухтами Баклан и Бойсмана, в радиусе тысячи километров от которого располагаются самые развитые страны АТР (Китай, Р.Корея, Япония), где проживает более 300 млн. человек – потенциальных потребителей туруслуг Хасанского ТРК. Концепция развития Хасанского ТРК предусматривает значительное развитие туристской инфраструктуры, объектов туристической индустрии, дорожно-транспортной инфраструктуры, реконструкцию прибрежной зоны. Развитие транспортной инфраструктуры кластера предполагает строительство вертолетной площадки, велодорожек для кольцевых и радиальных велосипедных маршрутов, а также автобусное сообщение между структурными элементами кластера по типу «шаттлов» и использование в этом качестве маломерного флота («морское такси»). Ядро проектируемого ТРК будет связано сетью наземных и морских маршрутов с ареалами сгущения природных и историко-культурных рекреационных объектов в бухтах Алеут, Кубанская, Витязь, Астафьева, Теляковского, Баклан, Экспедиции. Развитие сельского и агротуризма предполагает реализацию разнообразных экскурсионных, развлекательных, историко-культурных программ, связанных с посещением крестьянских (фермерских) хозяйств, проживанием в гостевых домах, экскурсиями и прогулками, рыбалкой, катанием на лодках и другими видами. В результате реализации концепции ТРК произойдет трансформация социально-экономической геосистемы Хасанского района, что к 2018 г. выразится в следующем:

- формировании на территории района новых зон предпринимательской активности, новых зон жилой застройки, изменении демографической ситуации;
- увеличении туристского потока на 144%, что позволит значительно повысить

заполняемость средств размещения, будет способствовать диверсификации видов предпринимательской деятельности по обслуживанию туристов, росту предпринимательской активности, росту инвестиционной привлекательности Хасанского муниципального района;

- увеличении совокупного дохода от туризма на 211%, что позволит улучшить финансирование и состояние историко-культурных и природно-рекреационных объектов, повысить качество жилого фонда и сервисной инфраструктуры на территории Хасанского муниципального района;

- дополнительном создании 1020 рабочих мест, появлении новых специальностей, повышении уровня трудовой занятости населения.

В Приморском крае еще 4 муниципальных образования имеют выход к государственной границе с обустроенными пограничными пунктами пропуска (пассажирскими и грузовыми) и развитой приграничной инфраструктурой, что позволяет рассматривать эти муниципальные образования в качестве потенциальных территорий для формирования приграничных ТРК. Концепция дальнейшего развития приграничных туристских кластеров предусматривает формирование трансграничного туристского кластера. Исследовательский интерес к вопросам формирования трансграничных туристских кластеров (ТТК) в последнее время значительно возрос. В работах Мирзехановой Д. Г. ([«Целевой туристский кластер под потребителя в пределах трансграничных территорий на примере Хабаровского края»](#)), Шпилевого И.Н. («Проблемы развития туризма на трансграничных территориях»), совместной публикации Грицай М.А., Маевского Д.П., Кулапина Е.В. («Функциональные перспективы создания туристско-рекреационных кластеров в условиях единого экономического пространства»), Дроздецкой А.А. («Формирование туристских кластеров на приграничных территориях»), Емченко Д.Г. («Трансграничный регион как социокультурный феномен: дальневосточная модель») и ряда других авторов обосновывается роль трансграничных туристских кластеров как факторов повышения устойчивости социально-экономического развития регионов и более эффективного использования региональных ресурсов. Позитивное влияние ТТК на повышение устойчивости развития регионов обусловлено возможностью реализации следующего потенциала ТТК:

- мультипликативного эффекта, являющегося атрибутивной чертой, как туризма, так и крупного инвестиционного проекта;

- повышения уровня конкуренции регионов, входящих в ТТК, что приводит к росту качества туристского продукта;

- роста трудовой занятости населения, как в сфере туризма, так и сопутствующих отраслях;

- роста инвестиционной активности, связанной с реализуемыми в рамках ТТК масштабными долгосрочными проектами;

- инновационности, как одного из базовых принципов формирования ТТК, характеризующейся увеличением возможности формирования и внедрения научных разработок в кластере и активизацию частнопредпринимательской инициативы в инновационной сфере;

- стимулирующей функцией, которая заключается в том, что реализация эффективных кластерных инициатив способствует вовлечению новых ресурсов в экономику туристского регионального рынка и обновлению существующих [3].

Формирование ТТК, включающего часть территории Северо-Восточной Азии и регионов Дальнего Востока России, ядром которого может рассматриваться г. Владивосток, позволит:

- реализовать конкурентные преимущества трансграничного положения Приморского края, выражающегося в интересе посещения Российского Дальнего Востока

жителями АТР в рамках кольцевых туров, что, по оценке экспертов, позволит увеличить въездной международный транзитный турпоток в Приморском крае до 10 млн. человек в год;

- возродить в крае круизинг;
 - повысить инвестиционную привлекательность реализуемых в рамках ТТК инновационных проектов в сфере туризма и гостеприимства;
 - увеличить продолжительность пребывания отечественных и иностранных туристов на территории Приморского края до 4-7 суток (в настоящее время 2,5-3 суток);
 - реализовывать в рамках ТТК масштабные международные программы в экономической, социальной и других сферах
- и ряд других мер, которые будут способствовать повышению устойчивости социально-экономического развития Приморского края, росту трудовой занятости населения края, увеличению валового регионального продукта, диверсификации экономики, более эффективной реализации исторической миссии Приморского края как форпоста России в АТР.

Литература:

1. Арешидзе, Л.Г. Международные отношения в Восточной Азии. Угрозы и надежды. / Л.Г. Арешидзе. – М.: Междунар. отношения, 2007. – 296 с.
2. Гатаулина, С.Ю. Роль геополитического ресурса в обеспечении устойчивого развития региона // Природно-ресурсный потенциал регионального развития Азиатской России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Владивосток: Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, 2014. – С. 259-261.
3. Грицай, М.А., Маевский Д.П., Кулагина Е.В. Функциональные перспективы создания туристско-рекреационных кластеров в условиях единого экономического пространства / М.А. Грицай, Д.П. Маевский, Е.В. Кулагина // Омский научный вестник. — 2012. — № 4 (111). — С. 78-81.
4. Замятин, Д.Н. Азиатско-Тихоокеанский регион и северо-восток России: проблемы формирования географических образов трансграничных регионов в XXI в. // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. — 2004. — № 1. — С. 136-142.
5. Романов, М.Т. Евразийские трансконтинентальные экономические оси и их «восточные плацдармы» // Гуманитарный вектор. Серия: Философия, культурология. — 2014. — № 2 (38). — С. 172-183.
6. Трансграничный регион: понятие, сущность, форма: монография // Науч. ред.: д.чл. РАН, проф. П.Я. Бакланов; д-р полит.наук, проф. М.Ю. Шинковский. - Владивосток: Дальнаука, 2010. — 276 с.
7. Шинковский, М.Ю. Трансграничное сотрудничество как рычаг развития Российского Дальнего Востока / М.Ю. Шинковский // ПОЛИС. Полит.исслед. – 2004. – № 5. – С. 62-70.

РАЗВИТИЕ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ: ВЛИЯНИЕ ВНЕШНИХ ШОКОВ

П.В.Дружинин

Институт экономики КарНЦ РАН (ИЭ КарНЦ РАН)

Либерализация внешнеэкономической деятельности и снижение барьерности границы ведет к росту объемов внешней торговли и увеличению перемещения товаров через границу, что способствует развитию отдельных отраслей промышленности и ухудшает положение других. Движение товаров способствует развитию территории – вкладываются средства в инфраструктуру, возникают и развиваются обслуживающие ее фирмы. Первоначально, из менее развитой страны обычно вывозится сырье и промежуточные товары, организуется сборка изделий из комплектующих, и лишь затем с ростом опыта и квалификации, и при создании благоприятных условий для бизнеса возникает производство конечной продукции [1].

С открытием границы через нее активизируется перемещение финансовых средств, создание ПИИ. С перемещением средств может быть связано и перемещение технологий, создание предприятий на новом технологическом уровне.

Со снижением барьеров развивается туризм, способствующий развитию сферы услуг, и увеличению доходов приграничных регионов. Возрастает поток специалистов и учащихся на учебу, временную работу или на постоянное место жительства. В то же время в менее развитую страну временно могут приезжать для работы специалисты из соседних стран, что также способствует накоплению новых знаний и информации. Республику Карелию ежегодно покидает 300-400 человек, как правило, образованных, уезжающих в соседнюю Финляндию. Часть их возвращается и около 200 граждан Финляндии работает временно в республике.

Оказание технической помощи, передача опыта и документации, участие в совместных проектах, обучение специалистов, научное сотрудничество могут оказать существенное влияние на экономику и социальную сферу региона. Возможность повышения уровня менеджмента, появляются условия для появления инновационных фирм и изменения структуры регионального бизнеса.

Территориальная глубина сотрудничества может различаться, и трансграничное сотрудничество охватывает приграничное, под которым понимается сотрудничество граничащих друг с другом муниципальных образований разных стран, сопредельное, которое включает сотрудничество граничащих друг с другом регионов разных стран и собственно трансграничное (неконтактное), охватывающее сотрудничество не граничащих друг с другом регионов разных стран. В зависимости от уровня приграничного сотрудничества муниципальных образований предложено несколько эволюционных моделей, описывающих три типа взаимодействия в зависимости от их содержания и интенсивности.

В европейских странах приграничное сотрудничество охватывает ближайшие к границе муниципальные образования, расположенные в пределах 15 км от таможенных пунктов. Во многих регионах РФ, особенно на Севере плотность населения низка. В Карелии вблизи МАПП есть только одно поселение, еще два – рядом с ПУП, но через них идет только экспорт древесины.

Основываясь на концепции кольцевых структур среди российских регионов можно выделить центральные, краевые и соединяющие их радиальные активные зоны, характеризующиеся высоким уровнем инновационной активности, более продвинутой отраслевой структурой экономики и относительно высоким уровнем менеджмента, что позволяет им динамично развиваться [2]. Данные зоны привлекают ресурсы соседних территорий и реализуют новые проекты, которые создают условия и для развития соседних регионов. Созданные и впервые освоенные в них инновации распространяются затем в другие регионы. Активными зонами часто становятся территории контакта с внешним миром, с более развитыми странами, получающие новую информацию, знания, технологии, навыки. Приход достижений более развитых стран, их адаптация к специфическим условиям государства в дальнейшем ведет к их диффузии на соседние территории.

Центральные активные зоны развиваются за счёт инновационной, информационной, культурной и образовательной деятельности, сервисных отраслей, отдельных высокотехнологичных отраслей. Способствует их развитию статус управленческих центров (столиц государств или укрупненных регионов) и расположение в общем или локальном центре системы путей сообщения.

Ускоренное развитие регионов, входящих в центральные и краевые активные зоны втягивает в процесс структурной перестройки и остальные регионы. Особое место занимают приграничные и приморские регионы, обычно являющиеся периферийными в рамках своего государства. Активно участвуя во взаимодействии соседних государств, как коммуникационные районы, получая информационные ресурсы, знания, они могут стать краевыми активными зонами, вовлекающими в процесс преобразований прилегающие к ним глубинные регионы [2].

Адаптируя данную теорию к приграничным регионам можно выделить три критерия для определения активных зон – промышленный центр, транспортный центр и центр приграничного сотрудничества. К локальным зонам сотрудничества относятся региональная столица, приграничные муниципалитеты, имеющие международные автомобильные пункты пересечения (МАПП), в них развивается торговля и сфера услуг, и муниципалитеты, имеющие необходимые для сопредельного региона природные ресурсы (происходит модернизация существующих и строительство новых предприятий по добыче сырья на основе современных технологий). Если для развития региональной столицы важны разные факторы, то для остальных приграничность может стать определяющим фактором [3].

Промышленные и транспортные центры региона, расположенные вдали от границы, меньше интересны для сотрудничества, лишь введение ограничений на экспорт сырья может способствовать развитию в них перерабатывающих производств. Фактически сотрудничество позволяет раскрыть и усилить тот потенциал, который есть у территории, без наличия определенных ресурсов и собственной активности результативность сотрудничества невелика. В Карелии наибольший объем накопленных иностранных инвестиций приходится именно на ресурсные муниципальные образования.

Анализ динамики численности населения северных регионов СЗФО показал, что влияние приграничности было незначительно, чем севернее регион, тем быстрее снижалась численность населения (рис.1). Разница темпов падения приграничной Карелии

и соседней Архангельской области невелика. Быстрее всего сокращалось население в северной и приграничной Мурманской области, медленнее всего – в Вологодской области [4].

Если рассматривать муниципалитеты, то ситуация несколько сложнее. В 90-х годах минимальное падение численности населения было в крупных промышленных центрах и приграничных городах вблизи МАПП. Приграничное положение при отсутствии необходимой инфраструктуры никак не влияло на динамику численности населения (табл. 1).

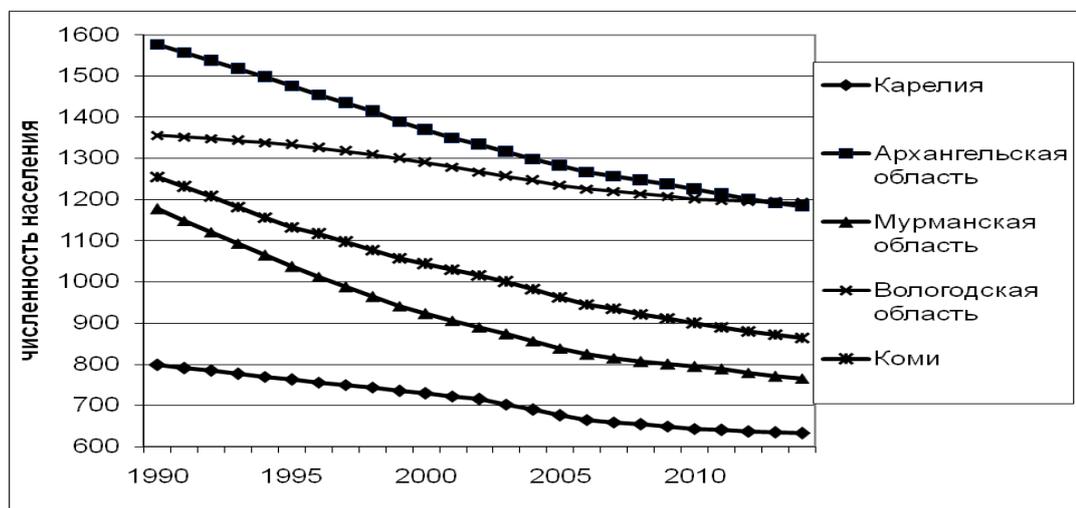

Рис.1. Динамика численности населения северных регионов СЗФО, тыс.чел.

Таблица 1

Соотношение динамики численности населения по данным переписей населения 1989 г., 2002 г., 2010 г.

	Замедлилось снижение численности населения	Сохранилась тенденция после 2002 г.	Ускорило снижение численности населения после 2002 г.
Численность населения снижалась в 1990-2002 гг. медленнее, чем в РК		Петрозаводск, Костомукша	Сортавала
Снижение численности населения соответствует динамике в РК		Кондопога	Суоярви, Калевала, Олонец, Сегежа
Численность населения снижалась в 1990-2002 гг. быстрее, чем в РК	Кемь, Прионежье	Беломорск, Лахденпохья, Пряжа, Медвежьегорск	Лоухи, Муезерка, Питкяранта, Пудож

В 2000-х годах усилилось влияние Петрозаводска как активной зоны, заметно замедлилось снижение численности населения в трех окружающих его муниципалитетах и ускорилось в периферийных муниципалитетах. В то же время ослабло влияние приграничности, в большинстве муниципалитетов численность населения стала падать быстрее, даже в Сортавале, имеющей необходимую транспортную и таможенную инфраструктуру. Также меньше стала влиять степень развития промышленности, но

одновременно и появилось влияние степени развития транспортной инфраструктуры. Также решения федеральной власти по ликвидации крупных организаций оказали заметное влияние. Динамика валового регионального продукта (ВРП) северных регионов также говорит о слабом влиянии приграничного положения. Если «внутренние» регионы - Архангельская и Вологодская области достигли дореформенного уровня развития экономики, то приграничным Карелии и Мурманской области при сложившихся темпах роста потребуется 15-25 лет (рис. 2).

Если рассмотреть, как развивалась экономика Карелии относительно РФ, то надо отметить рост отставания Карелии от России (рис. 3). Лишь в 1992-1995 гг., когда Карелия наращивала связи с Финляндией и ЕС, ВРП Карелии падал медленнее, чем России [4].

Анализ экономики российских приграничных регионов показывает, что они имеют потенциал для более успешного развития, изменения их роли в формирующихся трансграничных кластерах, но мешает федеральная политика – ее переменчивость, непредсказуемость, пренебрежение к экономическим последствиям, недальновидность, самоуверенность и эгоизм по отношению к постсоветским государствам, которые уже не союзные республики, а суверенные государства.

Для российских регионов существует почти прямо пропорциональная зависимость объема экспорта и суммарного оборота организаций региона, линейная регрессия по пространственным данным имеет коэффициент корреляции $R=0.96$. У регионов с невысоким уровнем развития экономики, имеющим объемы экспорта товаров до 500 млн.долл. даже небольшой рост экспорта связан со значительным ростом оборота организаций, при большем объеме экспорта его наращивание существенно меньше влияет на рост оборота организаций региона.

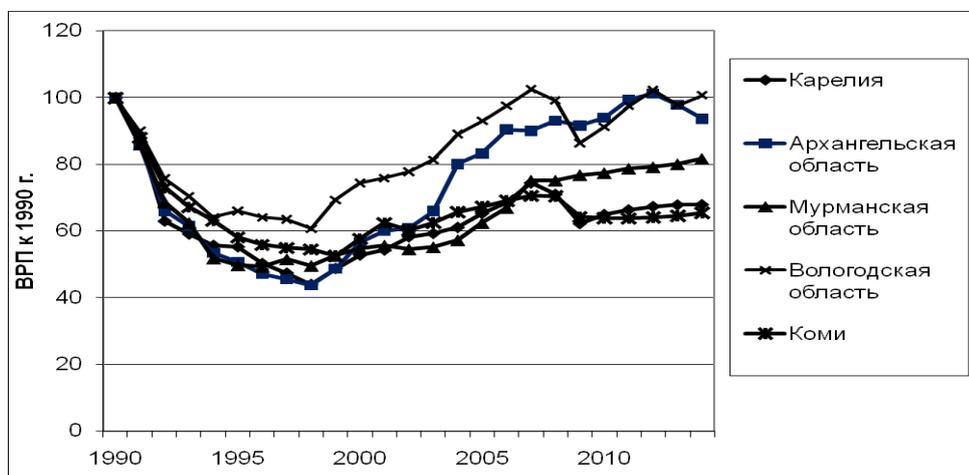

Рис. 2. Динамика ВРП северных регионов СЗФО, % к 1990 г.

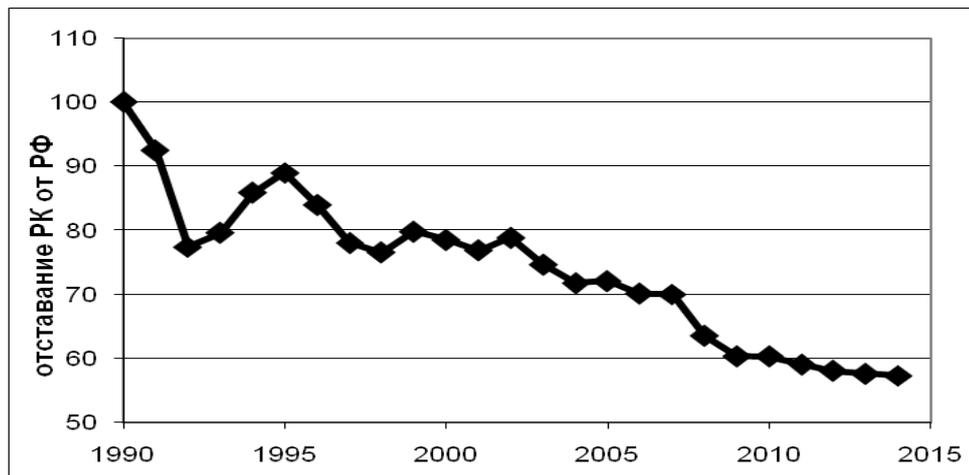

Рис. 3. Соотношение темпов роста экономик России и Карелии, % к 1990 г.

Для российских приграничных регионов проводился анализ взаимосвязи доли экспорта товаров в обороте организаций и темпов экономического роста в межкризисный период (рис. 4). В 1999 г. зависимости практически нет, но уже в 2000 г. есть прямая зависимость – чем выше доля экспорта, тем выше темпы роста ВРП. В дальнейшем вид зависимости изменился, и за период с 1999 г. до кризиса 2008 г. можно выделить две закономерности: если доля экспорта превышает 20%, то существует прямая зависимость, если меньше – зависимость обратная, хотя и менее четкая (чем больше доля продаж на российском рынке – тем выше темпы роста экономики региона). Фактически получается, что для большинства приграничных регионов рост экспорта не приводит к более высоким темпам роста ВРП [4].

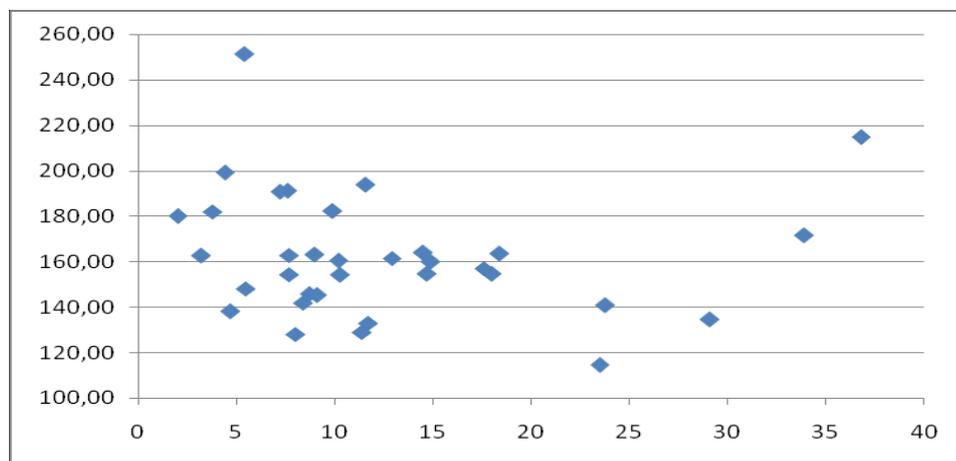

Рис. 4. Взаимосвязь доли экспорта в обороте (%) и темпов роста ВРП (%) приграничных регионов РФ за 2000-2006 гг.

Активная внешнеэкономическая деятельность РК значительно повлияла на темпы роста и структуру ее экономики. В отдельные годы более 70% производимой промышленной продукции экспортировалось, а в докризисный 2007 г. экспорт товаров составил 24% от всего оборота карельской экономики.

Приграничная Карелия сильно зависит от развития лесного сектора и лесного экспорта. Поэтому на ее экономике сказался рост лесных пошлин в три раза за 2004-2012 гг. Также сильное влияние оказали скачки цен на сырье, колебания курса рубля. Экспорт круглого леса из РФ достиг максимума в 2006 г., а затем упал более чем в два раза за три года. Экспорт круглого леса из Карелии в 2006 г. превышал уровень 1990 г. в пять раз, а в 2015 г. был меньше, чем в 1990 г. В структуре экспорта в Финляндию до 60% занимала древесина и продукция из нее. Карелия экспортировала в Финляндию до 80% заготавливаемой древесины, а в объеме потребляемого в Финляндии сырья доля Карелии – примерно 5%.

Но столь заметное падение экспорта круглого леса не привело к падению экспорта в целом в конце 2000-х годов. Экспорт упал в период кризиса 2008-2009 гг., но быстро восстановился, примерно в четыре раза превышая уровень 1990 г. Заметное снижение экспорта товаров из Карелии началось в 10-х годах, и было связано с неконкурентоспособностью карельской продукции, все возрастающей технологической отсталостью части предприятий. Экспорт товаров в 2015 г. составил лишь 50% к 2011 г., определенное влияние оказали введенные санкции. Также надо отметить, что существует прямая связь объемов экспорта из республики и динамики ВРП.

Связи с Финляндией важны для Карелии. Доля экспорта в Финляндию была традиционно высока, в отдельные годы превышала треть всего карельского экспорта. В докризисный период в Финляндию вывозилось примерно 20% производимой в Карелии промышленной продукции. Сокращение экспорта в Финляндию почти в два раза привело к тяжелым последствиям для экономики Карелии. В 90-х годах более 55% ПИИ в РК создали финские предприниматели, в РК пришел мелкий финский бизнес – ведение дел вблизи границы не требует больших затрат на перемещения людей и грузов, при необходимости можно быстро приехать в фирму, часть населения знает финский язык. Такой бизнес ориентирован в основном на местный рынок, а не на создание фирмы для выхода на европейский или российский рынок, но он был полезен для передачи опыта.

Финские инвестиции в 90-х годах были незначительны, а в XXI веке они быстро росли и до кризиса в 2007 г. достигли 53 млн.долл., причем увеличивались и взносы в капитал, и кредиты. В общем объеме инвестиций в экономику Карелии их доля была невелика – до 7%, но среди иностранных существенна, и была важна для развития отдельных отраслей, прежде всего машиностроения. Санкции прервали множество проектов, не только культурных, образовательных и научных, но и связанных с развитием инфраструктуры, небольших производств.

В итоге можно сказать, что потенциальные возможности приграничных регионов в РФ, в отличие от ЕС, используются слабо, их потенциал остается нереализованным. Требуется более активная и направленная федеральная политика по отношению к приграничным регионам, которая может ускорить развитие не только их, но и соседних глубинных регионов.

Литература

1. Curtains of Iron and Gold. Reconstructing Borders and Scales of Interaction. Aldershot: Ashgate, 1999. 394 p.

2. Мартынов В.Л. Коммуникационная среда и региональное развитие России. СПб.: Гидрометеиздат, 2000. 160 с.
3. Дружинин П.В. Проблемы развития экономики Карелии // Проблемы прогнозирования. 2000. №4, с.51-59.
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Стат.сб. / Росстат. М., 2015. 990 с.

**МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО
В СФЕРЕ УПРАВЛЕНИЯ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕМ:
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ “ARCTICFRONT”**

Л.В. Иванова

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина КНЦ РАН

Понятие устойчивого развития горнодобывающей промышленности в Арктике с точки зрения терминологического сочетания представляется дискуссионным. Однако добыча полезных ископаемых в различных частях Арктики на протяжении более ста лет составляла основу социально-экономического развития для большого количества территорий. Кроме того, существует широко распространенное мнение, что в будущем роль горнодобывающей промышленности как движущей силы развития региона будет только возрастать. При этом на повестку дня выходит вопрос о том, как обеспечить устойчивое развитие горнодобывающей деятельности в условиях суровой, но, одновременно, уязвимой природы Арктики.

Международный научно-исследовательский проект “The Arctic as a Mining Frontier: Sacrifice zones or Sustainable Development? (Arcticfront)” («Арктика как граница горной промышленности: принесенные в жертву или устойчиво развивающиеся территории?») выполняется Институтом экономических проблем КНЦ РАН совместно с Северным Университетом и Исследовательским институтом Нурланда (Буде, Норвегия), Северным центром пространственных исследований (NordRegio) (Стокгольм, Швеция) и ИППЭС КНЦ РАН.

Основная цель проекта - провести сравнительный анализ горнопромышленных провинций Норвегии, Гренландии и России (Кировско-Апатитский район) с учетом национальных особенностей управления горнодобывающей деятельностью, а также предпочтений различных заинтересованных сторон в отношении использования территорий.

На российской стороне в качестве примера были выбраны два горнодобывающих предприятия, расположенные в Кировско-Апатитском районе Мурманской области. Оба предприятия осуществляют добычу апатито-нефелиновых руд на месторождениях Хибинского горного массива.

Кировск и Апатиты расположены в географическом центре Кольского полуострова. Город Кировск обязан своим рождением богатствам Хибинских тундр. В октябре 1931 года основан город Хибиногорск. В 1934 году город Хибиногорск переименован в Кировск. В настоящее время население города составляет около 2800 человек. Апатиты находятся в 20 км к югу от Кировска. Поселок Апатиты образовался в 1935 году. В город областного подчинения он преобразован 7 июля 1966. На 1 января 2016 года численность населения составляет 56,6 тыс. человек (7,4% населения Мурманской области), в том числе города Апатиты - 56,6 тыс. человек [1].

Одно из исследуемых предприятий – АО «Апатит» - было создано в 1929 году как государственное предприятие, однако в 1993 году оно было преобразовано в акционерное общество, которое в настоящее время является частью холдинга «ФосАгро» - российской вертикально-интегрированной компании, одного из ведущих мировых производителей фосфорсодержащих удобрений. Другое предприятие – «Северо-Западная фосфорная компания (СЗФК)» - было учреждено в 2005 году для реализации проекта по созданию новой фосфатной сырьевой базы в Мурманской области. Разработка собственного фосфатного месторождения с целью обеспечения своих перерабатывающих мощностей сырьем для производства фосфорсодержащих удобрений — приоритетное направление инвестиционной программы Группы «Акрон», частью которой является СЗФК.

Для получения необходимой для исследования информации использовались различные источники данных и методы, включая анализ законодательных актов и программных документов, семинар с участием представителей общественности района, анкетирование и интервью с представителями власти, научного сообщества и некоммерческих организаций.

Современное АО «Апатит» в 1930-х годах стало градообразующим предприятием для города Кировска, являющегося административным центром муниципалитета. Кроме того, компания вносит существенный вклад в формирование социально-экономического состояния города Апатиты, расположенного в 20 км. Апатиты получили статус города в 1966 году в результате быстрого роста населения, связанного с развитием производства, перерабатывающего добываемую апатито-нефелиновую руду, с получением апатитового и нефелинового концентратов. В настоящее время руда добывается тремя рудниками: Кировский, Расвумчоррский (подземная и открытая добыча) и Восточный (открытая добыча) с совокупными мощностями по добыче около 26 млн тонн руды в год [2].

АО «СЗФК» обрабатывает месторождение апатито-нефелиновых руд Олений ручей и имеет лицензию на эксплуатацию месторождения Партомчорр. В марте 2015 года ГОК Олений ручей вышел на проектную мощность по добыче руды - 1,1 млн т/г [3].

В 2011 году Совет депутатов города Кировска принял «Стратегию социально-экономического развития Кировского муниципалитета до 2020 года» [4]. В документе приводится всеобъемлющая оценка текущего состояния и основных тенденций, касающихся экологической ситуации, демографических процессов, социального благосостояния, основных отраслей экономики, развития природно-ресурсного потенциала и бюджетного обеспечения. Рассмотрены также и вопросы устойчивости современной ситуации в муниципалитете. Ландшафтные ценности и рекреационный потенциал определены как основные конкурентные преимущества города. Особо подчеркнута привлекательность Хибинских гор, что является главным аргументом при обсуждении перспектив развития туристической индустрии в муниципалитете. С учетом природно-климатических условий территории основная роль при этом отводится зимним видам спорта.

Однако приведенные в документе индикаторы не отражают потенциальное негативное воздействие, которое будет оказано на окружающую среду в результате реализации Стратегии. Также в документе не уделено внимание возможному серьезному конфликту между дальнейшим развитием горнодобывающей промышленности и реализацией туристическо-рекреационного потенциала.

По результатам анкетирования можно сделать вывод о том, что мнение жителей города не полностью совпадает с описанием социально-экономической ситуации в Кировске, приведенным в Стратегии. Среди наиболее серьезных проблем респонденты отмечали проблемы ЖКХ, безработицу и увольнение работников с основных промышленных предприятий, а также экологические проблемы.

С представителями органов местного самоуправления и экологических общественных организаций были проведены интервью по поводу оценки ими экологической политики, проводимой АО «Апатит» и АО «СЗФК». Также был задан вопрос о том насколько имеющиеся знания и местные ценности принимаются во внимание при принятии решений руководством горнодобывающих предприятий. Экологической политике АО «Апатит» была дана оценка «умеренно положительная», а политике АО «СЗФК» - «нейтральная». Однако в то же время было отмечено, что ни одно из предприятий не предпринимает достаточных мер в сфере охраны окружающей среды.

Сами компании на своих сайтах в Интернете позиционируют себя как предприятия, уделяющие серьезное внимание окружающей среде и устойчивому развитию и действующие в соответствии с законодательство в области охраны окружающей среды от

промышленной деятельности. При этом необходимо отметить, что политика обоих предприятий практически полностью определяется холдингами, в которые они входят («ФосАгро» и «Акрон»). В годовых отчетах обеих компаний активно используются термины «устойчивость» и «устойчивое развитие». Например, холдинг «ФосАгро» в 2013 году впервые наряду с годовым отчетом опубликовал «Отчет об устойчивости», который был подготовлен в соответствии с рекомендациями третьей версии «Глобальной инициативы по отчетности» (GRI 3.1) в отношении горнодобывающих и металлургических предприятий. Показатели стандарта GRI 3.1 в этом отчете представлены за 5-летний период (2009-2013 гг.). С 2014 года компания приняла решение публиковать интегрированные отчеты, которые включают отчеты по устойчивому развитию [2]. Группа «Акрон» в 2014 году опубликовала отчет под названием «Инвестирование в устойчивое развитие» [3].

Анализ содержания этих документов позволяет отметить, что, несмотря на наличие разделов, которые затрагивают экологические вопросы и вопросы сотрудничества с местными и региональными органами власти, интерпретация понятия устойчивости в горнодобывающей отрасли в этих документах отличается от известной теоретической концепции.

На своем сайте в Интернете АО «СЗФК» обращается к вопросам устойчивости в рубриках «Экологическая политика» и «Социальная политика», где представлены политика, планы и достижения в этих сферах [3]. Однако, принимая во внимание недостаточную удовлетворенность местного населения политикой предприятий в экологической и социальной сферах, можно сделать вывод о том, что на практике их деятельность не полностью соответствует критериям устойчивости в горнодобывающей отрасли. Деятельность АО «Апатит», в некоторой степени, более приближена к соответствию этим критериям, но существующая тенденция к централизации принятия административных решений на уровне холдинга «ФосАгро» сокращает степень такого соответствия.

Однако, несмотря на определенную неудовлетворенность определенными видами деятельности горнодобывающих предприятий, большинство опрошенных респондентов заявили, что производственная деятельность компаний не оказывает на них какого-либо существенного негативного воздействия. Препятствием эта деятельность является, в основном, для небольших туристических компаний, организующих походы в горы Хибин, и индивидуальных путешественников. В целом, можно сделать вывод, что местное население готово пожертвовать экологическими и культурными ценностями прилегающих территорий для поддержания и развития горнодобывающей деятельности, которая обеспечивает не только рабочие места и средства к существованию, но также общее благосостояние и социальные услуги. Такое заключение находится в русле существующей дискуссии о пожертвованных зонах и компромиссах между социальными и экономическими выгодами, с одной стороны, и экологической деградацией.

АО «Апатит» представляет узкую интерпретацию концепции устойчивого развития, которая, главным образом, относится к экономической устойчивости компании, интересам заинтересованных сторон, обеспечению продовольственной безопасности на международном уровне. Тот факт, что компания использует международный уровень продовольственной безопасности в качестве центрального критерия устойчивости означает, что она таким образом оправдывает местные экологические затраты и экологическую деградацию как имеющий смысл «обмен». В случае с АО «СЗФК» экономическое компенсирование включено в лицензионные соглашения. Обе компании также визуализируют свой вклад в экономическое и социальное благосостояние на территориях присутствия, что, с точки зрения теории, укладывается в компенсационную логику. Например, когда компания не выполнила свои экономические обязательства в

отношении города Апатиты (не выплатила суммы, которые согласно лицензионному соглашению должна была отчислять на социально-экономическое развитие) и местные власти обратились в суд, компенсационная логика просматривалась отчетливо. Здесь также нужно отметить, что до сих пор сохраняется так называемая зависимость от предыдущего развития, в данном случае, от эпохи СССР, которая проявляется в том, что местные власти и жители привыкли ожидать различного вида поддержки от градообразующих предприятий.

Другим подходом является восстановление территорий, которые пострадали в результате горнодобывающей деятельности. Например, АО «Апатит» в 2012 году была проведена работа по восстановлению нарушенных земель в соответствии с технологией, разработанной Горным институтом Кольского научного центра РАН [2].

Приоритетность экономических интересов у коммерческих компаний не удивительна и, следовательно, наиболее характерные социальные и экологические требования к горнодобывающим предприятиям необходимо регламентировать эффективными правительственными законодательными актами.

Приоритеты органов местного самоуправления, отраженные в долгосрочной стратегии социально-экономического развития г. Кировск, а также в интервью с главой администрации муниципального образования, направлены на улучшение качества жизни местного населения, достижение социальной, экономической и экологической устойчивости, которая полностью соответствует современным представлениям о роли и задачах местных органов власти. Действия местных властей нацелены на диверсификацию экономики, в основном, за счет развития туризма с использованием уникального ландшафта и рекреационного потенциала Хибинских гор.

Некоторые респонденты также отметили, что экономическое состояние существующей индустрии зимнего туризма является достаточно слабым. Потенциально индустрия туризма может вносить значительный вклад в дальнейшее развитие г. Кировска, хотя для этого потребуются значительная инвестиционная поддержка со стороны государства и крупного бизнеса.

Если попытаться оценить устойчивость деятельности АО «Апатит» и АО «СЗФК», анализируя их реальные действия, то становится ясно, что здесь есть проблемы. В частности, слабым местом является построение отношений с местными сообществами на основе доверия, диалога и учета интересов местного населения в своей деятельности. Однако эта проблема связана не только с промышленными компаниями, но и с органами власти на всех уровнях. Некоторые респонденты заявили, что имеет место низкий уровень активности граждан с точки зрения защиты их интересов, из-за слабости институтов гражданского общества.

Местные власти в двух горнопромышленных городах также в значительной степени игнорируют важность и роль участия общественности, необходимость вовлечения местных сообществ в развитие, а также активное участие в реализации стратегических задач муниципалитета. Значительное число респондентов заявили, что нет никакой гарантии, что власти будут принимать во внимание мнения общественности, независимых экспертов и экологических организаций, при принятии управленческих решений в области добычи и переработки полезных ископаемых.

Центральная роль АО «Апатит» во всех сферах жизни двух муниципалитетов на протяжении длительного времени являлась гарантией лояльности и общественного доверия к компании среди граждан Кировска и Апатитов [5]. Это может быть взаимосвязано, и отчасти объясняет очевидное принятие деградации окружающей среды вследствие горнодобывающей деятельности, в том числе уничтожение части окружающего ландшафта.

Еще одна причина слабой степени участия общественности состоит в том, что горнодобывающие предприятия на местах все больше зависят от своих головных офисов, которые, как правило, находятся в Москве. Это приводит к уменьшению мотивации и способности компаний вовлекать местное население в процессы принятия решений. При этом интересно, что многие из опрошенных до сих пор верят в возможность диалога с горнодобывающими компаниями для нахождения решений конкретных проблем. Считается, что компании имеют значительную власть, ресурсы и возможности для маневра и влияния на территориях присутствия. Некоторые респонденты даже заявили, что шансы на достижение чего-то в вопросах окружающей среды выше, когда дела ведутся непосредственно с компаниями, а не с центральными или местными органами власти.

Таким образом, на пути достижения устойчивого развития горнодобывающей промышленности стоит ряд проблем, которые необходимо решать всем основным заинтересованным группам: горнодобывающим предприятиям, местным сообществам и органам власти. Для предприятий основной проблемой является достижение баланса целей. С одной стороны, повышение конкурентоспособности путем снижения затрат и увеличения экономической эффективности. С другой стороны, соблюдение требований экологического законодательства, а также выполнение добровольных обязательств в рамках их корпоративной социальной и экологической ответственности. К дополнительным проблемам горнодобывающих предприятий можно отнести, во-первых, рост издержек, связанных с добычей полезных ископаемых по мере истощения разрабатываемых месторождений, что серьезно осложняет задачу сокращения затрат. Во-вторых, при современной тенденции усиления централизации и вертикальной интеграции предприятий в рамках холдингов существует риск ослабления внимания к интересам населения, проживающего на территориях присутствия, а также несоблюдения принципов устойчивого развития местных сообществ. Компании обеспечивают ряд услуг социального характера, отчасти в соответствии с требованиями и ожиданиями государственной власти, и отчасти для того, чтобы получать поддержку, популярность и социальную лицензию на деятельность от местных сообществ. В целом, компании выполняют целый ряд элементов корпоративной социальной ответственности, связанных с экономикой и инфраструктурным развитием. Однако ситуация осложняется процессами рационализации и, как следствие, сокращением штатов, что снижает вероятность роста их популярности среди местного населения.

Для местного населения основные проблемы связаны с экономическим развитием г. Кировск. Проводимое на горнодобывающих предприятиях сокращение персонала с целью повышения экономической эффективности неизбежно приведет к негативным социально-экономическим последствиям для такого типичного моногорода как Кировск. Для решения этой проблемы местные власти предпринимают попытки диверсифицировать экономику. Основной акцент делается на развитие туристической индустрии с использованием уникального природного и рекреационного потенциала Хибинского горного массива. В целом, представляется сложным преодоление несоответствий между экологическими, экономическими и социальными элементами развития.

Проблемы, которые стоят перед правительством, делятся, по крайней мере, на две группы. Во-первых, необходимо обеспечивать необходимую институциональную структуру и стимулировать компании к следованию принципам, на которых основывается устойчивое развитие местных сообществ. Во-вторых, правительство должно совершенствовать нормативные экологические требования, необходимые для содействия более устойчивому процессу принятия решений. Необходимо усиление законодательства,

регламентирующего процедуру ОВОС с включением большинства или даже всех горнодобывающих проектов, а также их воздействия на социальную сферу.

В ходе исследования была выявлена слабая связь между управленческими решениями и накопленными научными знаниями в вопросах устойчивого развития. Кроме того уровень вовлеченности местной общественности в процессы принятия решений низкий, что, к сожалению типично для России в целом. На местном уровне это приводит к снижению легитимности и доверия, а также отражает унаследованную от плановой экономики традицию, когда градообразующее предприятие являлось ядром системы социального обеспечения и, помимо экономических, предоставляло все виды социальных услуг. В случае с рассмотренным примером АО «Апатит» и АО «СЗФК» можно сделать вывод, что экономические элементы концепции устойчивого развития перевесили социальные и экологические.

В заключение можно отметить, что рассмотренный пример наглядно демонстрирует все сложности достижения устойчивого развития в горнодобывающих районах.

Литература

1.Официальный сайт Правительства Мурманской области. URL: <http://gov-murman.ru/region/omsu/kirovsk/index.php> (дата обращения 18.05.2016).

2.Сайт АО «ФосАгро». URL: <https://www.phosagro.ru/>. (дата обращения 20.05.2016).

3.Сайт Группы «Акрон». URL: <http://www.acron.ru/en/sustainability/environment/>. (дата обращения 18.05.2016).

4.«Стратегия социально-экономического развития муниципального образования город Кировск до 2020 года». URL: http://kirovsk.ru/files/npa/sovets/2011/85/strateg_2020.pdf (дата обращения 22.05.2016).

5.Riabova, L. and Didyk, V., 2014. Social License to Operate for Mining Companies in the Russian Arctic: Two Cases in the Murmansk Region. *Arctic yearbook 2014*, pp. 527-537. URL: <http://www.Arcticyearbook.com/index.php/briefing-notes2014/120-social-license-to-operate-for-mining-companies-in-the-russian-Arctic-two-cases-in-the-murmansk-region> (дата обращения 23.05.2016).

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ И РИСКА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПРИГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

В.В. Каргинова

Институт экономики КарНЦ РАН (ИЭ КарНЦ РАН)

Любая экономическая деятельность неразрывна связана с понятием неопределённости и предполагает действия в системе координат «риск – доходность». При этом хозяйствующие акторы характеризуются различным восприятием неопределённости и риска. Это связано как с объективными факторами (например, с политическим устройством или существующими хозяйственными связями), так и с субъективными, социо-культурными.

В частности, можно говорить о существовании неких национальных особенностей восприятия неопределённости и риска. В качестве показателя, позволяющего провести сопоставление между различными нациями, используется индекс избегания неопределённости. Данный индекс был введён Гертом Хофстеде и предполагает шкалу от 1 до 120: чем выше величина показателя, тем больше стремление контролировать происходящие изменения.

В таблице приведены значения индекса неопределённости в Российской Федерации и некоторых государствах, имеющих с ней сухопутную границу (см. таблицу 1).

Таблица 1

Значение индекса избегания неопределённости по странам

Государство	Индекс избегания неопределённости
Россия	95
Норвегия	50
Финляндия	59
Эстония	60
Латвия	63
Литва	65
Польша	93
Украина	95
Китай	30

Источник: составлено автором по данным The hofstede centre [1].

Видно, что в настоящее время россияне более склонны избегать неопределённость по сравнению с гражданами, проживающими в граничащих с Российской Федерацией странах. Одним из следствий этого является желание создать жёстко кодифицируемое пространство. Существующие институты должны строго регламентировать институциональную роль каждого актора, а также его поведение в рамках отведённой институциональной роли.

При этом для ряда приграничных территорий, в частности, для Финляндии, характерно более мягкое институциональное устройство, а действующие акторы в большей мере склонны к проведению рискованных операций.

Однако важно отметить, что в настоящее время Российская Федерация в большей степени относится к развивающимся странам, Финляндия – к развитым. В развивающихся странах существует большое число институциональных пробелов, ряд формальных институтов не созданы или недостаточно проработаны, и их заменяют неформальные, часто менее эффективные. В тоже время в развитых странах качество институционального устройства, а именно полнота и проработанность институтов, существенно выше.

Вследствие этого, хозяйствующие акторы Российской Федерации при организации различных форм приграничного сотрудничества более склонны к кодифицируемости устанавливаемых норм, акторы Финляндии – менее. При этом акторы Российской Федерации часто не могут формализовать определённый перечень норм из-за неполноты и противоречий российского законодательства и существующих практик хозяйственной жизни. В тоже время при выходе на российский рынок акторы Финляндии сталкиваются с большим числом непредвиденных противоречий и институциональных ловушек и также начинают стремиться к кодифицируемости.

Однако важно отметить и особый вид институтов, а именно стимулирующие и дестимулирующие институты, существующие в рамках каждой территории (см. подробнее [2]). Установление жёстких стимулирующих и дестимулирующих институтов, безусловно, на определённый период времени обеспечит эффективное приграничное сотрудничество. Но само установление поощрений и наказаний предполагает, что известна модель общественно-желательного поведения, в то время как на практике:

1). Знания о модели общественно-желательного поведения часто отсутствуют. В силу множественности и тесноты экономических связей, а также развития техники и технологий, неизвестно, как именно целесообразнее всего использовать имеющиеся ресурсы: в какие отрасли перспективнее вкладывать, какие технологии использовать и т.д.

2). Общественно-желательное поведение трансформируется. Зачастую то, что в данный момент представляет общественное благо, в будущем не только не имеет никакой ценности, но и может угрожать благосостоянию всей системы.

3). Со временем институты превращаются в институциональные ловушки. Они способны лишь поддерживать существующий вектор развития системы и не могут обеспечить его трансформацию при изменении условий эффективности системы.

Таким образом, существующее институциональное пространство может ограничить поведение хозяйствующего субъекта некими жёсткими рамками, которые ни для кого нельзя будет назвать эффективными.

В тоже время в отношении одного деяния может быть установлено несколько стимулирующих механизмов. Причем их различие может найти выражение не только и не столько в их объективной величине, например, потенциальной финансовой экономии или размере материально-денежной поддержки. Различие может быть качественным: предоставление налоговых льгот или пониженной ставки тарифов на коммунальные услуги, налоговых льгот или налоговых каникул и т.д. Выбрав один из вариантов стимулирующих механизмов, хозяйствующий субъект будет понимать, что он не получит преимущества другого. В частности, воспользовавшись налоговыми льготами, а не налоговыми каникулами, хозяйствующий субъект будет иметь большие издержки на первых этапах реализации проекта. Соответственно, для повышения своей конкурентоспособности он будет вынужден искать пути и методы снижения первоначальных издержек. При этом отсутствие синхронизации действий хозяйствующих субъектов обусловит нахождение новых, более эффективных практик кем-то из них. В дальнейшем данные практики могут стать новыми институтами (см. подробнее [3]).

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о предпочтительности жестких институциональных форм в рамках приграничного сотрудничества в случае, если одной из сторон являются акторы развивающейся страны с несовершенным институциональным устройством. В случае, если обе стороны представляют развитые страны, степень кодифицируемости норм должна соответствовать их склонности к неопределённости и риску, определяемой, в частности, на основании индекса избегания неопределённости. При этом как в первом, так и во втором случае необходимо обеспечить вариантную систему стимулов, предполагающую индивидуальный выбор силы и направления воздействия институтов.

Указанный подход станет основой эффективного приграничного сотрудничества и может быть использован при формировании и совершенствовании институтов региональных экономических систем.

Литература

1. The hofstede centre [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://geert-hofstede.com/>.
2. Каргинова В.В. Особенности экономической политики по согласованию интересов региональных акторов / В.В. Каргинова // Современная экономика: проблемы и решения. – 2016. – Том 3. – С. 96-111.
3. Каргинова В.В. Вариантность институтов как фактор перехода к устойчивому развитию / В.В. Каргинова // Материалы VIII Международной научно-практической конференции «Государство и бизнес. Современные проблемы экономики», 20-22 апреля 2016 г., г. Санкт-Петербург / СПб.: Стратегия Будущего, 2016. – Том 2. – С. 50-54.

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКОЙ СЕВЕРНОГО
ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА НА ОСНОВЕ СТИМУЛИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ
АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА
(НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНОВ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ)**

О. Н. Клименок

Институт экономики КарНЦ РАН (ИЭ КарНЦ РАН)

Агропромышленный комплекс Северо-западного федерального округа (далее – СЗФО) представляет собой совокупность взаимосвязанных отраслей народного хозяйства, взаимодействующих в ходе обеспечения потребностей населения в продуктах питания и товарах народного потребления из сельскохозяйственного сырья. В силу неблагоприятных природно-климатических условий на большей части территории СЗФО агропромышленный комплекс развит крайне слабо. Уровень сельского хозяйства не обеспечивает местное население продуктами питания, а промышленность – сырьем. В то же время, благодаря развитой транспортной инфраструктуре и трансграничному сотрудничеству, внутренний рынок продовольственных товаров в округе характеризуется насыщенностью, отсутствием физического дефицита, высокой конкуренцией на рынке продовольствия, которая проявляется как между местными товаропроизводителями, так и с товаропроизводителями из других регионов Российской Федерации, зарубежных стран.

В структуре валового регионального продукта округа доля сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства занимает 2,6 %, рыболовства и рыбоводства – 09 %, обрабатывающих производств (в том числе производства пищевых продуктов) – 20,5 %. Среди регионов СЗФО наибольший удельный вес «сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство» занимает в структуре валового регионального продукта Новгородской, Псковской и Ленинградской областях (8,1, 7,9 и 7,7 % соответственно). Наименьшее значение отмечено в Мурманской области и в г. Санкт-Петербурге (0,5 и 0,1 % соответственно). «Рыболовство, рыбоводство» наиболее развито в Мурманской области – 10,1 % в структуре ВРП региона, в Архангельской области и в Республике Карелия – 1,8 и 1,7 % соответственно.

К 2014 году по сравнению с 2005 годом в отраслевой структуре валовой добавленной стоимости регионов СЗФО произошли изменения. Так, несмотря на приоритетное развитие сельского хозяйства, продолжалось ухудшение макроэкономических показателей его деятельности, поскольку сокращался удельный вес отрасли в валовой добавленной стоимости как в целом по округу, так и по всем субъектам, входящим в его состав. В то же время усилилась специализация округа по рыболовству и рыбоводству, вследствие его динамичного развития в Мурманской, Архангельской областях и в Республике Карелия (Таблица 1).

Сельское хозяйство в СЗФО специализируется на молочно-мясном животноводстве, птицеводстве и разведении особых пород рыб. На севере округа развито оленеводство. Основными сельскохозяйственными культурами являются зерновые культуры, картофель, овощи и лен. Земледелие развито в южных районах округа – Ленинградской, Псковской, Новгородской, Вологодской и Калининградской областях.

Льносеющими регионами являются Вологодская, Новгородская и Псковская области, где агроклиматические условия являются наиболее благоприятными для получения высокого стеблестоя с повышенным содержанием волокна хорошего качества.

Доля СЗФО в общем объеме производства продукции сельского хозяйства всех сельхозпроизводителей России (сельскохозяйственные организации, крестьянские/фермерские хозяйства, индивидуальные предприниматели, хозяйства населения) составила в 2015 году 4,8 %, в том числе в объеме производства продукции растениеводства – 3,4 %, продукции животноводства – 6,5 %.

Таблица 1

Изменение отраслевой структуры валовой добавленной стоимости субъектов СЗФО (в текущих ценах; в процентах к итогу)

	2005 год				2014 год				+/- 2014 г. к 2005 г.			
	Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	Рыболовство, рыболовство	Обрабатывающие производств	Прочие виды экономической деятельности	Сельское хозяйство и лесное хозяйство	Рыболовство, рыболовство	Обрабатывающие производств	Прочие виды экономической деятельности	Сельское хозяйство и лесное хозяйство	Рыболовство, рыболовство	Обрабатывающие производств	Прочие виды экономической деятельности
СЗФО	3,8	0,8	24,0	71,4	2,6	0,9	20,5	76,0	-1,2	0,1	-3,5	4,6
Республика Карелия	6,1	0,7	17,6	75,6	3,7	1,7	13,4	81,2	-2,4	1,0	-4,2	5,6
Республика Коми	2,9	0,0	11,7	85,4	1,7	0,0	11,7	86,6	-1,2	0,0	0,0	1,2
Архангельская область	5,5	1,0	18,9	74,6	3,1	1,8	13,1	82,0	-2,4	0,8	-5,8	7,4
Вологодская область	7,5	0,0	46,6	45,9	4,7	0,0	34,9	60,4	-2,8	0,0	-11,7	14,5
Калининградская область	5,9	2,2	17,3	74,6	4,9	1,4	25,0	68,7	-1,0	-0,8	7,7	-5,9
Ленинградская область	9,2	0,1	29,1	61,6	7,7	0,1	27,2	65,0	-1,5	0,0	-1,9	3,4
Мурманская область	0,6	8,2	25,5	65,7	0,5	10,1	12,5	76,9	-0,1	1,9	-13,0	11,2
Новгородская область	9,4	0,0	34,6	56,0	8,1	0,0	34,0	57,9	-1,3	0,0	-0,6	1,9
Псковская область	10,7	0,1	18,0	71,2	7,9	0,1	14,9	77,1	-2,8	0,0	-3,1	5,9
г. Санкт-Петербург	0,0	0,0	20,9	79,1	0,1	0,0	19,9	80,0	0,1	0,0	-1,0	0,9

Наибольший удельный вес в общем объеме производства продукции сельского хозяйства России среди субъектов округа занимает Ленинградская область, его доля составляет 2 %, в том числе в объеме продукции растениеводства – 1,1 %, продукции животноводства – 2,9 %.

Основными производителями продукции сельского хозяйства в округе остаются сельскохозяйственные организации, доля которых в общем объеме производства в 2015 году составила 67,4 %, в том числе в объеме производства продукции растениеводства – 34 %, продукции животноводства – 86,7 %. На долю хозяйств населения приходится 28,6 %. Доля участия крестьянских (фермерских) хозяйств по-прежнему остается незначительной и составляет 3,9 % от общего объема продукции сельского хозяйства. В то же время в Республике Карелия и в Архангельской области (без автономного округа) наиболее развито мелкотоварное сельскохозяйственное производство (Таблица 2).

Таблица 2

Структура продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств
в 2015 году (в фактических ценах; в процентах от хозяйств всех категорий)

	Сельскохозяйственные организации			Хозяйства населения			Крестьянские (фермерские) хозяйства, индивидуальные предприниматели		
	сельское хозяйство	растениеводство	животноводство	сельское хозяйство	растениеводство	животноводство	сельское хозяйство	растениеводство	животноводство
Северо-Западный федеральный округ	67,4	34,0	86,7	28,6	58,9	11,2	3,9	7,1	2,1
Республика Карелия	42,1	11,0	78,8	54,4	84,6	18,8	3,5	4,4	2,4
Республика Коми	60,7	17,3	81,3	34,4	79,3	13,2	4,8	3,4	5,5
Архангельская область	38,6	16,9	68,3	55,9	78,7	24,8	5,4	4,4	6,9
Ненецкий автономный округ	89,9	64,6	93,6	8,9	35,4	5,1	1,2	0,0	1,4
Архангельская область (без автономного округа)	35,8	16,3	65,3	58,5	79,2	27,2	5,7	4,4	7,6
Вологодская область	73,2	47,8	85,9	22,9	46,1	11,3	3,9	6,1	2,8
Калининградская область	59,0	47,0	72,3	34,5	42,1	26,0	6,6	11,0	1,7
Ленинградская область	75,0	36,2	92,0	22,5	58,6	6,7	2,5	5,2	1,3
Мурманская область	70,8	26,0	92,5	26,4	72,7	4,0	2,8	1,3	3,5
Новгородская область	59,6	25,5	85,7	34,0	62,5	12,2	6,4	12,0	2,1
Псковская область	73,5	30,0	88,6	23,5	63,4	9,7	3,0	6,6	1,7

Сельскохозяйственные организации являются основными производителями молока, мяса всех видов, яиц, зерновых культур и льноволокна. Хозяйства населения - главные производители картофеля и овощей.

Современное состояние и тенденции развития агропромышленного комплекса приграничных регионов во многом определены теми преобразованиями, которые произошли в ходе рыночных реформ. В постсоветском периоде развития аграрного производства можно выделить два этапа, связанных с реформированием отношений собственности и форм хозяйствования. На первом этапе (1990-1999 гг.) в связи с неурегулированностью межхозяйственных отношений значительно уменьшилась покупательская способность сельского хозяйства, что привело к ухудшению его материально-технического обеспечения, следствие этого – значительное сокращение объёмов производства. На следующем этапе (с 2000 г.), после формирования новых организационно-хозяйственных структур рыночного типа произошло постепенное

увеличение объёмов производства, но по многим показателям уровня 1990 г. достичь не удалось. После резкого спада производства экономические показатели развития агропромышленного комплекса оставались неустойчивыми вследствие опережающего увеличения издержек над доходами, продолжающегося разрушения производственного потенциала, диспропорций в спросе и предложении продукции.

За последние 15 лет объем сельскохозяйственной продукции в сопоставимой оценке по всем категориям хозяйств округа увеличился на 17,6 процента. Укрепление продовольственной базы макрорегиона произошло, в основном, за счет развития сельскохозяйственного производства в Новгородской (рост в 1,9 р.), Калининградской (в 1,6 р.), Ленинградской (в 1,5 р.), Псковской (на 14 %) областях. Не удалось превзойти дореформенный уровень и преодолеть воспроизводственный кризис в аграрном секторе остальным субъектам СЗФО (рис. 1).

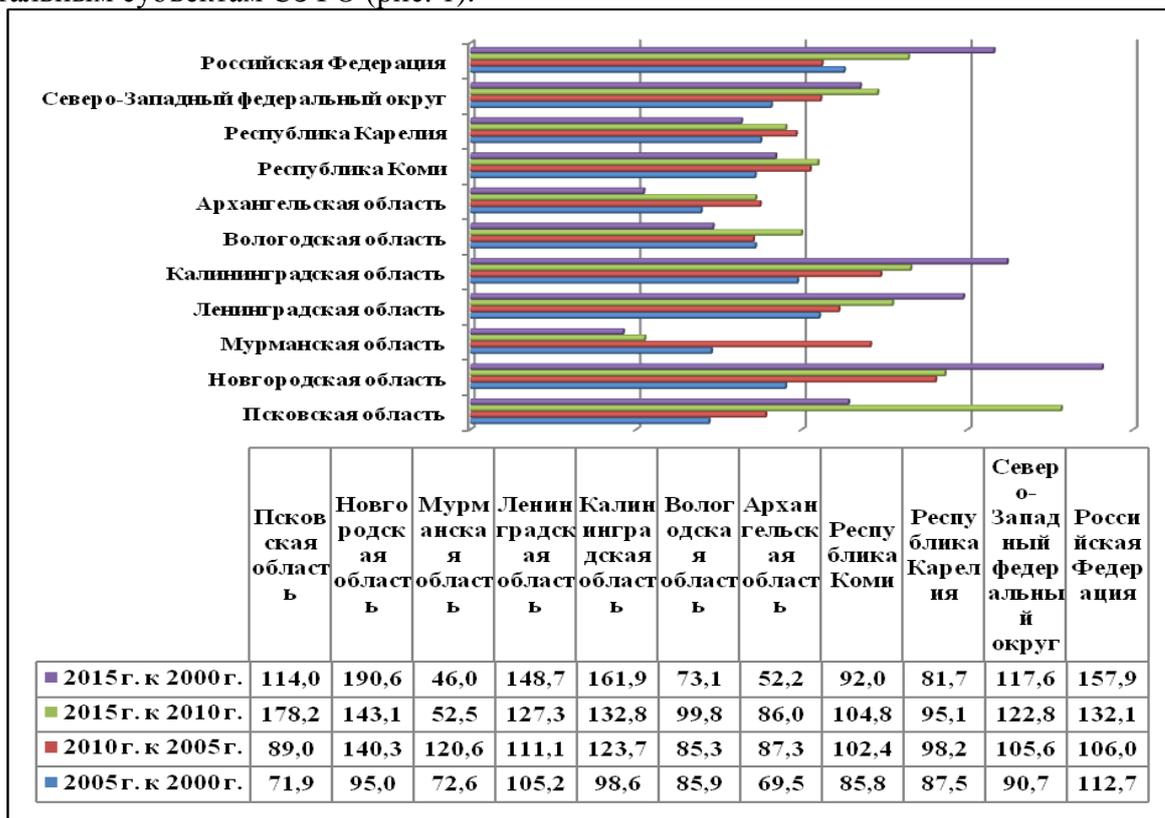

Рис. 1. Темпы роста (снижения) физического объёма производства продукции сельского хозяйства по субъектам СЗФО, %

В то же время, если рассматривать аграрное производство приграничных регионов с точки зрения полезности для общества, прежде всего экономической базы, для обеспечения жизнедеятельности населения, незаменимого производителя продуктов питания и сырья для промышленности, то ситуация будет выглядеть по-другому: отрасль дает возможность организовывать рабочие места, сельские территории являются местом оздоровления, а сельское население – оберегом национальных обычаев и традиций.

Северо-Западный федеральный округ располагает многоотраслевой пищевой промышленностью, которая обладает достаточным производственным потенциалом для обеспечения населения республики основными продуктами питания. Пищевая промышленность СЗФО в основном представлена предприятиями мясо-, молоко-, рыбоперерабатывающей, мукомольно-крупяной, хлебопекарной и кондитерской отраслей. Основные макроэкономические параметры развития пищевой и перерабатывающей

промышленности характеризуются следующими показателями. В 2014 году предприятиями пищевой и перерабатывающей промышленности округа было отгружено продукции на сумму 741,4 млрд. рублей (рост к 2013 году на 11,3 %). Удельный вес пищевых продуктов, включая напитки и табака, в объеме отгрузки обрабатывающих производств в 2014 году остался практически на уровне предыдущего года и составил 17,4 %. Наибольший удельный вес пищевой промышленности в объеме оборота обрабатывающих производств отмечается в Мурманской и Псковской областях (43,3 и 36,7 % соответственно), наименьший – в Республике Коми (4,8 %).

Развитие сырьевой базы способствовало высоким темпам роста производства мясной продукции и масла растительного. По сравнению с 2010 годом объемы выработки переработанной рыбы увеличились на 3,8 %, масла сливочного – на 12,6 %, вод минеральных и газированных – на 24 %, мяса и субпродуктов - на 35 %, масел растительных – в 2,7 раза. Снижено производство в мукомольно-крупяной и хлебопекарной отраслях (Таблица 3).

Таблица 3

Производство основных видов продукции пищевой и перерабатывающей промышленности в СЗФО в 2010-2014 гг., тыс. тонн

Наименование	2010	2011	2012	2013	2014	В % 2014 г. к 2010 г.
Мясо и субпродукты пищевые убойных животных и домашней птицы	393,1	444	487,7	503	531	135,1
Колбасные изделия	298	309	308	327	296	99,3
Рыба и продукты рыбные переработанные и консервированные	1183	1119	1103	1240	1228	103,8
Масла растительные, нерафинированные	198	193	214	232	533	в 2,7 р.
Цельномолочная продукция (в пересчете на молоко)	1240	1219	1272	1270	1238	99,8
Масло сливочное и пасты масляные	11,9	12,2	12,4	12,1	13,4	112,6
Мука из зерновых и других культур; смеси из них	528	564	488	438	421	79,7
Крупа	435	400	504	434	430	98,9
Хлеб и хлебобулочные изделия	776	732	697	674	662	85,3
Воды минеральные и газированные (миллионов полулитров)	495	499	585	612	614	124,0

Важной отраслью специализации округа является рыболовство и рыбоводство. По объему добываемой рыбы макрорегион уступает только Дальневосточному федеральному округу. В Баренцевом море ведется лов ценных рыб: трески, сельди, морского окуня и др., развивается аквакультурные формы производства рыбы (форель, лосось). Переработка рыбы осуществляется рыбокомбинатами в Мурманске, Санкт-Петербурге и Калининграде.

В последние годы развитие аграрной сферы страны и регионов, происходит в сложной социально – экономической ситуации в силу ряда возникших новых факторов внутреннего и внешнего характера, таких как членство России в ВТО и одновременное её участие в региональных интеграционных объединениях на экономическом пространстве СНГ, повышение конкуренции на внутреннем и мировом агропродовольственных рынках, усиление монополизации отдельных продуктовых сегментов агропродовольственного

рынка в связи с расширением крупных торговых сетей, санкции в отношении Российской Федерации и ответное эмбарго России в отношении ряда товаров из иностранных государств, резкое падение курса рубля по отношению к иностранной валюте.

Имеющиеся системные и вновь возникающие проблемы могут быть в значительной степени решены путем совершенствования инструментов и методов регулирования на основе новых научных подходов в финансово-кредитном, информационно-консультационном и кадровом направлениях государственного регулирования агропромышленного комплекса, обеспечивающих преодоление негативных тенденций развития сельскохозяйственного производства и способствующих формированию кооперационных связей в аграрном секторе региона.

Дальнейшее развитие агропромышленного комплекса Северо-Западного федерального округа должно быть направлено на формирование продовольственных ресурсов, повышение занятости и уровня жизни сельского населения, обеспечение потребностей населения округа в доступных и высококачественных отечественных продуктах питания в соответствии с рекомендуемыми рациональными нормами потребления пищевых продуктов.

Размещение агропромышленного производства представляет собой весьма сложную теоретическую и практическую проблему со множеством экономических, социальных и политических составляющих. Успешное ее решение будет способствовать эффективному использованию наличного природно-ресурсного и экономического потенциала приграничных регионов, производству конкурентоспособной продукции высокого качества в широком ассортименте, обеспечению продовольственной безопасности, укреплению финансового положения регионов за счет дополнительного поступления налоговых платежей, в конечном итоге давая стимул для комплексного развития экономики в целом.

Основным инструментом дальнейшего совершенствования управления региональным АПК может стать комплексная программа развития и размещения агропромышленного производства в регионе, которая должна выступить одним из звеньев в цепи государственного стратегического планирования. Центральным звеном программы является разработка единой интегральной модели оптимизации размещения агропромышленного производства.

Литература

1. Гриценко Г. М. Экономические проблемы развития АПК: учебно - метод. пособие - Барнаул: Изд-во АГАУ, 2008.
2. Лысоченко А. А. Продовольственная безопасность региона: воспроизводственная концепция. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2008.
3. Серов В. М. Программно-целевое управление региональным АПК. М.: Агри-Пресс, 2005.
4. Проблемы экономического роста и конкурентоспособности сельского хозяйства России: материалы Третьего Всероссийского конгресса экономистов-аграрников. Москва : ФГНУ «Росинформагротех», 2009.

ПРОБЛЕМЫ СОСЕДСТВА РОССИИ И УКРАИНЫ В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ НА ПРИМЕРЕ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ¹

М.И. Ключников², Д.В. Заяц, Н.Л. Туров, Г.А. Германов, П.А. Иванов,
Е.Ф. Колясев, Т.В. Мамонтов, Г.В. Недаев, И.Д. Сергеева, Л.А. Стецурина
Институт географии РАН,
Географический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова

Украина – крупнейший сосед России на европейском участке её государственной границы, государство, культурно и исторически связанное с нашей страной. Граница между Россией и Украиной на участке Белгородской области разделяет на две части единый культурно-исторический регион – Слобожанщину. Белгород и расположенный в 70 км от него Харьков долгое время представляли собой тесно взаимосвязанную систему экономических и культурно-образовательных центров. Значительная часть населения этих городов участвовала в маятниковых миграциях в пределах формировавшейся единой Харьковско-Белгородской городской агломерации.

Изучению украинско-российского «нового» пограничья посвящено немало работ Института географии РАН, ставших базой для сопоставления ситуации «до» и «после» 2014 г. [напр., 1, 2, 4] С распадом СССР сильного сокращения трансграничных связей на Белгородско-Харьковском направлении не последовало. Но в результате событий 2014 г. и политической конфронтации между Киевом и Москвой интенсивность трансграничных контактов на российско-украинской границе значительно уменьшилась. Впервые за столетия развития региона как единого экономического пространства его рассёк малопроницаемый занавес. Усиление барьерной функции границы привело к сокращению родственных контактов, снизило интенсивность трансграничных трудовых и образовательных миграций.

Рис. 1. Число соглашений о сотрудничестве Белгородской обл. с государственными органами иностранных государств (слева). Наличие соглашений о сотрудничестве Белгородской области с областями Украины (справа).

Официальное политическое взаимодействие между Белгородской областью и регионами Украины фактически прекращено. На данный момент подписано 22 соглашения о

¹ Статья написана по итогам совместного исследования географического факультета МГУ и лаборатории геополитических исследований Института географии РАН «Проблемы соседства России и Украины в новых геополитических условиях (на примере Белгородской области)».

² Младший научный сотрудник лаборатории геополитических исследований ИГ РАН М.И. Ключников принимал участие в исследовательском проекте по гранту РНФ 14-18-03621 «Российское пограничье: вызовы соседства».

сотрудничестве Белгородской области с государственными органами иностранных государств, 14 из них заключены с регионами Украины. Значительная часть двусторонних соглашений заключена в рамках договора о создании «Еврорегиона Слобожанщина» (Белгородская область РФ и Харьковская область Украины) с 2003 г.³ Юридически эти договоры продолжают действовать, их никто не отменял, но фактически они не выполняются. На данный момент политическое взаимодействие между Харьковом и Белгородом, равно как между Харьковом и Сумами, Харьковом и Луганском, отсутствует, о чем свидетельствует снижение числа визитов делегаций Белгородской области на Украину в 2015 г. до 0 (в 2013 г. было 25 визитов).

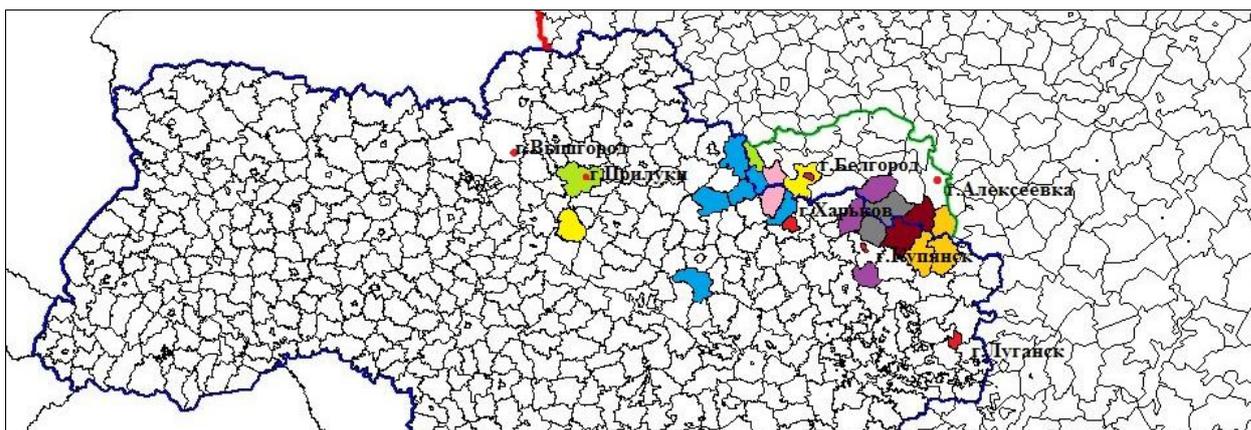

Рис. 2. Наличие договоров и соглашений Белгородской области по вопросам осуществления международного и внешнеэкономического сотрудничества с органами местного самоуправления Украины. Составлено по данным экспертного интервью с начальником отдела международных связей и приграничного сотрудничества Администрации Губернатора области А.А. Ростовским

Транспортные трансграничные связи между областью и регионами Украины после 2014 г. значительно сократились. Через Белгородскую область проходят важные железнодорожные и автомобильные магистрали межгосударственного значения, соединяющие Москву с северо-восточными областями Украины. Всего в Белгородской обл. ныне функционирует 11 таможенных постов, в т.ч. 4 международных автомобильных пунктов пропуска, 4 двусторонних автомобильных, 6 железнодорожных и 1 воздушный пункт пропуска. В 2015 г. Украиной фактически закрыты местные пункты пропуска, доступными для двустороннего пересечения границы остались только 4 автомобильных и 1 железнодорожный пункт пропуска.

В силу усложнившейся с 2014 г. политической обстановки сильно уменьшился как пассажиро-, так и грузопоток через белгородскую границу. Интенсивность транспортного потока в 2014–2015 гг., в сравнении с 2012–2013 гг., снизилась в 1,5–2 раза. [3] Грузооборот трансграничного потока уменьшился почти в 2 раза, из десятка трансграничных железнодорожных поездов на май 2016 г. сохранилось лишь 2.

Автобусные маршруты из Белгорода на Украину регулярны, хотя частота курсирования их снизилась примерно в 1,5 раза по сравнению с 2013 г. Осуществляются автобусные рейсы из нескольких городов области до Харькова, транзитные – до Днепропетровска, Киева, Кишинева.

³ По данным экспертного интервью с начальником отдела международных связей и приграничного сотрудничества Администрации Губернатора области А.А. Ростовским (02.2016 г).

Сопоставив показатели движения транспорта на трёх международных автомобильных пунктах пропуска Белгородской области «Нехотеевка–Гоптовка» (на федеральной трассе М-2 «Крым», связывающей Белгород и Харьков), «Шебекино–Плетеневка» (Белгородская и Харьковская области) и «Грайворон–Великая Писаревка» (Белгородская и Сумская области)⁴, можно сделать вывод о том, что, в целом, по структуре автомобильного потока пункты пропуска мало различаются. Транспортный поток на трассе М-2 «Крым» через пункт пропуска «Нехотеевка» даже с учетом кризиса в отношениях с Украиной выше, чем на остальных пунктах пропуска. [6]

Неформальные личные контакты между жителями Белгорода и Харькова существенно сократились с 2014 г., но отчасти сохранились. После событий 2014 г. пересечение границы с Украины для россиян затруднилось. Около 80% пересекающих границу ныне составляют украинцы⁵, что связано с ужесточением пограничного контроля со стороны Украины и боязнью россиян перемещаться по территории Украины. Граждане Украины сегодня пересекают границу в основном с целями:

1. посещение родственников,
2. устройство на работу,
3. приобретение более дешевого бензина т.п.

Взаимодействие в культурной и научной сфере между Белгородской областью и регионами Украины оказалось «заморожено» на неопределенных срок. Тем не менее, с конца 2015 г. на культурные фестивали вновь начинают приезжать коллективы из Украины, в сфере образования – россияне и украинцы совместно заочно участвуют в конференциях. В рамках развития приграничного сотрудничества в области, несмотря на сложную политическую обстановку, был реализован ряд проектов, направленных на развитие молодежного сотрудничества и взаимодействия, в т.ч. между молодежью России и Украины [5].

За период 2007–2014 гг. число прибывших из Украины мигрантов сильно колебалось от года к году. Наибольшие показатели были достигнуты в конце и в начале периода (2007 и 2014 гг.). Число международных мигрантов в 2014 г. (9042 чел.) более чем в 2,5 раза превысило уровень 2010 г. (3511 человек). Для граждан Украины это соотношение составило почти 5 к 1 (5924 чел. и 1241 чел.). [7] 2014 г. стал пиковым для миграции, так как именно на него пришлась острая фаза конфликта на востоке Украины. Трудовая миграция из Украины в Белгородскую обл. обусловлена более высоким уровнем зарплат и лучшей экономической ситуацией в РФ. Доля граждан Украины растёт со временем: до конфликта она составляла 35–45%, в 2014 г. поднялась до 65,5%, а в 2015 г. составила 75%.

⁴ По данным транспортных замеров вблизи данных МАПП, проведенных исследователями в будние дни в январе 2016 г.

⁵ По информации, обобщенной в ходе серии экспертных интервью с представителями научного сообщества Белгородской области.

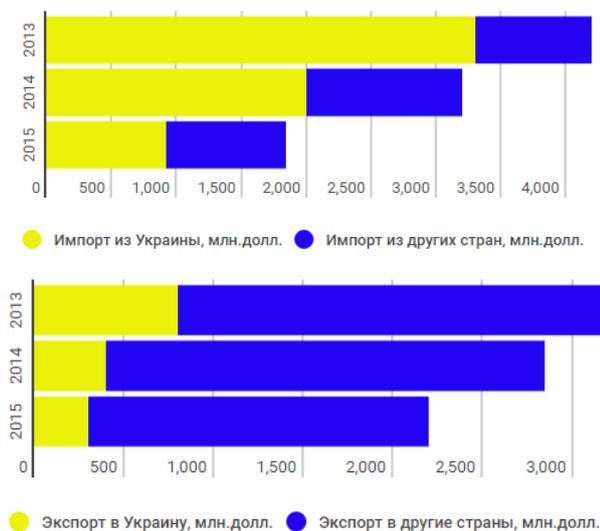

Рис. 3. Импорт и экспорт Белгородской области в 2013–2015 гг. Составлено по данным: [7].

До похолодания в отношениях России и Украины в 2014 г. экономические связи Белгородской области с регионами Украины были относительно тесными. Жители Белгородчины играли важную роль в розничной торговле в приграничных районах, пользовались товарами и услугами, произведенными в Харьковской области. Многие харьковчане работали в Белгороде и Белгородской области, уровень средней заработной платы в Белгородской области в 2–3 раза выше, чем в приграничных районах Украины. Из-за сокращения приграничного сотрудничества и взаимных экономических санкций пострадали оба пограничных региона, но Харьковская область пострадала больше Белгородской. Экономика Харьковской области в гораздо большей степени ориентирована на рынок России и других стран СНГ, нежели экономика Белгородской области на рынок Украины.

Интенсивность экономических связей Белгородской области с Украиной сокращалась с момента распада СССР, а после событий 2014 г. произошёл резкий спад. Экспорт на Украину и импорт из Украины в 2014 г. упали по сравнению с 2013 г. на 1/3. Несмотря на это, именно на Украину до сих пор приходится 2/3 внешнеторгового оборота области. [7] С 2014 г. наблюдается дрейф из приграничных регионов Украины в Белгородскую область малого бизнеса, завязанного на российские рынки сбыта.

В заключение отметим, что фактор соседства с Украиной всегда играл и будет играть важную роль для Белгородской области. Несмотря на негативную динамику приграничных взаимоотношений Украины и России, потепление политических и экономически отношений в будущем неизбежно. России нужно быть готовой к этому и строить свою приграничную политику (в т.ч. и на региональном уровне) с учетом возможных политических изменений. В целом, исследователи пришли к выводу о том, что население Белгородской области уже в целом смогло адаптироваться к непростым новым условиям приграничного взаимодействия.

Коллектив авторов выражает искреннюю благодарность сотрудникам Администрации Белгородской области, Белгородского государственного национального исследовательского университета, АНО «Институт приграничного сотрудничества и интеграции» за помощь в проведении настоящего исследования.

Литература

1. Колосов В.А., Зотова М.В., Себенцов А.Б. Структурные особенности экономики и градиенты социально-экономического развития приграничных районов Беларуси, России и Украины // Известия РАН. Серия географическая. – 2014. – № 5. – С. 32–46.
2. Колосов В.А., Туровский Р.Ф. Феномен нового российского пограничья // Известия РАН. Серия географическая. – 1997. – № 6. – С. 51–61.
3. Основные итоги деятельности Белгородской таможни за 2015 год. Режим доступа: <http://ctu.customs.ru>
4. Российско-Украинское пограничье: двадцать лет разделенного единства / отв. ред.: В.А. Колосов, О.И. Вендина. – М.: Новый хронограф, 2011.
5. Сапрыка В.А., Гукова И.Н., Пастюк А.В. Особенности реализации молодежных проектов приграничного сотрудничества // Казанский педагогический журнал. – 2016. – № 1 (114). – С. 215–219.
6. Современное трансграничное транспортное взаимодействие в пределах исторического региона Слобожанщина / Заяц Д.В., Ключников М.И., Туров Н.Л., Германов Г.А., Иванов П.А., Колясев Е.Ф., Мамонтов Т.В., Недаев Г.В., Сергеева И.Д., Стецурина Л.А. // Социально-экономическая география: теория, методология и практика преподавания / Под ред. А.А. Лобжанидзе. Материалы международной научно-практической конференции «Первые Максаковские чтения». Том 1. – М.: МПГУ, 2016. – 408 с. С 316–323.
7. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Белгородской области (Белгородстат). Режим доступа: <http://belg.gks.ru>

ИНСТИТУТ ЛЕСНОЙ СЕРТИФИКАЦИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Г.Б. Козырева

Институт экономики КарНЦ РАН (ИЭ КарНЦ РАН)

Одним из примеров институциональных инноваций, способствующих интеграции лесного бизнеса в мировой рынок, является лесная сертификация. Лесная сертификация - это институт, позволяющий предотвращать неадекватное лесохозяйствование и создавать условия для устойчивого управления лесным хозяйством на основе целенаправленных, долгосрочных, экономически выгодных для предприятий и безопасных для социума и лесных экосистем взаимоотношений. Этот общественный институт стимулирует бизнес на организацию социально и экономически эффективных форм хозяйствования, благодаря которому возможно создание на территориях присутствия благоприятной среды для функционирования самого бизнеса и жизни местного населения. Об этом свидетельствует мировая практика.

Основными конкурирующими между собой международными системами сертификации являются система Лесного попечительского совета (FSC) и система Панъевропейского лесного сертификационного совета (PEFC). Сертификаты FSC и PEFC определяют наличие положительного взаимодействия человека и лесных экосистем [1].

Наличие сертификата повышает авторитет предприятия и конкурентоспособность его продукции, прежде всего на экологически чувствительных рынках развитых стран. Потребитель же получает гарантию того, что он имеет дело с продукцией, которая поступила легально и из устойчиво управляемых лесов. Обе эти системы применяют знак соответствия, который ставится на продукцию и используется в торговле [2].

Наличие сертифицированной продукции становится пропуском на экологически чувствительные рынки Европы (в особенности Германии, Великобритании и Голландии). На сертифицированную продукцию уже сейчас приходится от 15% до 30% мирового экспорта лесоматериалов. К настоящему времени уровень спроса на сертифицированные лесоматериалы в Европе достигает 50% емкости рынка. В этих условиях добровольная лесная сертификация становится мощным средством, стимулирующим развитие хозяйственной практики по пути, определенному концепцией устойчивого лесопользования.

Тем не менее, влияние института добровольной лесной сертификации на лесохозяйственную практику в различных государствах неоднозначно и существенно различается в зависимости от роли той или иной страны в международных торговых отношениях. Имеет значение также уровень спроса и ориентированности потребителей, в том числе и государства, на критерий экологической безопасности при выборе поставщиков. Наибольшее распространение практика лесной сертификации получила в странах Европы и Северной Америки, являющихся основными мировыми потребителями лесной продукции, при этом площади сертифицированных лесов в странах-донорах увеличивались до последнего времени гораздо меньшими темпами [3].

Одним из драйверов роста FSC-сертифицированных лесов в России стал новый регламент Евросоюза, который вступит в силу 3 марта 2013 года. Он накладывает обязательства на импортеров лесоматериалов и продукции из древесины на рынок ЕС и запрещает импорт в ЕС древесины нелегального и сомнительного происхождения.

Согласно регламенту, импортеры обязаны требовать от своих поставщиков документальных подтверждений того, что покупаемая продукция была заготовлена в соответствии с законами страны, в которой был заготовлен лес. Для этого импортеры должны либо самостоятельно разработать систему контроля легальности, либо использовать одну из существующих схем независимой проверки, например, схему

международной добровольной лесной сертификации по стандартам FSC. Требования европейского рынка в отношении устойчивости достаточно строги. Здесь следует выделить два основных определяющих фактора.

Взаимовлияние и совместное действие вышеупомянутых факторов значительно усиливает тенденции развития рынков устойчивой и экологически безопасной древесины. Это предъявляет требования к странам - экспортерам, вынуждая хозяйствующих субъектов переходить на заготовки, соответствующие указанным принципам. Обратное, зачастую, приводит скорее не к полной потере рынков сбыта, а к падению прибылей, вызванному ценовой дискриминацией. Тем не менее, рассматривая данные о площади сертифицированных лесов, можно сделать вывод о достаточно малых, а порой, нулевых значениях показателя и его динамики в ряде регионов промышленного освоения лесов.

В настоящее время, когда процесс распространения добровольной лесной сертификации прочно вошел в практику российского лесного бизнеса можно уже говорить об эффектах от этой институциональной инновации. Внедрение ЛС связано со следующими позитивными последствиями:

- Повышением конкурентоспособности компаний на мировых рынках;
- Формированием эффективных мер по борьбе с незаконными рубками;
- Сохранением традиционных рынков сбыта и увеличением валовой стоимости поставок и, как следствие, рост налоговых поступлений;
- Повышением прозрачности бизнеса, ростом экологических и экономических рейтингов;
- Созданием институциональных условий для привлечения инвестиций. ЛС стимулирует бизнес вкладывать инвестиции в природный, человеческий и социальный капитал.
- Повышением доверия в обществе. ЛС ориентирует бизнес на организацию социально и экономически эффективных форм хозяйствования, позволяющих создавать на территориях присутствия благоприятную среду для функционирования самого бизнеса и жизни местного населения [2].

Вместе с тем, несмотря на наблюдаемый положительный вектор развития, можно выделить ряд факторов, ограничивающих широкое развитие добровольной лесной сертификации в России:

- Финансовые ограничения: не всем лесным компаниям выгодно сертифицироваться;
- Расхождения в российском и международном законодательстве (правила лесопользования);
- Низкое доверие в бизнес-среде;
- Оппортунизм природоохранных (российских и международных) организаций;
- Оппортунизм сертификационных компаний;
- Отсутствие институциональных условий для развития сертификации (налоговые льготы, инвестиции в базовую инфраструктуру ЛС: проведение инвентаризации, проведение групповых сертификаций; преференции при получении лесов в аренду, субсидии и субвенции при проведении сертифицирования лесов, предоставление инвестиционных кредитов и т.п.);
- Отсутствие государственной политики ЛС;
- Проблема подготовки кадров для аудиторских компаний по ЛС.

Правилами FSC предусмотрены не только национальные, но и региональные стандарты лесной сертификации. Стандарты FSC устанавливают индикаторы сертификации, а они зависят от климатических условий в регионах. Так, для Финляндии таких индикаторов утверждено 114, а для Дальнего Востока – 310. То есть нормативы

базируются на частном мнении экспертов за рубежом. Требования национального стандарта обезличены. Сегодня на территории России несколько региональных групп занимаются разработкой и уже разработали такие документы – Архангельская обл., Республика Коми, Красноярский край, Иркутская обл., Хабаровский край.

Сегодня в своей деятельности аудиторские компании руководствуются своими стандартами, разработанными, как правило, для всей России, не учитывая региональные особенности. С появлением же регионального стандарта для каждого региона будет свой понятный документ. Можно назвать, кто заинтересован в разработке регионального стандарта ЛС. Группы интересов распространяются на все социальные группы региональных сообществ. Сюда входят следующие акторы.

Лесные компании получают прозрачные правила игры, в которые заложены объективные критерии и индикаторы устойчивого лесоуправления. Появляются стимулы для инвестирования в территориальное развитие. Повышается прибыльность от деятельности [4].

Региональная законодательная и исполнительная власть получает действенный механизм влияния на лесной бизнес. При этом повышается имидж региона (в частности, Карелии) на западных рынках, повышается эффективность и прозрачность лесоуправления, повышается инвестиционная привлекательность региона, повышается эффективность политики занятости в лесных поселках [5].

Территориальный орган управления лесами получает инструмент для повышения эффективности и прозрачности лесоуправления. Повышается уровень контроля за лесным фондом. Формируются цивилизованные механизмы взаимодействия между лесохозяйственниками и лесопромышленниками [6].

Местные сообщества получают возможность участия различных социальных групп в лесоуправлении. Появляется источник доступной и прозрачной информации в системе лесоуправления. Формируются условия для развития гражданских институтов. Улучшается социальная ситуация в лесных поселках [7].

Несмотря на то, что региональные стандарты в России сегодня еще не получили институционального статуса (при этом они успешно развиваются, например, в Канаде), остаются актуальными вопросы их лоббирования на международных площадках Лесного попечительского совета. Кроме того, наличие и успешное функционирование региональных групп развития ЛС уже сегодня является важным звеном формирования лесной политики лесосырьевых регионов России. В настоящее время они могут выходить (некоторые регионы уже активно выходят) с предложениями и инициативами в правление Национального совета по лесной сертификации по пересмотру и корректировке некоторых критериев и индикаторов стандарта.

В Республике Карелия, к сожалению, такой региональной группы по ЛС пока не существует. Создание группы разработчиков регионального стандарта, включающей ученых и практиков в сфере экономики, социологии, лесного хозяйства, лесной промышленности и экологии, должна стать одной из первоочередных управленческих задач на ближайшую перспективу.

Развитие системы лесной сертификации может стать одним из важнейших направлений лесной политики России и ее лесосырьевых, особенно приграничных регионов. Сегодня можно говорить, что в России начал формироваться спрос на товар «лесная сертификация», хотя пока он в большей степени носит вынужденный характер. Одним из факторов, обусловивших это, является вступление страны в ВТО.

Лесная сертификация по праву является примером институциональных инноваций, позволяющих уже сегодня получать существенные эффекты для экономики и общества. Об этом свидетельствуют успешные западные и уже сложившиеся в некоторых российских регионах практики.

Литература

1. *Петров А. П.* Экологическая сертификация систем ведения лесного хозяйства и лесопользования // Лесное хозяйство. 1995. № 6. С. 9-20
2. *Петров В. Н. , Ильин В. А., Гавриленко В. И.* и др. Экономико-правовые отношения в управлении лесами и лесохозяйственном производстве / СПб. : ЛТА. 2003. 200 с.
3. *Страхов В.В., Писаренко А.И., Борисов В.А.* Глобализация лесного хозяйства / М., ВНИИЦлесресурс. 2001. - 400 с.
4. *Шегельман И. Р., Пономарев Ю. И.* Региональная стратегия развития лесопромышленного комплекса / Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ. 2004. 156 с.
5. *Козырева Г. Б.* Проблемы собственности на лесные ресурсы России //Общество и экономика. 2006. № 2. С.167–189.
6. *Козырева Г.Б.* Экономическое поведение предприятий лесного сектора Карелии в условиях рыночных преобразований // Вопросы экономики, 2007. - №7. С.136-151
7. *Козырева Г.Б.* Проблемы формирования социальных институтов устойчивого лесопользования/ Г. Б. Козырева. - Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2006. - - 254 с.

ПРИГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ: ТЕОРИЯ, РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

С.В. Кузнецов¹, Н.М. Межевич¹, Д.А. Болотов²

¹ *ФГБУН Институт проблем региональной экономики РАН*

² *Санкт-Петербургский государственный университет*

В начале этого века европейские постмодернисты считали, что географические карты вышли из моды, их вытеснили экономические диаграммы, иллюстрирующие финансовую и коммерческую взаимозависимость Европы и благосостояние европейских граждан. Однако события 2015 года показали, то, что это не так. Границы пережили эпоху их забвения, впрочем, очень короткую. В этом контексте отметим то, что не Россия развеяла европейские мечты о будущем, в котором постмодернистский остров ЕС раскинется на весь континент[1], а сама Европа сделала все для разрушения этого проекта, «...в развитии Европейского союза завершился период отрицания, когда хорошим тоном было делать вид, что происходящее - не более как временные трудности и издержки роста».[2]

Безусловно, мы должны понимать то что кризис европейской интеграции это не только экономика. «Европу ждет череда новых и серьезных потрясений. И вызвано это не чем иным, как аморальным поведением властей ЕС. И только слепой мог не увидеть, что дело уже не в одних экономических потерях – оскорблены чувства граждан, растоптаны их идеалы».[3] Нынешний Европейский Союз главная жертва собственного его прошлого успеха. В течении как минимум полутора десятилетий преобладали иные оценки, как шедевр «головокружения от успехов».

Россия не собирается покидать Европейский континент ни экономически, ни политически, ни ментально. С тех пор как Екатерина II в «Наказе комиссии по составлению нового уложения» подчеркнула: «Россия есть Европейская держава», прошло почти 250 лет, и это, при всех гигантских переменах в мире, остается и будет оставаться истиной.[4] Уточним, однако, то, что это не означает признания безошибочности европейского опыта. Равным образом это не означает возможность автоматического учета европейского опыта приграничного сотрудничества в российских практиках.

Территориальные и политические особенности России всегда, особенно на современном этапе, предполагают важнейшее значение учета европейского опыта и практик регионального экономического развития.

Понимание экономической сущности региона возможно при опоре на его международную специализацию, участие в международном разделении труда. Это предполагает исследования трансграничного сотрудничества в системе методологии региональной экономики. Однако и сегодня подобные исследования также ведутся достаточно ограниченным кругом экономистов, профессионализм которых с трудом компенсирует малочисленность исследователей. Безусловно, это не способствует комплексному раскрытию темы. Однако практически все указанные работы посвящены субъектному уровню управления. Исследования межмуниципального – международного сотрудничества как фактора регионального развития на уровне органов государственной власти, местного самоуправления встречаются крайне редко. При этом важно отметить, то, что такие работы все чаще появляются именно в приграничных субъектах федерации, в том числе и Петрозаводске. Ряд исследований выполнено в Институте экономики Карельского научного центра Российской академии наук. В рассматриваемых работах региональная политика международного сотрудничества часто определяется следующим образом: «..совокупность целевых установок, мер и механизмов поэтапной интеграции

региона в систему международных экономических, политических, социальных связей на основе эффективных форм партнерства и активного формирования позитивного имиджа региона во внешнем мире».[5]

Следующий вопрос – верификация понятия «муниципальной политики международного сотрудничества». В рамках подобного подхода объектом муниципальной политики международного сотрудничества выступают зарубежные государства, отдельные регионы стран-партнеров, международные организации, иностранные компании, а также организации самого региона, нацеленные на развитие зарубежных связей. В данном случае *внешнеэкономические связи органов власти в т.ч. и местного уровня мы понимаем как совокупность видов экономической деятельности, отличительным признаком которой является трансграничное перемещение товаров, услуг, технологий, управленческого опыта*. С другой стороны, согласно постмодернистского подхода, международные отношения – «...все виды взаимодействий между базирующимися в пределах государства субъектами, осуществляемые с пересечением государственных границ». (*all interactions between state-based actors across state boundaries*).[6] «Международное» для их авторов и сторонников тождественно или синоним «трансграничного».[7] Таким образом, муниципальная политика международного сотрудничества является частью общей практики государственного международного сотрудничества.

Очевидно, что в настоящее время экономико-географическое единство и целостность воспроизводственного процесса неизбежно «пробивается» государственными границами. С другой стороны реформы 90-х годов привели к тому, что экономические барьеры (впервые со времен гражданской войны) возникли внутри страны. *Возникла ситуация когда ряду приграничных регионов стало проще развивать отношения с прилегающими странами, чем с соседними российскими территориями*. С другой стороны искусственное ограничение приграничного сотрудничества не может не привести к снижению конкурентоспособности территорий любого ранга от федеральных округов до местных самоуправлений.

В контексте рассмотрения регионализма как тенденции развития следует отметить, что для границ характерна двойственность функций, т.е. сочетание барьерной и контактной характеристик. Граница разделяет районы, препятствует товарным, финансовым потокам и сдерживает переток информации. Но одновременно именно через границу идут и межтерриториальные связи, именно через них в Европе осуществляется значительная часть экономических и политических контактов, отношений. При этом «пространственными аспектами отношений считаются те отношения и связи, интенсивность которых зависит от расстояния между объектами, степени их соседства, характера разделяющих их границ и промежуточных пространств. С другой стороны можно предположить ситуацию, при которой объем и интенсивность совместной деятельности между соседствующими местными и региональными властями, разделенные между собой межгосударственной границей в пределах ЕС достигает того же уровня, что и между соседствующими властями одного и того же государства, тогда можно утверждать, что границы между государствами упразднены.

Такой подход актуален и возможен в российских условиях. «Барьерность» на «финском» направлении совсем иная, чем на «эстонском». Специфика приграничной территории является следствием различий и одновременно пересечений двух соприкасающихся систем (соседних государств). Приграничье представляет собой область, где такие различия нивелируются, образуя зону со специфическими свойствами, присущими как одной, так и другой стороне. В российской науке это положение впервые было отмечено Э.Б. Алаевым: «граница может быть на самом деле полосой, т.е. иметь второе территориальное измерение».[8]

Опыт исследования приграничных связей позволяет выявить несколько форм их реализации. К таковым относится формирование зон приграничного сотрудничества. В основе экономического механизма приграничного сотрудничества дополняющие, друг друга барьерная и контактная функция границы. Причем контактные функции границ в России впервые за последние десятилетия (если не века) преобладают.

Экономическое значение государственных границ следует оценивать с различных точек зрения. С позиции общемировых (глобальных) процессов границы препятствуют развитию интеграционных экономических процессов, создают территориальные социально - экономические различия и одновременно возможность приграничного сотрудничества. Для выявления объективных хозяйственных тенденций экономические границы имеют большее значение. С точки зрения национальных интересов страны роль их также противоречива. Интеграционный характер экономики в прошлом вступает в противоречие с особенностями хозяйства современной конкретной страны, чему способствуют границы. Фактор приграничности особое значение имеет в теневой экономике.

Приграничные регионы занимают двойственное положение в экономическом пространстве государства, будучи одновременно и центром связей и периферией своего государства. Являясь периферией страны, приграничные территории становятся центром региона, жизнь которого определяется задаваемыми границей правилами. В некотором смысле можно даже говорить о региональной экономической гомогенности приграничья в противоположность внутригосударственной экономической гетерогенности. Таким образом, центральной категорией анализа феномена границ должно стать понятие приграничье (borderland), которое понимается, не как два близлежащих региона по обе стороны границы, но как единое экономическое пространство. Идентификация границы, может иметь различное значение в разных местах. Это связано и с тем, что далеко не все границы сформировались искусственно, часто они носят закономерный характер, опираются на естественные рубежи как природного, так и культурного характера, становятся самостоятельным социально-историческим феноменом. Если их отменяют, как это часто случается, они оставляют следы в самосознании, в региональной идентификации, характере экономических связей и т.д.

Экономические параметры пограничных территорий включают в себя не размеры (протяженность, ширину), но степень хозяйственной освоенности. При этом важен трансграничный градиент уровней экономического развития. Помимо этого, в любом региональном приграничном пространстве масштаб, глубина каждого компонента сотрудничества имеет свои численные значения. Так, например, на отдельных участках границы пространство реального приграничного торгово-экономического сотрудничества может не совпадать с размерами района исторически сложившихся культурно-исторических связей приграничного населения соседних стран. Таким образом, основной проблемой при разработке региональной экономической политики в приграничной зоне является выявление целесообразного управленческого масштаба сотрудничества.

Приграничные контакты могут быть не только благом. И.И. Сигов предупреждал: «Становится все более обширной торговля приграничных российских регионов с соседними государствами в ущерб развитию внутрироссийских хозяйственных связей. Возникает экономическая основа для сепаратизма этих регионов и включения их в другие экономические системы, а не в единый народнохозяйственный комплекс России».[9] Эта опасность сегодня трансформировалась в угрозу и потенциальную возможность взаимной автаркии.

Литература

1. Крастев И., Леонард М. Новый европейский беспорядок <http://www.globalaffairs.ru/number/Novyi-evropeiskii-besporjadok-17196> 17 декабря 2014
2. Лукьянов Ф. 2015: попытка найти позитив // Российская газета (Федеральный выпуск) N6861 от 23 декабря 2015 г. <http://www.rg.ru/2015/12/23/kolonka.html>
3. Нарышкин С.Е. Уроки нравственности, забытые Европой <http://www.gosduma.net/news/274/1223069/>
4. Медведев Д. А. Новая реальность: Россия и глобальные вызовы Опубликовано в РГ (Федеральный выпуск) N6785 от 24 сентября 2015 г. <http://www.rg.ru/2015/09/23/statiya-site.html>
5. Региональная социально-экономическая политика: разработка, реализация, оценка эффективности Отв. Редакторы Вертешев С.М.; Рохчин В.Е. СПб-Псков 2003 с. 163
6. Evans G., Newnham J. Dictionary of International Relations. London, 1998. P. 274
7. Косолапов Н.А. Международно-политическая организация глобализирующегося мира: модели на среднесрочную перспективу //Общественные науки и современность №6 2001 с. 144
8. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь М. 1983 с.53
9. Сигов И.И. Региональная собственность СПб 2001 с.14

РАЗВИТИЕ ПОТЕНЦИАЛА ПРИГРАНИЧНЫХ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ: ПРОЕКТНЫЙ ПОДХОД

Л.М. Кулакова

Институт экономики КарНЦ РАН (ИЭ КарНЦ РАН)

В статье рассмотрена актуальность и перспективность использования проектного подхода в управлении потенциалом приграничных сельских территорий, раскрыты вопросы устойчивого развития приграничных сельских территорий России и направления модернизации сельской экономики. Рассмотрены вопросы изменения функций приграничных сельских территорий в условиях демографического кризиса и структурной перестройки экономики. Проведен анализ потенциала развития приграничных сельских территорий и дана оценка возможностей его использования с учетом инструментария проектного подхода на региональном уровне. Представлены возможные направления государственной политики в области поддержки сельского предпринимательства как стратегического ресурса развития сельских территорий в приграничном регионе.

Ключевые слова: проектный подход, сельские территории, устойчивое развитие, модернизация экономики, сельское предпринимательство, приграничный регион.

Социально-экономическое развитие приграничных сельских территорий является одной из важных и в то же время сложных задач государственной политики. Несомненно, сельская местность обладает своей спецификой, которая связана с низкой плотностью населения, более развитыми социальными связями, традициями и культурой. Однако экономическая специализация не является признаком сельской территории. Сельская экономика может быть представлена сельским и лесным хозяйством, промышленным производством, туризмом и рекреацией и другими отраслями [Rural, 2014]. Для России вопросы социально-экономического развития приграничных сельских территорий, учитывая огромные пространства нашей страны, особенно актуальны. Создания благоприятных социально-экономических условий для комплексного и устойчивого развития сельской экономики, повышение качества жизни сельского населения, вот те вопросы, которые сегодня стоят в повестке дня современного развития общества.

Сельская местность выполняет не только экономические или производственные функции. В условиях усиливающихся проблем крупных городов, именно сельские приграничные территории могут сыграть ключевую роль при переходе к устойчивому развитию, представляя собой пространство для гармоничного взаимодействия человека и природы.

В Концепции устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Правительством России, под устойчивым развитием сельских территорий понимается «стабильное социально-экономическое развитие сельских территорий, увеличение объема производства сельскохозяйственной и рыбной продукции, повышение эффективности сельского хозяйства и рыбохозяйственного комплекса, достижение полной занятости сельского населения и повышение уровня его жизни, а также рациональное использование земель» [Концепция].

Применительно к сельским территориям устойчивое развитие подразумевает реализацию нескольких направлений (рис.1). К ним относятся рост уровня и улучшение качества жизни сельского населения, рациональное использование природных ресурсов и развитие экономики села на основе традиционных и новых видов хозяйственной деятельности.

Рис. 1. Направления устойчивого развития приграничных сельских территорий

Функции и потенциал развития приграничных сельских территорий

Российское село испытывает ряд серьезных проблем, среди которых: демографический кризис, низкая территориальная и профессиональная мобильность населения и структурный кризис сельской экономики. Рассматривая возможные варианты выхода из сложившейся ситуации, необходимо принимать во внимание тенденции общего характера. Они присущи не только для российского села, но и для сельских территорий в целом, особенно в приграничных регионах. Прежде всего, речь идет об изменении функций сельских территорий, которые они выполняют в экономике и обществе. Функции, которые выполняют сельские территории, многообразны. Их реализация зависит от потенциала развития, возможностей его использования и существующих ограничений. Рассматривая потенциал социально-экономического развития приграничных сельских территорий, можно выделить некоторые его виды, отражающие различные характеристики. Это высокий *природно-ресурсный потенциал*, имеющий экологические ограничения и возможности внедрения передовых технологий добычи сырья. Высокий *культурно-исторический потенциал* развития туризма, образования, исследований, но пока еще с низкой степенью коммерциализации. Низкий *производственный потенциал*, развитие которого возможно через кооперацию и новые формы территориальной организации производства. Низкий *трудовой*, требующий внедрения трудосберегающих технологий и повышения производительности труда. Низкий *рыночный потенциал*, который требует создания современной инфраструктуры сбыта продукции, электронной коммерции. Высокий *предпринимательский потенциал с системной* государственной поддержки развития предпринимательства. Высокий *туристско-рекреационный потенциал с перспективой* развития устойчивых видов туризма. Низкий *инфраструктурный потенциал* с высокими издержками на содержание сетевого хозяйства, требующий внедрения автономных систем жизнеобеспечения.

Модернизация сельской экономики в приграничном регионе

Выделим несколько направлений модернизации экономики приграничных сельских территорий: *межмуниципальное сотрудничество, в том числе село-городское партнерство; поддержка некоммерческих организаций, занимающихся вопросами местного развития; внедрение трудосберегающих технологий в сельском хозяйстве и развитие сельскохозяйственной кооперации, формирование инфраструктуры продовольственного рынка и новое позиционирование продукции сельских производителей; создание условий для самозанятости сельского населения; реализация*

нематериальных активов территории; устранение «информационного разрыва» между городом и селом; маркетинг сельских территорий; проектный подход в управлении потенциалом сельских территорий.

Сегодня одним из наиболее эффективных способов управления развитием территорий является **проектный подход**. Карелия активно работает в этом направлении. Сегодня внедрение проектного управления – требование времени. Начиная с марта 2016 года, в Республике Карелия идет работа по 6 приоритетным направлениям развития в сфере предпринимательского и инвестиционного климата. В их числе – развитие сельских территорий, обеспечение доступа местных производителей на рынки, формирование эффективного земельного рынка, повышение эффективности взаимодействия с субъектами естественных монополий, совершенствование системы господдержки и стимулирования развития малого и среднего предпринимательства. В рамках этой работы эксперты, прежде всего это сами предприниматели, отобрали более 100 бизнес-предложений, которые касались самых разных областей карельского бизнеса: сельского хозяйства, кадровой политики, взаимодействия с властью. Многие предложения весьма масштабны. В Карелии планируется создать филиал лаборатории Центра сертификации продуктов местных фермеров – возможно, мобильный; институт регионального оператора, массово закупающего продукцию у наших сельхозпроизводителей, что гарантирует им рынок сбыта. Началась работа по созданию территории опережающего социально-экономического развития; рыбохозяйственного кластера; туристского кластера «Южная Карелия» и др. Некоторые из перечисленных проектных идей уже начинают развиваться в конкретные проекты. Например, формируется программа поддержки местных товаропроизводителей, продвижения их продукции. В частности, в регионе создан совет директоров республиканских предприятий. Продолжается разработка единого товарного знака местной продукции, разработка туристского бренда Карелии.

Проектное управление – новый, более эффективный порядок управления приграничными сельскими территориями, результатом которого должно стать формирование «банка проектных идей», который аккумулирует предложения представителей власти, бизнеса и общественности о том, как сделать территорию экономически успешной. Основная идея - это предоставить возможность сельским предпринимателям и активистам эффективно работать на своей территории за счет «горизонтальной» системы взаимодействия различных органов власти, бизнеса и населения. При комплексном подходе, который учитывает экономические, экологические и социальные аспекты развития приграничных территорий, при активной роли государства и всех заинтересованных акторов, появятся эффективные формы поддержки отечественного производства, которые придадут новые импульсы развития сельской экономике, что особенно важно в северном приграничном регионе.

Литература

1. Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года / Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. [Электронный ресурс] URL: <http://www.mcsx.ru/> (дата обращения: 07.06.2016 г.)
2. Rural Development in the European Union. Statistical and Economic Information / European Commission [Электронный ресурс] URL: <http://ec.europa.eu/> (дата обращения: 07.06.2016 г.)

МАЛОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА

А.Е.Курило

Институт экономики КарНЦ РАН (ИЭ КарНЦ РАН)

Малое предпринимательство является неотъемлемой частью функционирования современной экономики. В странах с высоким уровнем экономического развития малые предприятия вносят существенный вклад в экономику. В России небольшая доля крупных предприятий создает до 80% ВВП и сектор малого предпринимательства ещё не достиг предельных значений своего развития. Вместе с тем для некоторых территорий малый сектор экономики является единственной возможностью обеспечения занятости населения.

Так, на малых предприятиях Карелии трудится 15% занятых в экономике республики. Около 10% местных бюджетов формируется за счет налоговых поступлений от предприятий и физических лиц, занятых в этой сфере [2]. Вместе с тем на протяжении последних 15 лет доля малого бизнеса в региональной структуре практически не изменяется. В Республике Карелия эта доля составляет около 20% от всех учтенных в статрегистре Росстата предприятий и организаций. По данным сплошного наблюдения малого и среднего бизнеса за 2010 год доминирующим сегментом является торговля и ремонт автотранспорта и бытовых изделий (36%) (табл.1).

Таблица 1

Малые предприятия (МП) Республики Карелия (РК) по видам экономической деятельности в 2010г., %

Вид экономической деятельности	От всех действующих МП РК	От всех субъектов ЕГРПО	Действующие от всех субъектов ЕГРПО
Всего, в т.ч.:	100	34	24
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	3	19	11
Обрабатывающие производства	9	39	26
Строительство	9	46	30
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	36	44	32
Гостиницы и рестораны	4	57	42
Транспорт и связь	8	27	21
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	20	39	29
Прочие	11		

В целом из всех предприятий этого вида деятельности 32% представлены действующим малым бизнесом. Их мобильность позволяет почти на 100% обеспечивать население продовольственными и промышленными товарами, особенно на отдаленных сельских территориях. Дальше, но с большим отрывом следуют предприятия, осуществляющие операции с недвижимостью и сфера услуг (20,0%). На обрабатывающие производства приходится 9% малых предприятий Карелии. Наименее представленными являются предприятия лесного, охотничьего и сельского хозяйства – 3% (они составляют десятую часть всех предприятий республики по этому виду деятельности). На такой вид деятельности как гостиницы и рестораны приходится 4% малых предприятий, но они составляют 42% предприятий этой сферы. Таким образом, сектор малого предпринимательства пока не значительно влияет на диверсификацию региональной экономики.

Анализ развития этого сектора экономики в Республике Карелия показал, что данный процесс в основном протекает в том же русле, что и во многих других субъектах Российской Федерации (табл. 2).

Таблица 2

Основные характеристики малых предприятий (МП) в Республике Карелия в 2005-2009 гг.

	2005	2006	2007	2008	2009
Количество МП					
в ед.	4628	4600	4123	4719	8700
в % ко всем МП, в том числе:	100	100	100	100	100
в обрабатывающих производствах	10,7	9,8	10,3	9,3	9,2
в строительстве	8,7	8,5	8,5	9,2	10,3
в торговле и ремонте	43,7	44,3	44,1	41,7	36,8
Количество постоянных работников МП					
в тыс. чел.	31,9	33,7	32,8	34,4	36,8
в % к постоянным работникам, в том числе:	100	100	100	100	100
в обрабатывающих производствах	16,9	15,7	15,2	12,5	15,5
в строительстве	14,1	16,0	16,5	11,9	12,2
в торговле и ремонте	34,5	32,6	31,7	33,7	38,6

Из данных таблицы видно, что количество малых предприятий и постоянных работников на них имеет общую тенденцию к росту, хотя в отдельные годы как и во многих других регионах сокращалось, так как этот сектор отличается достаточно высокими рисками ведения бизнеса и очень чувствителен к конъюнктурным факторам. В 2009 году резкий рост числа малых предприятий связан, во-первых, с тем, что в кризисных условиях владельцы малых предприятий проводили внутреннюю реструктуризацию, «оставляли» ставшие убыточными существующие, не ликвидируя их, и регистрировали новые. Во-вторых, поскольку статистика собирается по ограниченному кругу, то есть погрешность, распространяемая на всю совокупность малых предприятий. Это подтверждается тем, что по результатам сплошного обследования, проведенного в 2010 году, было выявлено всего 7599 малых предприятий, но из них действовало только 70% (5361 МП). По данным обследования установлено, что в Карелии приходится 7,8 действующих МП на 1000 населения [1]. Самая высокая концентрация малых предприятий в г. Петрозаводске – 13 МП на 1000 населения.

Общая численность всех малых предприятий росла в Карелии значительно быстрее, чем численность малых предприятий в торговле (рис. 1.). Это в целом нарушает бытовавшее ранее представление о том, что малый бизнес - это в основном торговля.

Рис. 1. Число малых предприятий (всего) и в сфере торговли в Республике

Значительная концентрация МП и их персонала на видах деятельности, входящих в рыночную инфраструктуру говорит о том, что для их развития необходима рыночная среда, в которой они могут, прежде всего, выполнять посреднические функции, а также отчасти обеспечивать производственные потребности других юридических лиц и локальный спрос населения в предметах потребления. Этим и объясняется тяготение карельских МП к индустриальным предприятиям более высокого статуса (крупным и средним), к приграничным территориям и крупным населенным пунктам. Так, 65,8% МП расположено в Петрозаводске на них трудится свыше четверти работников города. Остальные 34,2% малых предприятий распределены по её территории. Если посмотреть на карту Карелии (рис. 2), то видно, что большая плотность малых предприятий приходится на территории, где есть промышленные предприятия, транспортная инфраструктура и ощущается влияние границы (наличии международных пунктов пропуска).

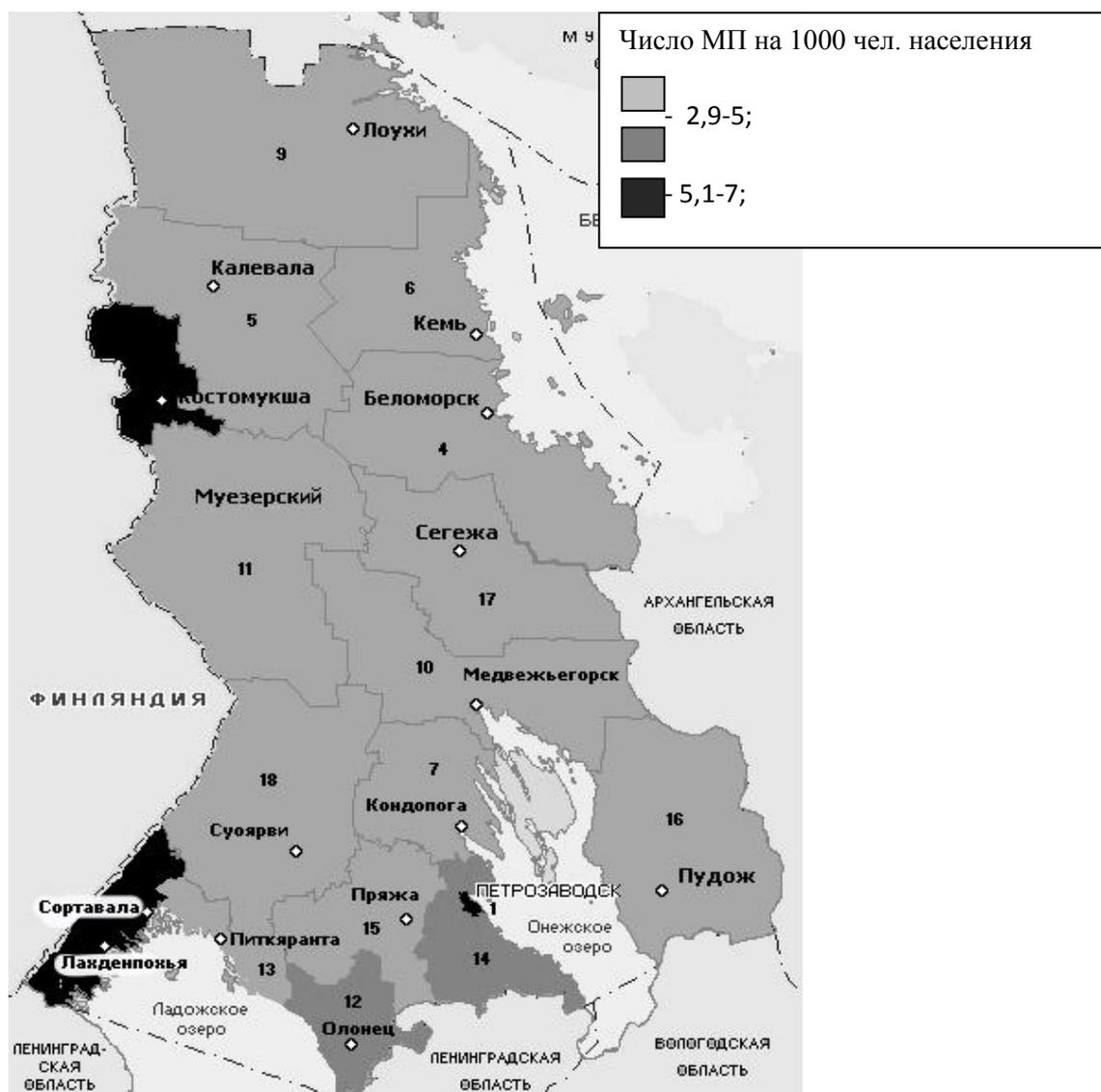

Рис. 2. Число малых предприятий на 1000 человек населения в муниципальных районах (городских округах) Республики Карелия в 2010 г.

Кроме того сектор малого предпринимательства оказывает мультипликативное воздействие на экономику республики. Предприниматели, расходуя средства на приобретение товаров и услуг, необходимых для своего производства, оказывают прямое влияние на экономику республики. Получая доход от продажи товаров, произведенных на предприятии, они тратят его на приобретение товаров для собственного потребления, тем самым оказывают косвенное влияние на экономику территории. Кроме того, увеличение численности занятых на малых предприятиях приводит к увеличению совокупных доходов населения, которые тоже могут тратиться на собственное потребление.

Субъекты малого предпринимательства, осуществляя свою деятельность, способствуют пополнению доходной части бюджета. Одним из направлений муниципальной политики государства является достижение финансовой самодостаточности местного самоуправления. И с этой точки зрения увеличение на территории численности предпринимательских структур, в конечном итоге, должно привести к расширению налогооблагаемой базы и пополнению бюджета.

Республике Карелия в подавляющем большинстве муниципальных образований отсутствуют крупные предприятия, и единственной возможностью развития экономики таких поселений выступает сектор малого и среднего предпринимательства. Малое предпринимательство, являясь достаточно адаптивной системой, решает задачи насыщения локального рынка товарами и услугами и развитию экономической активности населения. Для муниципальных образований сектор малого и среднего предпринимательства является участником решения социальных проблем и позволяет создавать рабочие места и обеспечивать социальную защиту работающих, смягчать последствия кризисных явлений и выполнять социальный муниципальный заказ, а также является основным плательщиком местных налогов и сборов и пополняет муниципальный бюджет.

При этом развитие сектора малого предпринимательства в Карелии особенно актуально для территорий, где нет крупных предприятий (а это абсолютное большинство муниципальных образований) и где остро стоят проблемы:

- обеспечения занятости населения и сокращения безработицы;
- повышения уровня жизни, прежде всего за счет трудовых доходов (заработной платы и предпринимательского дохода);
- социального обеспечения и социальной поддержки граждан.

Для оценки эффективности развития сектора малого предпринимательства Европейская экономическая Комиссия ООН предлагает использовать индекс развития предпринимательства (ИРП) [3]. ИРП представляет собой комплексный экономический показатель, отражающий вклад малого предпринимательства в развитие национальной экономики. Применительно к развитию малого предпринимательства в субъекте федерации можно предложить индекс развития малого предпринимательства в регионе (ИРМПР). ИРМПР может выражаться через произведение коэффициентов, например, долю объема продукции, произведенной малыми предприятиями в ВРП, долю занятых на малых предприятиях по отношению к численности занятых в экономике и т.п. (1).

$$\text{ИРМПР} = \frac{K_{мп}}{K_{п}} \times \frac{ЧЗ_{мп}}{ЧЗ_{э}} \times \frac{ОП_{мп}}{ВРП}, \quad (1), \text{ где}$$

$K_{мп}$ – количество малых предприятий в регионе;

$K_{п}$ – количество предприятий и организаций в регионе;

$ЧЗ_{мп}$ – численность занятых на малых предприятиях;

$ЧЗ_{э}$ – численность занятых в экономике региона;

$ОП_{мп}$ – объем продукции, произведенной малыми предприятиями;

$ВРП$ – валовой региональный продукт.

С 2005 года в статистических сборниках приводится показатель оборота малых предприятий взамен объема продукции, произведенной малыми предприятиями; и тогда в этой формуле вместо последнего множителя следует вычислять отношение оборота малых предприятий ко всему обороту организаций.

Максимальная величина ИРМПР может быть равна 1, если все предприятия в экономической системе являются малыми. Чем ближе ИРМПР к 1, тем более существенным является вклад сектора малого предпринимательства в экономику региона, принимая участие в формировании благоприятного социально-экономического климата территории, и таким образом позволяет оценить и сопоставить уровни развития предпринимательства (табл.3).

Таблица 3

ИРМПТ в Республике Карелия в 2000-2009 гг.

Показатель	1997	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Доля числа занятых на МП от общего числа занятых в экономике	0,04	0,07	0,08	0,08	0,08	0,09	0,09	0,10	0,09	0,10	0,13
Доля числа МП от общего числа предприятий и организаций	0,31	0,18	0,19	0,22	0,23	0,23	0,22	0,23	0,19	0,21	0,38
Доля объема продукции, произведенной МП в ВРП	0,09	0,13	0,15	0,19	0,18	0,19					
Доля оборота МП в обороте организаций							0,29	0,32	0,35	0,33	0,36
ИРП	0,0011	0,0016	0,0023	0,0033	0,0033	0,0039	0,0057	0,0074	0,0060	0,0069	0,0178

На основании имеющихся данных определен индекс развития малого предпринимательства в республике (ИРМПР) (табл.4). Из данных таблицы видно, что вклад сектора малого предпринимательства постепенно увеличивается.

Таблица 4

Индекс развития малого предпринимательства (ИРМПР) в субъектах СЗФО в 2005-2009гг.

	2005	2006	2007	2008	2009
Республика Карелия	0,0057	0,0074	0,0060	0,0069	0,0178
Республика Коми	0,0035	0,0061	0,0101	0,0098	0,0129
Архангельская обл.	0,0010	0,0033	0,0056	0,0085	0,0098
Вологодская обл.	0,0023	0,0024	0,0023	0,0035	0,0034
Калининградская обл.	0,0269	0,0378	0,0548	0,0484	0,0405
Ленинградская обл.	0,0082	0,0073	0,0091	0,0104	0,0079
Мурманская обл.	0,0024	0,0025	0,0024	0,0050	0,0101
Новгородская обл.	0,0041	0,0036	0,0035	0,0122	0,0109

Псковская обл.	0,0068	0,0067	0,0077	0,0077	0,0115
г.Санкт-Петербург	0,0242	0,0233	0,0271	0,0188	0,0241

В 2005 году значение показателя увеличилось, это связано с заменой показателя доли объема продукции, произведенной малыми предприятиями на долю оборота малых предприятий. В 2009 году происходит значительное увеличение показателя по сравнению с 2008 годом, что связано с тем, что многие крупные предприятия республики в связи с кризисом сократили объемы производства.

На основании полученных данных можно сделать вывод, что малое предпринимательство в Республике Карелия медленно, но стабильно развивается, эта тенденция устойчиво наблюдается с момента появления первых малых предприятий.

Индекс развития малого предпринимательства (ИРМПП) по субъектам Северо-Западного федерального округа, рассчитанный по данным статистики [4], приведен в таблице 3.6. На основе анализа ИРМПП, можно сделать вывод о том, что более всего малое предпринимательство развито в Калининградской области, которая стабильно занимает 1 место в СЗФО по этому показателю, самый малый индекс развития имеет Вологодская область. Республика Карелия в 2009 году находится на 3-м месте по показателю ИРМПП в Северо-Западном федеральном округе, но до этого находилась в середине списка.

Таким образом, сектор малого предпринимательства вносит вклад в экономику республики и имеет потенциал для увеличения показателей своей деятельности и вклада в развитие субъектов федерации, поскольку ИРМПП в республике имеет значение 0,0178.

Работа выполнена в рамках государственного задания ФАНО России научным организациям в части проведения НИР по теме «Экономико-математическое моделирование и прогнозирование адаптации региональных социо-эколого-экономических систем к изменениям мировой экономики, Федеральной политики и другим внешним шокам» (№0224-2015-0002).

Литература

3. Итоги сплошного наблюдения малого и среднего бизнеса 2010 / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Карелия. URL: <http://krl.gks.ru/> - Данные на 12.10.2012.

4. Курило А.Е. Малое предпринимательство как один из источников формирования бюджетов местного самоуправления. / Проблемы совершенствования бюджетной политики регионов и муниципалитетов России и стран Северной Европы. Материалы V ежегодной международной научно-практической конференции (1-3 июня 2005 г., г.Петрозаводск). Книга 1. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005, - Стр.184-195.

5. Сабо А. Особенности развития предпринимательства и малых и средних предприятий в странах с переходной экономикой. / А.Сабо. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://icp.org.ua/files.pdf> - Данные на 19.12.2008.

6. Центральная база статистических данных на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.gks.ru> – Данные на 03.02.2009.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИГРАНИЧНОГО И ТРАНСГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

И.О. Кучиц

Институт экономики КарНЦ РАН (ИЭ КарНЦ РАН)

В современном мире в условиях глобализации государственные границы не рассматриваются как непреодолимые преграды для бизнеса и сотрудничества в различных сферах. Безусловно, взаимоотношения стран и их политика по отношению к соседним странам, находящимся в непосредственной географической близости, а также к остальному внешнему миру имеют свою специфику. Тем не менее, несмотря на определенные сложности и изменяющиеся геополитические условия, тенденция развития приграничных территорий в разных частях мира не прекращается. Прежде всего, данная тенденция продолжает свое существование благодаря тому, что различные формы территориального сотрудничества позволяют компенсировать периферийность регионов, снизить ресурсную зависимость, а также изменить статус и специализацию приграничных зон.

Поскольку Россия обладает самым протяженным в мире пограничным периметром, приграничное сотрудничество является важным направлением взаимодействия с сопредельными государствами, особенно в части, касающейся социально-экономического развития данных территорий. Тем не менее, эффективность приграничного и трансграничного сотрудничества обуславливается не только финансовыми факторами, но также культурными и институциональными различиями между странами, уровнем социально-экономического развития, интенсивностью трансграничных потоков. Поэтому для успешного сотрудничества и институционализации данных отношений важна поддержка со стороны государства и общества по обе стороны границы.

Наличие государственных границ между странами способствует тому, что на географически близких территориях складываются различные макроэкономические и институциональные условия (различия в уровне цен, заработной платы, условиях работы, налоговых режимах, правовом регулировании и т.д.). Это дает возможность акторам разных уровней использовать границу не как преграду, а как ресурс для выстраивания партнерских отношений, развития и расширения бизнеса, в том числе за счет пространственного арбитража [8].

В рамках анализа приграничного сотрудничества границу принято изучать как особый институт государства, выполняющий ряд важнейших функций, в том числе объединяющий в себе две противоположные функции – барьерности и контактности (рис. 1). Однако с течением времени функции института могут претерпевать некоторые изменения, также может изменяться восприятие института обществом и отдельными акторами. Рассматривая государственную границу России, необходимо отметить, что на протяжении длительного времени граница выполняла преимущественно барьерные функции, обеспечивая национальную безопасность, выступая преградой на пути к нелегальной миграции, и защищая интересы национальных производителей посредством таможенных и визовых барьеров. Поскольку Россия является страной с большим внутренним рынком, для нее не столько типична открытость экономики, как для малых стран, получающих более ощутимые выгоды от внешних связей. Тем не менее, приграничное сотрудничество, безусловно, выгодно и России.

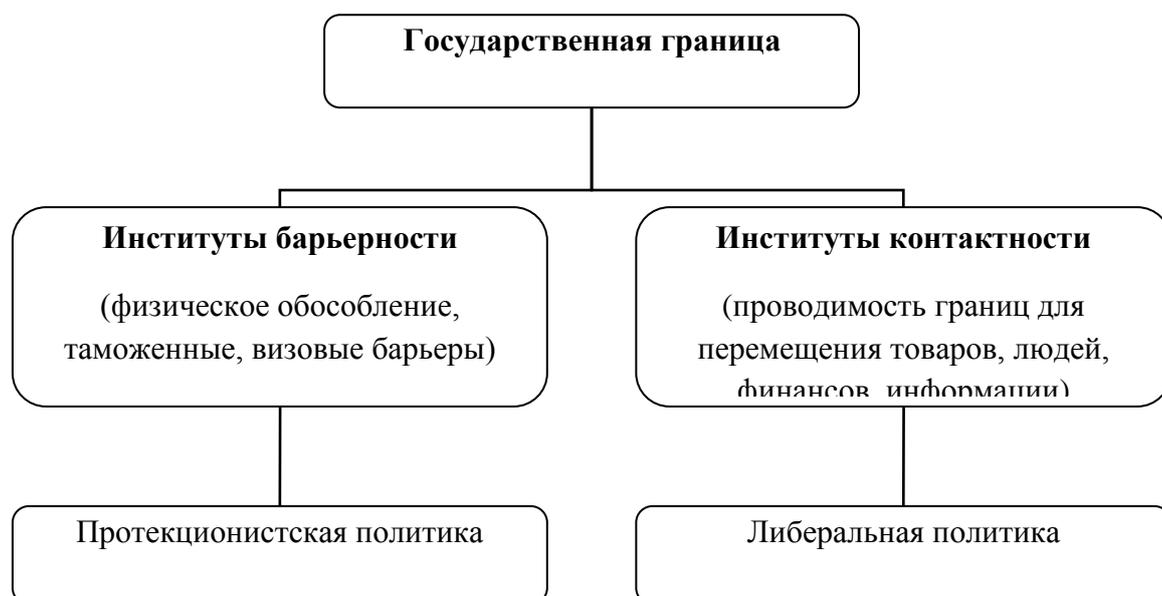

Рис. 1. Государственная граница как институт, сочетающий функции контактности и барьерности.

В целом в силу объективных процессов интернационализации хозяйственной жизни и усиления разносторонних связей между государствами можно отметить, что в современном мире барьерная функция границ постепенно отходит на второй план [2]. Однако некоторые страны до сих пор практикуют политику «возведения барьеров», неся существенные расходы на одностороннее укрепление границы, строительство и содержание пограничной инфраструктуры, что, как правило, связано с угрозой военного вторжения, проникновением террористов и нелегальной миграцией. Примером чему может служить линия разграничения между Северной и Южной Кореей, считающейся самой жестко охраняемой границей в мире, а также граница между Индией и Пакистаном [3, с. 116].

Тем не менее, большинство государств заинтересованы в преобразовании границы из некоего барьера в площадку для коммуникации путем развития институтов контактности. В качестве примера подобных институтов, способствующих развитию приграничного сотрудничества, можно назвать ряд еврорегионов («Карелия», «Балтика»), программы приграничного сотрудничества (ППС ЕИСП «Карелия», «Коларктик», Юго-восточная Финляндия – Россия) [6], создание на границах государств общих природных заповедников (например, международный природный заповедник Пасвик, расположенный по обе стороны государственной границы России и Норвегии; территории, образующие Зеленый пояс Фенноскандии) и ряд других инструментов территориального сотрудничества. Таким образом, проводимость границ играет важную роль в современном мире, поскольку позволяет стране быть включенной в процессы международного экономического и гуманитарного сотрудничества, что в свою очередь способствует её развитию. Так в каждой стране формируются особые механизмы общения с внешним миром, сочетающие элементы либеральной и протекционистской политики [2].

Законодательство страны наряду с такими параметрами, как уровень благосостояния, степень автономности местной и региональной власти, культура, развитость институтов кредитования, конкуренции, страхования, защиты прав собственности, государственной поддержки и рядом других, играют значимую роль при формировании и развитии территориального сотрудничества. Согласно «Практическому руководству по приграничному сотрудничеству» Европейской комиссии [10], можно

выделить три типа сотрудничества между территориями, находящимися под разными юрисдикциями. К данным типам сотрудничества относят:

— приграничное – под ним принято понимать непосредственное добрососедское сотрудничество во всех сферах жизнедеятельности между региональными и/или местными органами власти по обе стороны границы, в которое может быть вовлечен неограниченный круг акторов любого уровня;

— межрегиональное – выраженное в сотрудничестве между региональными и/или местными органами власти преимущественно в отдельных секторах экономики и между ограниченным кругом акторов;

— и трансграничное – заключающееся в сотрудничестве на уровне стран (с возможностью участия регионов) в отдельных сферах на обширных территориях.

Как правило, приграничное сотрудничество имеет наиболее продолжительную историю и длительные традиции, со временем оно может приобретать более институционализированную форму, а также выступать основой для расширения сотрудничества и вовлечения в него новых территорий. Безусловно, наличие определенных общностей в институциональном профиле существенно облегчает развитие приграничного, регионального и трансграничного сотрудничества. Следовательно, вероятность успешного территориального сотрудничества выше в тех регионах и странах, которые более близки с институциональной точки зрения, где акторы не только говорят на одном языке, но также в некоторой мере разделяют культуру, политическую и экономическую среду.

Тем не менее, территориальная отдаленность стран не всегда соответствует их институциональной отдаленности. На практике некоторые группы стран более близки институционально, нежели другие группы стран, расположенные ближе географически. Например, США более схожи институционально с Великобританией и Австралией, чем с Мексикой [11, с.12]. В свою очередь Россия граничит как со странами близкими ей институционально (преимущественно страны бывшего СССР), так и со странами существенно от нее отличающимися (Например, Финляндия, Норвегия). Как правило, сотрудничество в первую очередь, происходит между акторами, близкими друг другу с институциональной точки зрения. Формирование когнитивной составляющей института трансграничного сотрудничества и соответственно некое институциональное сближение происходит по мере увеличения интенсивности партнерства. Более того, создание наднациональных организаций и общих горизонтальных структур (например, практика еврорегионов) можно рассматривать как способ компенсировать институциональную отдаленность акторов по обе стороны границы.

На диаграмме (Рис. 2.) представлено сравнение некоторых институциональных параметров России, Финляндии, Белоруссии и Казахстана на основе данных Глобального индекса инноваций (The Global Innovation Index) [12]. На диаграмме наглядно отображено, как различалась степень развития некоторых институтов. При этом институциональная дистанция между Россией и Финляндией по оцениваемым параметрам представляется достаточно значимой, в то время как Россия, Белоруссия и Казахстан очень близки институционально (в том числе относятся к одному типу институциональных матриц (X-матрица) согласно С. Г. Кирдиной) [4, с. 71–72]. Подобные различия, безусловно, отражаются на характере сотрудничества между странами и приграничными территориями.

Рис. 2. Сравнение стран по отдельным институциональным параметрам на основе Глобального индекса инноваций (2015 г.).

Несмотря на многообразие условий развития приграничных районов России, их сотрудничество со смежными районами соседних стран строится преимущественно на традиционной основе, а именно, на использовании различий в уровнях и соотношениях цен на товары потребительского и производственного назначения. Беларусь, например, подходит к сотрудничеству с Россией преимущественно с позиций наращивания экспорта. Экономический эффект этой модели связан с расширением рынка сбыта для одних и получением более дешевых товаров и услуг для других [7, с. 86].

Что касается сотрудничества со странами ЕС, в первую очередь с Финляндией (У-матрица), то оно представляет собой более зрелую стадию приграничного и межрегионального сотрудничества, в том числе благодаря участию обеих сторон в формировании еврорегиона «Карелия». В данном направлении характерно широкое участие в приграничном сотрудничестве органов власти субъектов РФ и местного самоуправления на основе договоров с аналогичными территориальными подразделениями Финляндии. Сферой сотрудничества является не только торговля, но и образование, культура, экология, туризм, лесная промышленность, информация, новые технологии. При этом программы приграничного сотрудничества направлены на то, чтобы сделать данное пространство привлекательным для жизни людей и ведения бизнеса [9, с. 9]. Однако на практике огромная разница в институциональных системах выступает основной преградой для полноценного и эффективного воплощения всех направлений сотрудничества.

Как отмечают Т.В. Морозова и Г.Б. Козырева, идеология трансграничных регионов между Россией и странами, относящимися к противоположному типу институциональных матриц пока слабо реализуема в силу того, что «системы с разными институциональными матрицами не смогут в обозримом будущем выстроить единой системы мотивации и консенсуса интересов для представителей двух сторон» [5, с. 178]. Тем не менее, трансграничное сотрудничество в целом оказывает положительное влияние на состояние институциональной среды регионов. В случае Карелии подтверждение подобных позитивных тенденций было отмечено в исследовании ученых Петрозаводского государственного университета и Института экономики Карельского научного центра Российской академии наук в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы [1, с.100].

Таким образом, в новых геополитических условиях, в ситуации обострения международных отношений и санкций для России особо актуальным становится нахождение баланса между барьерностью и контактностью границы, позволяющего развиваться приграничным регионам и плодотворно сотрудничать, перенося данные практики не только на региональный уровень, но и на национальный.

Литература

1. Акулов В.Б. Качество институциональной среды и конкурентоспособность экономики севера // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2012. – №3. – С. 98–100.
2. Вардомский Л.Б. Приграничное сотрудничество в России: современные особенности и тенденции развития [Электронный ресурс] – URL: <http://archive.mid.ru/bdomp/sbor.nsf/fe3845c0f6d9b35443256c8a004e8835/13fbda5c2f193a6f43256c8a0047bc78!OpenDocument> (дата обращения 07.05.2016).
3. Голунов С. Пограничная безопасность: зарубежный опыт. Модели взаимоотношений сопредельных государств // Космополис. – 2008. – №2 (21). – С. 115–129.
4. Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию. 3-е изд., перераб., расш., иллюстр. – СПб: Нестор-История, 2014. – 468 с.
5. Морозова Т.В., Козырева Г. Б. Институциональные особенности приграничных регионов // Особенности социально-экономического развития и модернизации приграничного региона / под общей ред. Ю.В. Савельева, О.В. Толстогузова. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2015. – 490 с.
6. Приграничное сотрудничество в рамках Европейского Инструмента Соседства и Партнерства [Электронный ресурс] // Представительство Европейского Союза в России. – URL: http://eeas.europa.eu/delegations/russia/eu_russia/tech_financial_cooperation/cbc_enpi/index_ru.htm (дата обращения 30.04.2016).
7. Приграничное сотрудничество регионов России, Беларуси и Украины: состояние и перспективы / А.М. Анисимов, С.Л. Баринов, Л.Б. Вардомский и др. // Практика интеграции ЕЭИ – 2013. – №4 (21). – С. 77–96.
8. Cross-border cooperation – benefiting from borders [Электронный ресурс] // Association of European border regions. – URL: http://www.aebr.eu/files/publications/CBC_Benefiting_from_Borders.pdf (дата обращения 07.05.2016).
9. Karelia CBC. Join Operational Programme 2014–2020 [Электронный ресурс] – URL: http://www.enicbc.fi/wp-content/uploads/2014/02/JOP-Karelia-CBC-17_12.pdf (дата обращения 15.05.2016).
10. Practical guide to cross-border cooperation [Электронный ресурс] // Association of European border regions. – URL: http://www.aebr.eu/files/publications/lace_guide.en.pdf (дата обращения 15.05.2016).
11. Salomon R. Global vision: How companies can overcome the pitfalls of globalization. – New York: Palgrave MacMillan, 2016. – 219 p.
12. The global innovation index [Электронный ресурс] – URL: <https://www.globalinnovationindex.org/content/page/interactive-Comparision/> (дата обращения 15.05.2016).

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ КАРНЦ РАН

Т.В. Морозова, А.В.Васильева

Институт экономики КарНЦ РАН (ИЭ КарНЦ РАН)

В документах стратегического развития российской науки большое внимание уделяется развитию международного сотрудничества^{6 7 8}. Это необходимое условие для поддержания престижа в мировом научном сообществе, интеграции в международные научные сети и научного обмена. Международное сотрудничество открывает перед исследователями новые возможности для научно-технической кооперации и осуществления междисциплинарных и крупных научных проектов, способствует росту интернационализации науки и научных знаний в целом.

Можно выделить различные уровни международного научного сотрудничества: уровень международных и межправительственных организаций, уровень национальных академий наук, в рамках крупных международных программ, между научными организациями и напрямую между учеными.

Институт экономики Карельского научного центра РАН (Институт экономики) на протяжении многих лет сотрудничает с зарубежными научными организациями и имеет опыт работы по международным программам и проектам. Целью деятельности Института экономики является проведение фундаментальных, поисковых и прикладных научных исследований, направленных на получение новых знаний в области экономики и смежных общественных дисциплин; выполнение прикладных исследований и экспертных работ по вопросам региональной и пространственной экономики, стратегического и территориального управления и планирования, социально-экономического развития территорий и региональной политики, развития муниципальных образований⁹. Для достижения этой общей цели в Институте экономики ведется работа, в том числе и по основным направлениям международной деятельности:

- выполнение совместных международных научных проектов;
- представление научных докладов на международных и зарубежных научных мероприятиях (конференции, семинары, школы);
- подготовка публикаций в международные и зарубежные журналы, научные монографии, материалы конференций;
- организация научных стажировок и обменов.

Рассмотрим эти направления более подробно. В целях представления, обсуждения и популяризации научных результатов исследователи Института экономики активно участвуют в научно-организационных мероприятиях за рубежом. Это подтверждают показатели международной академической мобильности за период с 2000 по 2015 (рис 1.). Форматы участия в мероприятиях различны: конференции, симпозиумы, форумы, круглые столы, рабочие встречи, семинары и обучающие поездки.

За указанный период в Институте экономики также велась работа по организации визитов зарубежных делегаций и отдельных иностранных специалистов (рис. 2.). В большинстве случаев эти визиты совмещались с участием в научных мероприятиях

6 Федеральный закон от 23.08.1996 N 127-ФЗ (ред. от 23.05.2016) «О науке и государственной научно-технической политике», ст. Статья 11. Основные цели и принципы государственной научно-технической политики, Статья 16. Международное научное и научно-техническое сотрудничество Российской Федерации,

⁷ Устав Российской академии наук, УТВЕРЖДЕН постановлением Правительства Российской Федерации от 19 ноября 2007 г. № 785

⁸ Государственная программа Российской Федерации "Развитие науки и технологий" на 2013- 2020 годы и её Подпрограмма 5 "Международное сотрудничество в сфере науки"

⁹ Устав ИЭ КарНЦ РАН

Института экономики. При этом пики активности по этим показателям, как правило, связаны с периодами запуска крупных международных программ.

Рис. 1. Выезды сотрудников ИЭ КарНЦ РАН за рубеж за период с 2000 по 2015 гг.

Рис. 2. Визиты иностранных специалистов в ИЭ КарНЦ РАН за период с 2000 по 2015 гг.

Реализация совместных международных научных проектов происходит в тех областях, которые представляют взаимный интерес для сотрудничающих сторон. В настоящее время основные предметные области международных проектов Института экономики этапа следующие: социально-экономическое развитие (35,9 % от всех проектов), природопользование и туризм (28,2 %), социальная сфера (25,6%), граница и ее влияние на развитие приграничных регионов (10,3%).

Партнерами Института экономики в ходе реализации международных проектов выступают как зарубежные, так и российские организации. География зарубежных партнерских связей Института экономики охватывает следующие страны: Республика Беларусь, Киргизская Республика, Украина, Германия, Дания, Литва, Норвегия, Польша, США, Финляндия, Швеция, Эстония. Традиционно большая часть международных взаимодействий осуществляется с организациями соседней Финляндии. Среди финляндских организаций-партнеров Университеты Восточной Финляндии (Карельский институт), г. Оулу, г. Тампере, Лапландский университет, Университет Аалто, Университет прикладных наук «Карелия», Центр экономического развития, транспорта и окружающей среды Северной Карелии, Агентство регионального развития г. Йоэнсуу

(«Йосек»), Институт леса «Метла» (в составе Института природных ресурсов Финляндии) и др. Также международные проекты реализуются в партнерстве с российскими организациями (наука, управление и власть, бизнес-сообщество, социальные службы, общественные организации и т.п.): Институт социально-экономического прогнозирования народонаселения РАН (г. Москва), Институт социально-экономического развития территорий РАН (г. Вологда), НП «Север-Центр» (г. Петрозаводск), Леонтьевский центр (СПб) и др.

Институт экономики имеет опыт работы в междисциплинарных интеграционных международных проектах. Эти проекты главным образом реализуются совместно институтами Карельского научного центра РАН (Институт биологии, Институт геологии, Институт леса, Институт водных проблем Севера). Это особенно актуально на современном этапе формирования новых моделей научных организаций в российской науке.

В основном международные проекты Института экономики реализуются при финансовой поддержке международных программ (Интеррег, Тасис, Добрососедство, Программы Приграничного Сотрудничества «Карелия») и организаций (Совет Министров Северных стран, НКО Promundo, Шведское агентство по международному развитию и сотрудничеству и др.). Международные проекты также финансируются из российских и зарубежных научных фондов. Это в основном проекты, получившие гранты в совместных конкурсах РФФИ и РГНФ с зарубежными финансирующими организациями (РГНФ - Академия Финляндии, РФФИ - Государственный фонд развития академической и вузовской науки при Национальной академии наук Киргизской Республики, и др.), а также межакадемические проекты по безвалютному обмену в рамках Соглашений РАН с зарубежными Академиями (с Академиями Финляндии, НАН Белоруси).

Примером двухстороннего международного проекта, выполненного по гранту РГНФ и Академии Финляндии, является проект «Влияние изменения климата на экономику российских регионов». Проект выполнялся в Институте экономики в период с 2012 по 2014 год под научным руководством д.э.н. П.В. Дружинина. В рамках проекта исследовалась зависимость урожайности выращиваемых в регионах России культур от различных факторов, включая климатические характеристики. На основе анализа данных были разработаны модели, основу которых составляют регрессионные уравнения, в которых урожайность по регионам рассматривается в зависимости от выделенных факторов: агроклиматических, агротехнических, состояния почвы, социально-экономических характеристик, особенностей культуры, уровня менеджмента и технологического уровня. Показано, что для разных культур динамику урожайности определяют разные факторы, а межрегиональные различия по одной культуре невелики. Для зерновых показано определяющее влияние таких факторов, как технологический уровень, уровень менеджмента и значимость климатических характеристик. Для картофеля показано определяющее влияние климатических характеристик. Для овощей показано определяющее влияние технологического уровня и климатических характеристик.

В отдельную группу можно выделить международные проекты, реализованные по программе приграничного сотрудничества Карелия. Исследования, выполняемые в рамках этих проектов специалистами Института экономики, преимущественно междисциплинарные и направленные на решение прикладных задач. Так в 2013 и 2014 годах творческой группой сотрудников Института экономики выполнялось социологическое исследование «Оценка уровня (качество, доступность, потребность) оказания низкопороговых социальных услуг с учетом категорий населения в отдаленных поселениях Республики Карелия» в рамках проекта «Социальные услуги по обе стороны границ», финансируемого Программой приграничного сотрудничества Карелия.

Результаты исследования были дополнены анализом российских и зарубежных правовых документов, публикаций по проблеме социального обслуживания, а также доступных статистических данных и информации муниципальных бюджетных учреждений - комплексных центров социального обслуживания населения. На основании результатов исследования авторами составлены рекомендации по формированию безбарьерной среды через развитие системы низкопороговых социальных услуг, остро востребованных для жителей отдаленных поселений. Результаты исследования представляются особенно актуальными в связи с реализацией Федерального закон «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» № 442-ФЗ.

Представленные выше проекты являются примером актуальных поисковых и прикладных научных исследований проводимых в рамках международных проектов. Однако существует ряд проблем в осуществлении международной деятельности Института экономики, которые не позволяют достигать более высоких показателей в научно-организационной деятельности (например, зарубежные публикации, привлечение зарубежного финансирования и пр.). К основным ограничениям можно отнести следующие:

- недостаток человеческих ресурсов для поиска финансирования и подготовки заявок;
- недостаточное финансирование международной деятельности (приемы, выезды и пр.),
- отсутствие российского софинансирования в проектах;
- административные и бюрократические барьеры и правовые ограничения, связанные с организационно-правовой формой Института экономики;
- слабое использование новых форм международной деятельности (совместные лаборатории, научные платформы, экспертные пулы);
- внутренние социально-экономические и внешние геополитические риски.

Пути решения этих сложностей может стать более активное привлечение молодых сотрудников и аспирантов Института экономики к международной деятельности, более активное привлечение российского финансирования (РФФИ, РГНФ, РАН, Правительство РК и др.), расширение круга российских партнеров, развитие научно-вспомогательных и консалтинговых структур при учредительстве Института экономики и содействие внедрению новых форм международной деятельности.

На основании вышеизложенного, и в целях дальнейшего развития международного сотрудничества можно сформулировать следующие задачи и перспективные направления для Института экономики:

- Развитие сложившихся связей в рамках изучения «старых» и «новых» социально-экономических проблем, обусловленных новыми внутренними и внешними социально-экономическими вызовами.
- Развитие «многоступенчатых» устойчивых партнерств, включающих последовательные блоки видов научной и организационной совместной деятельности (предпроектная деятельность, исследовательские проекты, научные публикации в международных изданиях, презентации результатов на научных конференциях и т.д.).
- Формирование различных форм дискуссионных площадок (в том числе интерактивных) для обмена мнениями по методологическим и методическим проблемам, позволяющих формировать единую языковую и коммуникативную научную среду как необходимый предпроектный этап совместной деятельности.
- Активное использование существующих и новых институциональных форм поддержки совместной исследовательской, научно-прикладной и научно-организационной деятельности.

- - Распространение информации и отслеживание результатов реализованных совместных проектов среди основных социальных и экономических групп, интересы которых попали в поле научного анализа с целью усиления позитивных двусторонних эффектов международной исследовательской деятельности на развитие приграничных сообществ.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ И ФИНЛЯНДИИ

Морошкина М.В.

Институт экономики КарНЦ РАН (ИЭ КарНЦ РАН)

В настоящее время система международных экономических отношений претерпевает существенные изменения, что обусловлено трансформацией экономических процессов мировой экономики. Значительным образом, происходящие в мировом сообществе перемены, оказывают влияние на глобализацию и интернационализацию национальных экономик, а также на обострение противоречий, которые сказываются на различных хозяйственных уровнях.

Заметную роль в международных отношениях играет сотрудничество в сопредельных регионах. Развитие экономических связей с территориями других национальных экономик определяет уровень внешнеэкономического сотрудничества, кооперации и международной экономической интеграции. В этом отношении наиболее репрезентативным является Финляндия, с которой Россия всегда поддерживала дружественные отношения. Его правовая основа – заключенное в 1992 году межправительственное Соглашение о сотрудничестве в Мурманской области, Республике Карелия, Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Российско-финляндская граница – одна из наиболее активно действующих зон внешнеэкономического взаимодействия.

Основной целью исследования является проведение анализа развития приграничных территорий двух соседних государств (Россия и Финляндия). В рамках поставленной цели объектом исследования являются приграничные регионы, а соответственно предметом исследования процесс социально-экономического развития данных территорий [1]. Таким образом, поставленная цель исследования предполагает решение ряда исследовательских задач, которые будут рассмотрены в результате проведенного исследования:

- исследование динамики развития приграничных территорий России;
- исследование динамики развития приграничных территорий Финляндии;
- определение значимых показателей, которые определяют уровень социально-экономического развития исследуемых территорий;
- исследование межрегиональной дифференциации приграничных территорий, выявление ее причин;
- определение специфических и однородных показателей развития приграничных регионов;
- формирование направлений для регионального развития и трансграничного сотрудничества исследуемых территорий.

В рамках данного исследования проведен анализ и оценка ряда экономических и социальных показателей развития регионов различных государств с разной экономической политикой. Особое внимание уделяется периоду введения санкции в отношении России, и исследованию изменения основных процессов в региональном развитии [2].

Информационная база исследования включает данные статистических ведомств РФ и Финляндии, а также статистические данные, опубликованные в отечественных и зарубежных изданиях и представленные на Интернет сайтах.

Финляндия и Россия являются партнерами в области внешнеэкономического сотрудничества. Уровень развития стран различается по ряду направлений, однако есть и точки соприкосновения такие как: взаимная торговля, инвестиции, валютно-кредитная сфера, военно-техническое сотрудничество. Вступление Финляндии в ЕС изменило сотрудничество двух стран, трансформируя основные экономические приоритеты. С

одной стороны, изменились финские национальные и экономические интересы, которые складывались на протяжении определенного периода. С другой стороны интересы всего Европейского союза, которые накладывают ряд ограничений на российский экспорт в Финляндию. Таким образом, трансформировался статус экономических отношений между двумя государствами, до вступления Финляндии в ЕС уровень экономических отношений можно было рассматривать как внешнеэкономическое сотрудничество между двумя соседними государствами. На сегодняшний момент процесс экономического взаимодействия можно рассматривать как сотрудничество между Россией и Финляндией – страной членом ЕС.

Таблица 1

Рейтинг конкурентоспособности

Страны	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Финляндия	6	6	7	3	3	3	4	8
Россия	51	63	63	66	67	64	53	45

Экономика России и Финляндии сильно отличается по значительным показателям, процессам и признакам. Всемирный экономический форум определяет национальную конкурентоспособность отдельной национальной экономики, как способность страны и ее институтов обеспечивать стабильные темпы экономического роста, которые были бы устойчивы в среднесрочной перспективе

Таблица 2

Сравнительный анализ приграничных регионов России и Финляндии по численности населения (Численность ..., 2013, Statistical...2013)

Финляндия			Россия	
Регионы Финляндии	Население на 31.12.2013	Население на 31.12.2013	Численность населения	Регионы России
Uusimaa – Nyland	1 585 473	1 766 318	1764000	Ленинградская область
Kyumenlaakso – Kymmenedalen	180 845			
Etelä-Karjala – Södra Karelen – South Karelia	132 252	780 959	634 000	Республика Карелия
Pohjois-Karjala – Norra Karelen – North Karelia	165 445			
Kainuu – Kajanaland	79 975			
Pohjois-Pohjanmaa – Norra Österbotten –North Ostrobothnia	403 287			
Lappi – Lappland – Lapland	182 514	182 844	771 000	Мурманская область

Индекс глобальной конкурентоспособности (The Global Competitiveness Index) — это глобальное исследование и сопровождающий его рейтинг стран мира по показателю экономической конкурентоспособности. Рассчитан по методике Всемирного экономического форума World Economic Forum [3].

В условиях глобализации и интеграционных процессов экономики регионы, также как и государства, становятся полноценными субъектами не только межрегиональных, но и международных экономических отношений. Они находятся в состоянии жесткой

конкурентной борьбы за рынки сбыта и капитал и т.д. В рамках такой экономической политики большое значение имеет географическое расположение регионов, уровень внешнеэкономических связей, наличие в регионе ресурсов для развития. Выгодное геополитическое положение территорий является основой для развития внешнеэкономических отношений, что позволяет компенсировать их удаленность от основных экономических центров страны и дает потенциал для экономического роста. Особое положение в данном контексте приобретают приграничные регионы. С одной стороны могут быть представлены как потенциальные «точки роста», имеющие перспективы и условия для развития, которые определяются возможностями трансграничного сотрудничества. С другой стороны, данные территории обладают рядом проблем связанных с высокой затратоемкостью производства и низкой рентабельностью предприятий в результате их территориальной удаленности от экономически развитых регионов.

В результате исследование развития приграничных территорий разных государств позволит оценить влияние ряда экономических процессов и факторов, таких как процессы интеграции и глобализации, факторы политического геополитического свойства и многих других. Приграничные территории Северо-Западного федерального округа и Финляндии, рассматриваются в данной статье в качестве объектов исследования.

Исследование качественных и количественных показателей развития исследуемых государств, определяется ресурсным потенциалом и прежде всего, зависит от динамики общей численности населения.

Исследование экономических и социальных показателей по приграничным регионам России и Финляндии проводится по зонам приграничья. Таким образом, рассматривается три зоны приграничья:

Зона 1 – Лапландия, Мурманская область;

Зона 2 – Похьойс-Похьянмаа, Кайнуу, Похьойс-Карьяла, Этеля Карьяла, Карелия;

Зона 3 – Уусимаа, Куменлааксо, Ленинградская область.

Следующим аспектом характеризующим, территориальное развитие приграничных регионов являются показатели, связанные с производственной деятельностью. Трудовые ресурсы представляют собой часть населения страны, которая занята в экономике или не занята, но способна к труду по возрасту и состоянию здоровья.

Выделяются следующие аспекты изучения трудовых ресурсов:

- показатели состава и численности трудовых ресурсов;
- абсолютные показатели, характеризующие рынок труда;
- относительные показатели, характеризующие рынок труда

На основании результатов был построен график, который позволяет проанализировать динамику изменения численности экономически активного населения (рис.1).

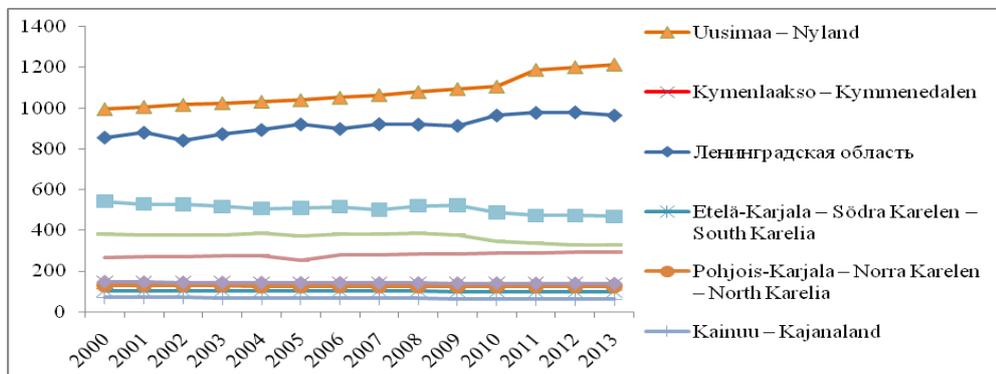

Рис.1 Численность экономически активного населения (по данным выборочных обследований населения по проблемам занятости; тысяч человек)

В составе экономически активного населения выделяют категории населения, занятого экономической деятельностью, и категорию безработного населения. В рамках проведенного анализа выделяется 3 группы регионов, которые показывают различную динамику показателя численности экономически активного населения. Наиболее высокий уровень данный показатель наблюдается в Итя-Уусимаа (Uusimaa – Nyland) и Ленинградской области, что объясняется объемным рынком рабочей силы, который локализуется в городах мегаполисах или поблизости.

Уровень **безработицы Финляндии** по итогам 2013 г. вырос с 7,7% (в 2012 г.) до 8,2%. Это связано с тем, что в условиях рецессии многие ведущие компании были вынуждены сокращать число сотрудников. В 2013 г. количество занятого трудоспособного населения сократилось до 68,5% (в 2012 г. – 69,0%).

В отношении приграничных регионов можно предположить, что уровень безработицы в целом будет соответствовать среднесоюзному уровню, однако на данный показатель определенное влияние будет оказывать динамика показателя сопредельного государства. В нашем случае, приграничные регионы Финляндии оказываются под влиянием экономических процессов, происходящих в Российской экономике, и наоборот (см. таблица 4).

Таблица 3

Уровень безработицы (в процентах)

Регионы	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Uusimaa – Nyland	6,3	5,4	5,8	6,5	6,6	6,2	5,5	5,2	4,9	6,2	6,3	5,8	6,3	6,7
Kymenlaakso – Kymmenedalen	12,2	9,5	10,1	10	9,1	8,7	9,1	7	7,7	7,9	11	10,6	7,5	9,4
Ленинградская область	9,6	6,9	7	8,7	6,8	7,2	5,9	4	6	7,2	5,2	4,3	3,2	4,3
Etelä-Karjala – Södra Karelen – South Karelia	10,3	9,3	11,4	9,3	9,4	9,6	9,3	8,7	6,6	10,7	10,1	9,7	6,8	7,9
Pohjois-Karjala – Norra Karelen – North Karelia	15,1	14,8	15,5	15,1	14,5	13,1	10,4	12,5	10,7	13	12,5	12,3	11,7	12,5
Kainuu – Kajanaland	19,4	17,7	16,5	17	17,5	16,6	17,1	15,7	11,2	9,3	9	8,3	11,4	11,5
Pohjois-Pohjanmaa – Norra Österbotten – North Ostrobothnia	11,7	12	13	11,5	10,5	10,3	9,8	8,2	8,3	10	10,2	8,7	9,6	9,9
Республика Карелия	11,3	8,7	7,9	8,4	7,3	8,8	3,6	6,2	8,4	10	9,3	8,4	7	8,2
Lappi – Lapland – Lapland	17,6	16,3	16,2	15,6	12,9	14	12,4	10,9	9,9	11,6	11,3	10,2	10,4	10,5
Мурманская область	13,4	12,8	10,2	10,2	11	8,7	6,7	6,5	7	7,6	8,6	8,6	7,7	7,2

Ленинградская область показывает низкий уровень безработицы, данный факт скорее связан с близким расположением крупного ранка мегаполиса Санкт-Петербурга. В целом российские приграничные регионы показывают более высокий уровень безработицы, чем в целом по России. Данный процесс может быть связан с удаленностью данных территорий от основных рынков страны, что приводит к сужению производственной структуры и наличие границы не обеспечивает снижение уровня безработицы в рамках исследуемых территорий.

В результате исследование основных социально-экономических показателей развития приграничных позволят составить общую картину социально-экономического развития трансграничных регионов в динамике, что в дальнейшем поможет выявлять и прогнозировать возможные направления для социально-экономической политики, проводимой государством.

Литература

1. Орлова Д., Котилко В. Проблемы безопасности экономики России и стран содружества // Экономист 1997, №7, с 74
2. Корчагин Ю.А. К 72 Современная экономика России / Ю.А. Корчагин. – 2-е изд., доп. и перераб. - Ростов н/Д.: Феникс, 2008.– 670 с. – (Высшее образование).
3. Индекс глобальной конкурентоспособности\\ http://gtmarket.ru/ratings/global-competitiveness-index/info_12/02/2016
4. The Global Competitiveness Report 2013–2014: Full Data Edition is published by the World Economic Forum within the framework of The Global Competitiveness and Benchmarking Network. World Economic Forum Geneva Рейтинг стран и территорий по размеру валового национального дохода на душу населения
<http://www.weforum.org/search?utf8=%E2%9C%93&query=GCI+2004&cx=005374784487575532108%3Azwr8u4lxoba&cof=FORID%3A11&op.x=0&op.y=0&op=Search>
5. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2013 году: Стат.сб./Росстат. М., 2013. – 150 с.
6. Statistical Yearbook of Finland 2013 Painopaikka – Tryckeri – Printed by: Edita Prima Oy, Helsinki 2013 – 400 p.
7. Валовой региональный продукт // Официальный сайт Росстата URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/ Дата обращения [02.09.2015]
8. Российский статистический ежегодник. 2012: Стат.сб./Росстат. М., 2012. – 786 с.
9. Регионы России. Социально-экономические показатели, том 2, 2013: Стат. сб. / Гокомстат. – М., 2013. – 344

ИНВЕСТИЦИОННЫЙ КЛИМАТ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ ЛАТВИИ, ЛИТВЫ, БЕЛАРУСИ

А.В. Охотина

*Даугавпилский Университет, Институт гуманитарных и социальных наук,
Центр социальных исследований*

В последние десятилетия в региональной экономике возрос интерес к проблематике географической лимологии, т.е. приграничному сотрудничеству регионов, в научный оборот введено понятие «приграничность». Как свидетельствует теория и практика, увеличение объема прямых иностранных инвестиций является значимым фактором роста экономики и создания рабочих мест. Следовательно, и мониторинг инвестиционного климата является весомым фактором, обуславливающим благосостояние и развитие территориальной системы. Целью статьи является изучение инвестиционного климата приграничных регионов Латвии (Латгальский регион), Литвы (Вильнюсский регион, Алитусский регион, Утенский регион, Паневежисский регион, Каунасский регион), Беларуси (Витебская область, Гродненская область, Минская область, Могилевская область, город Минск). Эмпирической базой исследования является опрос представителей малого и среднего бизнеса в рамках проекта «Создание единой системы поддержки предпринимательства и установление деловых контактов для устойчивого трансграничного сотрудничества Латвии, Литвы и Беларуси», финансируемого программой трансграничного сотрудничества Латвия-Литва-Беларусь «Европейский инструмент добрососедства и партнерства 2007-2013 гг.»

Ключевые слова: приграничное сотрудничество, инвестиционный климат, инвестиционный потенциал, инвестиционный риск.

Investment climate of Latvia, Lithuania and Belarus cross border regions

In the last decades of the academic realm, including regional economics, there has been an increased interest in geographic limology, i.e. region cross-border cooperation, the concept of «borderness» is used. As theory and practice testify, the increase in the volume of direct foreign investments is a significant factor of the economic growth and job creation. Therefore, monitoring of the investment climate is also a significant factor which determines the state's welfare and its development. The purpose of the article is to study the investment climate in cross-border regions in Latvia (Latgale region), Lithuania (Vilnius county, Alytus county, Utena county, Panevezys county, Kaunas county), and Belarus (Vitebsk oblast, Grodno oblast, Minsk oblast, Mogilev oblast). Empirical base of research is the survey of the representatives of small and medium-sized businesses carried out within the framework of the project "The Establishment of the United Entrepreneurship Support and Networking System for the Sustainable Latvia, Lithuania and Belarus Cross Border Cooperation" funded by the programme of Latvia-Lithuania-Belarus cross border cooperation "European Neighbourhood and Partnership Instrument 2007-2013".

Key terms: cross-border cooperation, investment climate, investment potential, investment risk

Начиная со второй половины XX века, важным направлением международной регионализации становится трансграничное и приграничное сотрудничество. В последние десятилетия в региональной экономике возрос интерес к проблематике географической лимологии, т.е. приграничному сотрудничеству регионов [Охотина, 2015]. В современной академической литературе изучается влияние пространственных факторов на экономическое развитие [Нартов, 2009; Пилясов, 2011]. В научный оборот введено понятие «приграничность», под которым понимается предрасположенность региона

какой-либо страны к трансграничному экономическому взаимодействию с сопредельными странами [Колесников, 2012].

Результаты исследования теории и практики изучения приграничного сотрудничества, в том числе в приграничных регионах Латвии, Литвы, Беларуси, позволяют утверждать, что приграничное сотрудничество может быть использовано приграничными регионами, находящимися на периферийных территориях своих стран, как конкурентное преимущество в достижении более высоких темпов развития по сравнению с центральными регионами [Ванкевич, 2007; Žitkus, 2009]. Приграничное сотрудничество является значимым фактором национальной безопасности страны [Makštutis, 2009], а также интеграционных процессов для формирования эффективной социально-экономической политики [Шишкин, 2013]. В этом контексте изучение инвестиционного климата приграничных регионов приобретает в настоящее время очень важное значение для привлечения иностранных инвестиций, увеличения конкурентоспособности приграничных территорий, их устойчивого развития и повышения уровня жизни местного населения.

Если рассматривать инвестиционный климат со стороны потенциального инвестора, то многие исследователи определяют его как совокупность условий (факторов), влияющих на желание инвестора осуществить вложения [Perry, 2015]. Сторонники рискованного подхода рассматривают инвестиционный климат как две составляющие – инвестиционный потенциал и инвестиционные риски. Инвестиционный потенциал оценивается на основе макроэкономических характеристик, а инвестиционные риски – с позиции вероятности потерь инвестиционного дохода. Инвестиционный потенциал региона включает частные потенциалы: производственный, трудовой, потребительский, инфраструктурный, финансовый, институциональный, инновационный, природно-ресурсный, туристический. А инвестиционный риск включает в себя такие частные риски: законодательный, политический, социальный, экономический, экологический, криминальный, финансовый. Общий инвестиционный потенциал и риски региона определяются как усредненное значение частных показателей [Зимин, 2013; Андрианов, 2007; Обухова, Машкина 2014]. В данном исследовании автор также использует данный подход для понимания инвестиционного климата.

Эмпирической базой для изучения инвестиционного климата приграничных регионов Латвии (Латгальский регион), Литвы (Вильнюсский регион, Алитусский регион, Утенский регион, Паневежисский регион, Каунасский регион), Беларуси (Витебская область, Гродненская область, Минская область, Могилевская область, город Минск) являются данные опроса представителей малого и среднего бизнеса в рамках проекта **«Создание единой системы поддержки предпринимательства и установление деловых контактов для устойчивого трансграничного сотрудничества Латвии, Литвы и Беларуси»**. В процессе работы над базой в программе SPSS данные опроса подверглись взвешиванию по основным направлениям стратификации – количество (микро, малых, средних) предприятий по всем видам деятельности в приграничных регионах Латвии, Литвы, Беларуси. В результате чего отклонения параметров выборки от параметров генеральной совокупности составили менее чем 2.5%. Всего было опрошено 600 предприятий малого и среднего бизнеса в исследуемых регионах.

Как показывают результаты оценок руководителями предприятий, во всех регионах интегральный (обобщенный) инвестиционный потенциал, рассчитанный как среднее значение по всем видам потенциала, был оценен в диапазоне среднего значения, и ни в одном из регионов не оценен как низкий или высокий. Минимальное значение в Минском и Латгальском регионах составило 4.6 балла, максимальное в Вильнюсском регионе – 6.8, далее следуют Каунасский – 6.2 Гродненский – 6.1, Могилевский – 5.7, Минск – 5.5, Утенский – 5.4, Алитусский – 5.2, Витебский – 4.8 и Паневежисский регион – 4.7.

Аналогично оценен интегральный инвестиционный риск, рассчитанный как среднее значение по всем видам рисков. Наиболее рисковая ситуация преобладает в Могилевском регионе – 4.2 балла, Латгальском – 4.8, Минске и Витебском регионе – 4.9. Ниже среднего по инвестиционным рискам следуют регионы: Гродненский – 5.1, Минский – 5.6. Наименее значимые риски в Паневежисском – 6.4, Утенском – 6.5, Вильнюсском – 6.8, Каунасском – 7.0, Алитусском регионах – 7.7(Рис.1).

Далее в соответствии с соотношением величины интегрального инвестиционного риска и величиной совокупного инвестиционного потенциала предложена следующая типология инвестиционного климата регионов:

- 1) инвестиционный потенциал региона выше среднего, а инвестиционный риск ниже среднего – благоприятный инвестиционный климат;
- 2) инвестиционный потенциал региона ниже среднего и инвестиционный риск ниже среднего – инвестиционный климат с достаточно низким потенциалом, но без высоких рисков;
- 3) инвестиционный потенциал региона выше среднего и инвестиционный риск выше среднего – инвестиционный климат с достаточно высоким потенциалом, но с присутствием рисков;
- 4) инвестиционный потенциал региона ниже среднего, а инвестиционный риск выше среднего – неблагоприятный инвестиционный климат.

Далее в соответствии с расчетами автора была проведена следующая типологизация исследуемых регионов.

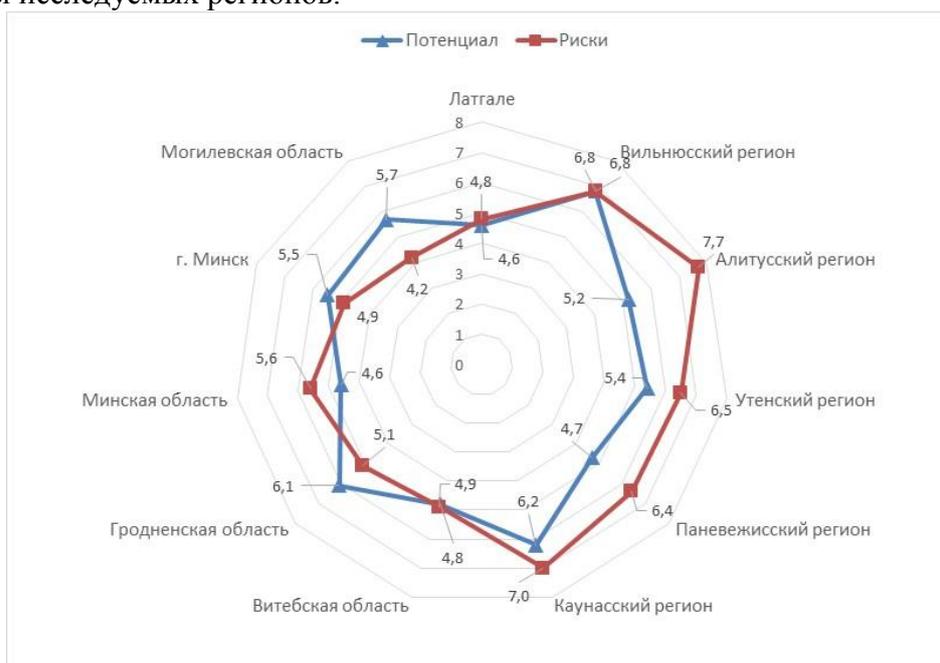

Рис. 1. Оценка инвестиционного потенциала и инвестиционной безрисковости по приграничным регионам*

Источник: расчеты автора по данным опроса предприятий 2014 года в проекте «Создание единой системы поддержки предпринимательства и установление деловых контактов для устойчивого трансграничного сотрудничества Латвии, Литвы и Беларуси»

* инвестиционный потенциал: 1 – низкий потенциал, 10 – высокий потенциал; инвестиционный риск: 1 – высокий риск, 10 – низкий риск

Группа 1. Данная группа характеризует инвестиционные возможности, оптимальные условия инвестирования при рисках ниже среднего значения. В этой группе оказались 5 регионов: Вильнюсский регион, Алитусский регион, Утенский регион, Каунасский регион, Гродненская область. Данные регионы предлагают инвесторам хорошие возможности при рисках ниже среднего, что дает возможность рассматривать данные регионы в качестве потенциальных полюсов роста.

Группа 2. Регионы с потенциалом чуть ниже среднего, риск выше среднего. К этой группе относятся Паневежисский регион и Минская область. Попадание в эту группу может быть обусловлено двумя основными причинами – снижение некогда более высокого потенциала, например, в результате финансового кризиса или других факторов, или же эти регионы изначально были с низким уровнем потенциала. Данные регионы могут быть интересны консервативным инвесторам, которых привлекают низкие риски и сохранившийся потенциал, хотя и невысокий.

Группа 3. Регионы с потенциалом выше среднего и рисками выше среднего. К данной группе относятся г. Минск и Могилевская область. Инвестирование в эти регионы, с точки зрения частных инвесторов может быть сопряжено со значительными объективными трудностями, а также рядом субъективных препятствий. Для данных регионов следует более подробно изучить оценку всех видов рисков и потенциала, а также более привлекательных отраслей.

Группа 4. Регионы с потенциалом ниже среднего не в состоянии создать устойчивые низкорисковые условия инвестирования. К данной группе относятся Латгалия и Витебская область. Для регионов этого типа требуется разработка специальных государственных структурно-инвестиционных программ, поскольку экономика этих регионов, за исключением отдельных сфер, недостаточно привлекательна для частных инвесторов.

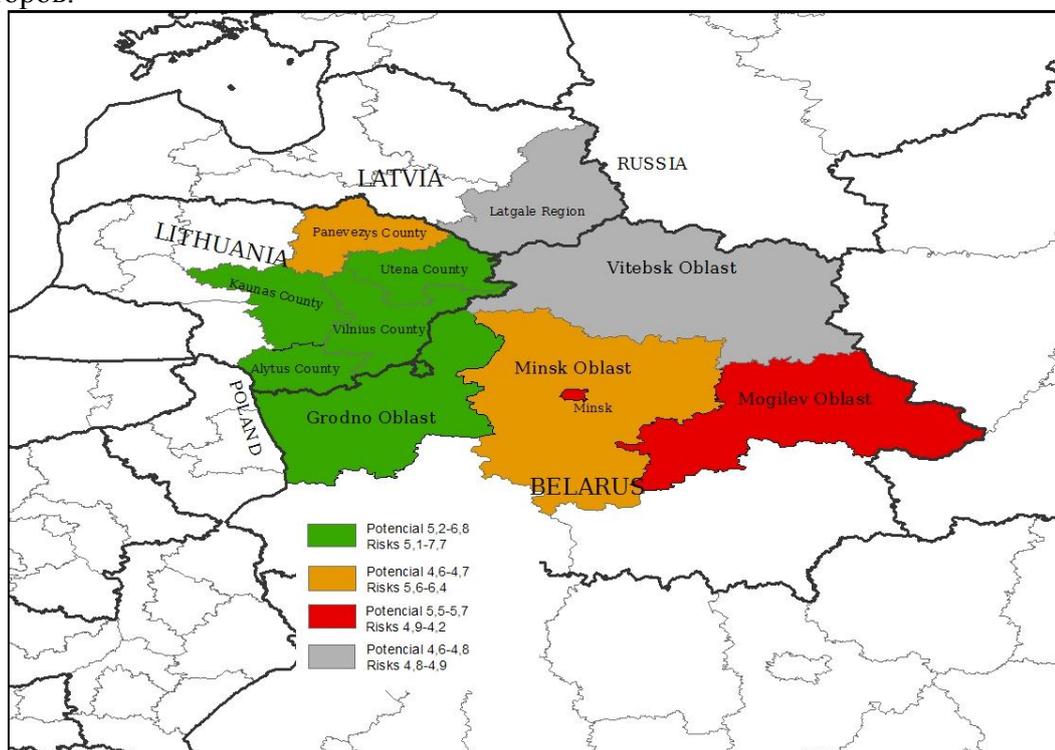

Рис. 2. Типология инвестиционного климата регионов по критериям инвестиционного потенциала и инвестиционной безрисковости*

Источник: рисунок по расчеты автора по данным опроса предприятий 2014 года в проекте «Создание единой системы поддержки предпринимательства и установление

деловых контактов для устойчивого трансграничного сотрудничества Латвии, Литвы и Беларуси»

* инвестиционный потенциал: 1 – низкий потенциал, 10 – высокий потенциал; инвестиционный риск: 1 – высокий риск, 10 – низкий риск

Выводы. Трансграничное и приграничное сотрудничество становится важным направлением международной регионализации начиная со второй половины XX века. В последние десятилетия возрос научный интерес к проблематике трансграничного сотрудничества и влияния фактора приграничности на социально-экономическое развитие регионов. Для исследования инвестиционного климата приграничных регионов Латвии, Литвы, Беларуси в данном исследовании автор использует рисковый подход, а именно инвестиционный климат рассматривается как две составляющие – инвестиционный потенциал и инвестиционные риски. Инвестиционный потенциал региона включает частные потенциалы: производственный, трудовой, потребительский, инфраструктурный, финансовый, институциональный, инновационный, природно-ресурсный, туристический. Инвестиционный риск включает частные риски: законодательный, политический, социальный, экономический, экологический, криминальный, финансовый. Общий инвестиционный потенциал и риски региона определяются как усредненное значение частных показателей.

Для комплексной оценки инвестиционного климата приграничных регионов Латвии, Литвы, Беларуси субъективная оценка данного показателя требует объективной оценки, основываясь на статистические данные показателей инвестиционного потенциала и рисков.

Литература

Андреанов А.Ю., Валдайцев С.В., Воробьев П.В. и др. Ковалев, В.В., Иванов, В.В., Лялян, В.А. ред. *Инвестиции*. Москва 2007.

Ванкевич Е.В. Приграничное положение регионов и рынок труда в Республике Беларусь // Kosiedowski W., ed. *Przegląd północno-gospodarczy Europy Środkowej i Wschodnie*. Torun: Wydawnictwo Naukowe Włocławskiego Towarzystwa, 2007. P.87-103.

Зимин В.А. Инвестиционный климат регионов Российской Федерации и его основные показатели // Теория и практика общественного развития, 2013. №5, С. 296-300.

Колесников Н.Г. Приграничность как фактор экономического развития региона // Труды Карельского научного центра РАН, Сер. Регион: экономика и управление, 2012. № 6. С. 115–122.

Нартов, Н. А. Геополитика: Учебник для вузов. Москва: ЮНИТИ, 1999. 359 с.

Охотина А. Приграничные регионы Латвии, Литвы, Беларуси – где инвестиционный климат «теплее»? // *Social Sciences Bulletin*. Daugavpils University, 2015. № 2 (21). P. 27-47.

Пилясов А.Н. Новая экономическая география и ее потенциал для изучения размещения производительных сил России // Региональные исследования. 2011. № 1. С. 3–31.

Шишкин А.А. Международная интеграция приграничных регионов в мировую экономику (на примере Республики Карелия) // Труды Карельского научного центра РАН. № 5. Сер. Регион: экономика и управление, 2013. С. 103-111.

Makštutis A. Problems of National Security in the Conditions of International Co-operation in Europe // Kosiedowski, W., Ignasiak-Szulc, A., ed. *Between Europe and Russia. Problems of Development and Transborder Co-operation in North-Eastern Borderland of the European Union*. Między Europą i Rosją. Problemy rozwoju i współpracy transgranicznej północno-

wschodnim pograniczu Unii Europejskiej.

Torun:

Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2009. P. 249-262.

Obukhova A.S., Natalya A. Mashkina, N.A. (2014) The Investment Climate in Russia and Its Regions // Asian Social Science, 2014. Vol. 10, No. 20. P. 28-37

*Žitkus L. Geopolitical location as a factor of competitive advantage (on the example of Lithuania) // Kosiedowski W., Ignasiak-Szulc A. (Eds.) *Between Europe and Russia. Problems of Development and Transborder Co-operation in North-Eastern Borderland of the European Union.* [Między Europą i Rosją. Problemy rozwoju i współpracy transgranicznej na północno-wschodnim pograniczu Unii Europejskiej]. Torun: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2009. P. 66-79.*

ТРАНСГРАНИЧНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ В МИНЕРАЛЬНО-СЫРЬЕВОМ КОМПЛЕКСЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Т.В. Пономаренко, К.В. Щетинина
Санкт-Петербургский горный университет

Приграничные регионы в силу своего географического положения выступают в качестве естественных «мостов» экономического сотрудничества соседних стран; при этом их развитие в наибольшей степени зависит от характера экономических и политических взаимоотношений на межгосударственном уровне, от соотношения контактных и барьерных функций границ¹⁰.

Рубеж между Россией и Казахстаном — уникальный, не имеющий аналогов политико-географический феномен евразийского и мирового масштаба. По своей протяженности это самая длинная в мире сухопутная разделительная линия между двумя государствами, к которой добавляется небольшой участок на Каспийском море. Также эту территорию можно охарактеризовать как уникальный пример государственной границы, разделяющей страны, относимые к западной и восточной, христианской и мусульманской цивилизационным традициям¹¹.

В целом благоприятные для трансграничного сообщения ландшафтные (преимущественно, степная и полупустынная зона, за исключением Алтайского края и республики Алтай) условия делают российско-казахстанскую границу достаточно удобной для транспортного сообщения. В Казахстане с Россией граничат семь областей из 14. Ее пересекают 16 железнодорожных магистралей, примерно 200 автодорог, из которых — 6 автомагистралей, 36 — с твердым покрытием, 33 — без покрытия, остальные — грунтовые, которые в плохих погодных условиях труднопроходимы¹².

Граница постепенно становится одним из важнейших регуляторов взаимодействия не только между двумя крупнейшими постсоветскими государствами, но и между европейской и азиатской, северной и южной частями евразийского пространства. С одной стороны, проблемы безопасности, возникшие и обострившиеся в 1990-е годы, требуют создать эффективный щит на пути нелегальных трансграничных потоков в Россию и страны ЕС. С другой — перекрытие столь протяженного участка может привести к дестабилизации и снижению эффективности экономического взаимодействия на постсоветском пространстве. Тот или иной выбор между "мягкой" и "жесткой" стратегией пограничной политики, основными парадигмами которой являются безопасность и сотрудничество, способен привести к серьезным изменениям геополитической ситуации, далеко выходящим за рамки двусторонних отношений между Россией и Казахстаном¹³.

Одной из главных целей, которую решает приграничное сотрудничество (ПС), является создание благоприятных условий развития приграничных территорий. ПС — специфическая разновидность международной деятельности регионов. В европейской рамочной Конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей от 1980 г., под приграничным сотрудничеством понимаются «любые согласованные действия, направленные на укрепление и поощрение добрососедских отношений между территориальными сообществами и властями, находящимися под

¹⁰ Вардомский, Л. Б. Приграничное и трансграничное сотрудничество в программах сотрудничества ЕС и стран СНГ [Электронный ресурс] : аналитические записки. – URL: <http://analyticmz.ru/?p=706> (05.05.2016).

¹¹ <http://wwg.far.ru/>

¹² Семенов М.Ю. СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СТАБИЛЬНОСТИ РОССИЙСКО-КАЗАХСТАНСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Выпуск № 2 (57) / 2006. .

¹³ Вардомский, Л. Б. Приграничное и трансграничное сотрудничество в программах сотрудничества ЕС и стран СНГ [Электронный ресурс] : аналитические записки. – URL: <http://analyticmz.ru/?p=706> (05.05.2016).

юрисдикцией двух или более договаривающихся сторон, и заключение любых соглашений и договоренностей, необходимых для достижения этих целей»¹⁴. ПС осуществляется в рамках полномочий территориальных сообществ и властей, определяемых внутренним правом каждой из сторон. ПС является частью внешнеэкономических связей приграничных территорий, которые, благодаря своему положению, играют важную роль в системе глобальных и региональных экономических отношений.

Характер ПС определяется рядом факторов и условий:

- 1) наличием или отсутствием пограничных проблем;
- 2) общим уровнем развития сотрудничества соседних стран;
- 3) требованиями безопасности государств;
- 4) уровнем социально-экономического развития приграничных регионов;
- 5) этнокультурными особенностями приграничных территорий;
- 6) полномочиями региональных властей в осуществлении международной деятельности;
- 7) состоянием приграничной инфраструктуры, включая пограничные пункты пропуска (ППП).

Развитые политические и экономические связи между странами стимулируют развитие трансграничных связей (приграничных и межрегиональных в целом), а интенсивные взаимные связи приграничных регионов создают благоприятные предпосылки для развития межгосударственных связей и региональной интеграции¹⁵. Среди множества межгосударственных документов между Казахстаном и Россией следует отметить Соглашение о приграничном сотрудничестве регионов Российской Федерации и Республики Казахстан 24 сентября 1999 года, подписанное вместе с Программой приграничного сотрудничества.

У приграничных территорий России и Казахстана имеются перспективы развития трансграничной кооперации: производственной, торговой, финансовой, транспортной, гуманитарной (социальной, образовательной, культурной), экологической и т.д. Важное значение имеет расширение спектра производства конкурентоспособной продукции с высокой добавленной стоимостью. Объединяет страны и одновременное строительство открытых рыночных экономик с максимально комфортными условиями для ведения бизнеса. Среди успешных примеров межгосударственной кооперации бизнеса можно назвать взаимодействие в таких отраслях, как машиностроение, горно-металлургический комплекс, урановая, химическая промышленность¹⁶.

В числе долгосрочных факторов, влияющих на характер трансграничного взаимодействия, важную роль играет ресурсный потенциал приграничных территорий. В Казахстане он включает нефть, рудные ископаемые, уголь, лес, сельскохозяйственную продукцию (зерно), животноводство (скот), отводимые для их производства территории (поля, пастбища), а также используемую для орошения воду. На основе переработки поступающего из Казахстана сырья и частичного возврата на его территорию готовой продукции (изделия из металлов, бензин, электроэнергия и т.п.) действуют наиболее эффективные производственно-технологические цепочки. Интересы компаний, находящихся на приграничных территориях, могут приобретать транснациональный характер.

¹⁴ Программа приграничного сотрудничества ЕС-Россия // <http://www.rus-eu-culture.ru/rf/enpi-cbc>

¹⁵ Вардомский, Л. Б. Приграничное и трансграничное сотрудничество в программах сотрудничества ЕС и стран СНГ [Электронный ресурс] : аналитические записки. – URL: <http://analyticizm.ru/?p=706> (05.05.2016).

¹⁶ Стенограмма X Форума межрегионального сотрудничества России и Казахстана [Электронный источник]. URL: <http://kremlin.ru/> (дата обращения: 05.02.2015).

Важным аспектом трансграничного сотрудничества являются экологическое взаимодействие. Такие проблемы, как чрезвычайные ситуации, загрязнение рек, природоохранные мероприятия в приграничной зоне, регулирование затрагивающей интересы сопредельной стороны промышленной деятельности и т.п., требуют совместной регламентации. Специалисты и общественность уделяют повышенное внимание экологически опасным приграничным объектам Атырауской (месторождения Тенгиза и Восточного Кашагана), Западно-Казахстанской (Карачаганак), Оренбургской, Челябинской, Восточно-Казахстанской (горнодобывающие и перерабатывающие промышленные предприятия) областей¹⁷.

Сотрудничество в производственной сфере во многом определяется потребностями развития ресурсного, инфраструктурного, технологического и другого потенциала. Несмотря на проблемы и новые приоритеты постсоветского десятилетия, по-прежнему предполагается тесная кооперация, обеспечивающая производственный цикл. Одно из приоритетных направлений такой кооперации — добыча казахстанских полезных ископаемых с использованием российского оборудования, последующей поставкой сырья на российские предприятия и, в некоторых случаях, возвратом готовой продукции (полуфабрикатов) в Казахстан.

На перспективных нефтяных месторождениях Западного Казахстана (Карачаганак, Тенгиз, Кашаганское месторождение каспийского шельфа и др.) используют российское буровое оборудование, поставляемое из Астраханской и Волгоградской областей. На российские предприятия приграничных регионов поступают для переработки и другие полезные ископаемые, включая добываемые на уникальных месторождениях цветные металлы (марганец, титан, свинец, хром, цинк). Преобладающую часть казахстанского минерального сырья перерабатывают на российских предприятиях приграничных регионов, в частности, в Самарской, Оренбургской, Омской областях. Часть готовой металлопродукции затем возвращается в Казахстан. Подобная схема действует и при поставках угля, используемого в России для нужд не только тяжелой промышленности, но и энергетики, что обеспечивает Казахстану поставки электроэнергии¹⁸.

В Северном Казахстане открыты и разведаны оловорудные месторождения Сырымбет и Донецкое, что открывает возможности для создания новой для Казахстана оловорудной отрасли промышленности. Месторождение Сырымбет является уникальным месторождением олова в Республике Казахстан и крупнейшим в Центральной Азии. Согласно оценке минеральных ресурсов и запасов руды по Кодексу «JORC», совокупные запасы составляют 94,5 млн. т руды, при общем количестве металла в руде, равном 463,5 тыс. т.

При проведении разведочных работ Компания производит все необходимые экологические отчисления, страхует экологические риски и предъявляет самые жесткие требования к подрядчикам в части соблюдения экологической безопасности проводимых работ. Компания также участвует в развитии социальной сферы региона путем финансирования социальных программ совместно с Акиматом, обучения новых и повышения квалификации существующих специалистов и поддержке местных производителей товаров, работ и услуг.

Воздействие добывающего предприятия на окружающую среду ожидается вследствие строительства наземных сооружений и обогатительной фабрики, отвалов пустой породы и закладки хвостохранилища, водопользования, транспортного сообщения и транспортировки продукции. Воздействие на окружающую среду и действия

¹⁷ Мукомель В., Косач Г., Кузьмин А. Российско-казахстанские приграничные связи: опыт трех российских областей // Вестник Евразии, 2001, № 2.

¹⁸ Зубаревич Н. Взаимодействие России с южными соседями: проблемы и перспективы // Что хотят регионы России [<http://pubs.carnegie.ru/books/1999/10am/03.asp/>].

менеджмента в области охраны окружающей среды будут представлены в исследовании «Оценка воздействия на окружающую среду»¹⁹.

В России олово постоянно потребляют следующие компании: Магнитогорский металлургический комбинат, г. Магнитогорск, Челябинская обл.; Заволжский моторный завод, г. Заволжье, Нижегородская обл.; АО "Саратовстекло", г. Саратов; Бузулукский механический завод, г. Бузулук, Оренбургская обл.; Ульяновский автомобильный завод, г. Ульяновск; Горьковский автомобильный завод, г. Н. Новгород; Шадринский автоагрегатный завод, г. Шадринск, Курганская обл.; Бугурусланский завод "Радиатор", г. Бугуруслан, Оренбургская область. Кроме вышеперечисленных, АО "Сырымбет" ведет переговоры с другими компаниями России, потребляющими олово в меньших количествах.

Следует отметить, что большинство российских потребителей олова находится либо в приграничных регионах, либо в областях с удобным транспортным сообщением. Наиболее выгодным видится поставка олова на близлежащие заводы Российской Федерации в связи с невысокими транспортными расходами, прежде всего, таким является Новосибирский оловянный комбинат (НОК). НОК введен в эксплуатацию в 1942 году, является монополистом на российском рынке олова и припоев для металлургической, оборонной, автомобильной, пищевой, радиоэлектронной и машиностроительной промышленности России и стран СНГ. Для Сырымбета НОК является приоритетным партнером, так как он наиболее удобен для транспортировки железнодорожным транспортом.

Оборудование для строящегося производства будет закупаться в России, Казахстане, а также за рубежом. Данный проект осуществляется в рамках Государственной программы форсированного индустриально-инновационного развития Казахстана на 2010-2014 гг., и его реализация позволит создать качественно новую для Республики подотрасль цветной металлургии.

Выводы

В условиях усиления международной экономической интеграции особую значимость приобретает приграничное и трансграничное сотрудничество. Необходимыми предпосылками для эффективного взаимодействия служат географическая близость, схожесть в отраслевых структурах и возможность совместного использования природных, трудовых, научно-технических и других ресурсов. Территориальное разделение труда и развитие интеграционной инфраструктуры создает дополнительные преимущества для межрегиональных образований.

Казахстан отличается большими запасами различных полезных ископаемых и представляет для иностранных инвесторов большой интерес. Его часто называют будущей «горячей точкой» мировой добычи, хотя в стране существует ряд достаточно серьезных проблем (законодательные барьеры для иностранных инвестиций, устаревшие геологические данные и др.).

В настоящее время в Казахстане уже функционирует около 3 тысяч компаний с российским участием. В условиях кризиса продолжается реализация совместных проектов в различных секторах экономики, в топливно-энергетической сфере. В цветной и чёрной металлургии ожидается реализация ряда крупных инвестиционных проектов.

Один из крупных горных проектов предполагает сотрудничество горнорудной компании «Сырымбет» и Новосибирского оловянного комбината. Реализация проекта должна привести к экспортоориентированному, импортозамещающему и интеграционному эффектам: продукция предприятия способна покрыть существующие и

¹⁹ Горнорудная компания АО «Сырымбет». Официальный сайт. <http://www.syrymbet.kz>

растущие потребности в олове Казахстана, России и других стран СНГ. Он также обладает существенным мультипликативным влиянием на экономики России и Казахстана.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ И РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ ИНСТИТУТА СЕЛЬСКОЙ КРЕДИТНОЙ КООПЕРАЦИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО ИЛИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОВАЛ

Л.И. Розанова

Института экономики КарНЦ РАН (ИЭ КарНЦ РАН)

Стратегическое видение перспектив территориального развития является одним из инструментов управления социально-экономическими процессами в стране, регионе, муниципальном образовании. Эффективность управления повышается при проектном подходе, а положительный эффект от реализуемых проектов в рамках стратегических планов конкретных регионов или муниципалитетов зависит от оптимального использования финансового, ресурсного и организационного потенциала региона и его отдельных территориальных единиц. Одним из направлений в реализуемом приоритетном национальном проекте (ПНП) «Развитие АПК» предполагалось и развитие сельскохозяйственной кооперации для усиления рыночных позиций мелких и средних крестьянских (фермерских) и личных подсобных хозяйств, ориентированных на товарное производство, а также в целях развития сельских территорий. Поскольку бенефициарами программ выступают граждане, для которых государство обеспечивает реализацию конституционного права на достойный образ жизни, то не только в концептуальных подходах к разработке, но и в используемых методах и механизмах реализации программ должен быть индивидуальный подход, основанный на эффективном российском и зарубежном опыте.

Республика Карелия, используя территориальные преимущества от соседства с развитыми странами Европейского союза, ориентирована на эффективное приграничное сотрудничество, в том числе и в области сельского хозяйства. С начала рыночных реформ в республике происходил активный обмен опытом в этом направлении с Финляндией, где институт сельскохозяйственной кооперации является одним из ведущих в товаропроводящей цепочке от сельхозпроизводителей до покупателя готовой продукции, а кредитная кооперация в своем более чем вековом развитии переросла в кооперативные банки. Поэтому международный обмен опытом в свое время стал как для России в целом, так и для Республики Карелия неотъемлемой частью рыночных преобразований в сельской местности. Положительные тенденции в период становления сельскохозяйственной кредитной кооперации, впитавшей в себя не только международный, но и российский исторический опыт, следовало закрепить, создав адекватную внешнюю институциональную среду. В статье рассматриваются проблемы развития сельскохозяйственной кредитной кооперации, анализируются механизмы государственного регулирования, причины институциональных провалов.

Объектом исследования является институт самоорганизации сельского сообщества – сельскохозяйственная потребительская кредитная кооперация. Предметом исследования является процесс становления и развития данного института в условиях международного сотрудничества (прежде всего, обмена опытом с развитыми странами, где кредитная кооперация является одним из эффективных институтов на рынке финансовых услуг) и при непосредственном участии государства, обеспечивающем институциональную среду для функционирования субъекта самоорганизации.

Методология исследования базируется на диалектико-материалистическом подходе, объясняющем внутренние связи явлений, существующие в реальном развитии, а представляемый процесс видится в постоянном диалектическом движении, поскольку наблюдаемые процессы и явления развиваются и совершенствуются во времени или при определенных обстоятельствах уходят из жизни. Эволюционное развитие и становление

новых организационно-правовых форм в рыночной среде, в частности кооперативной организации, позволяет понять основы процессов структуризации, функционирования и развития элементов хозяйственной системы, ее направленное и необратимое изменение, прежде всего, в условиях самоорганизации и саморазвития. Эволюционный подход в исследовании показывает безусловное взаимодействие субъекта самоорганизации с социальными отношениями на разных уровнях, что обуславливает установление как экономических, так и политических, правовых, нравственных и других форм отношений.

В данном исследовании обосновывается тот факт, что институты самоорганизации общества не могут функционировать сами по себе. Наряду с функционированием субъектов самоорганизации должны присутствовать органы контроля, координации и принуждения в лице профильных министерств и ведомств, а также судебных органов и прокуратуры в случае неисполнения институциональных норм. Также необходимо ресурсное обеспечение и поддержка различных институциональных норм, связанных с деятельностью субъектов института самоорганизации, в лице органов законодательной и исполнительной власти. В институциональном окружении должны эффективно функционировать как институты поддержки, так и институты защиты. Негативная деятельность элементов ближнего окружения института самоорганизации общества, т.е. *повлѣкшая негативные последствия*, а именно: непоследовательность государственной поддержки, отсутствие контроля со стороны судебных органов за исполнением судебных решений, не правовой характер действий субъектов хозяйствования, ведет к появлению различных институциональных провалов.

Примером самоорганизации общества в сельской местности является создание сельскохозяйственных кредитных потребительских кооперативов (СКПК) – некоммерческих объединений, чья деятельность направлена на достижение целей их членов, и эта форма предполагает наиболее простую схему объединения ресурсов для комплексного развития сельской территории. В настоящем исследовании на примере процесса становления сельской кредитной кооперации показано, как изначально положительная динамика развития данного института, базировавшаяся в основном на потенциале саморазвития – финансовой взаимопомощи граждан, объединенных общей целью – при неэффективном государственном регулировании может трансформироваться в негативную тенденцию для субъекта института самоорганизации.

Отправной точкой в развитии сельской кредитной кооперации в Карелии стал обучающий семинар с участием представителей Германского Союза кооперативов Райффайзен, где слушатели получили начальные знания для организации кредитных кооперативов на селе. В 2005-2007 годах сельский бизнес республики тесно взаимодействовал с финскими кооператорами. Представители конфедерации кооперативов «Pellervo» на совместных семинарах и научно-практических конференциях делились опытом кооперативного строительства в Финляндии. Затем последовало сотрудничество карельских кооператоров и с российским Фондом развития сельской кредитной кооперации (ФРСКК), также оказывавшего информационную поддержку начинающим кооперативам. В становлении российской системы сельской кредитной кооперации важную роль сыграли такие международные организации Общество Международного развития Дежарден (Квебек, Канада), ACDI/ VOCA (США), «Фонд ГЕРФО». Международное сотрудничество в период активных рыночных преобразований помогло определиться карельским фермерам с выбором способа интеграции малых форм хозяйствования на селе. Как подтверждает опыт соседней Финляндии, где в настоящий момент одно из лучших законодательств по кооперации, кооперативная форма в условиях рынка обнаружила свою состоятельность, а развитие разных видов кооперации позволяет обеспечивать конкурентоспособность фермерских хозяйств. Каждый финский фермер входит не в один кооператив, а, как правило, не менее чем в два-четыре.

Стимулом для организации сельскохозяйственных кредитных потребительских кооперативов в республике послужило участие в государственной программе, ожидание обещанной государственной помощи. Большинство сельскохозяйственных кредитных кооперативов в Республике Карелия было организовано в начальный период реализации приоритетного национального проекта «Развитие АПК», предусматривавшего государственную финансово-кредитную поддержку сельскохозяйственной потребительской кооперации, включающую, с одной стороны, меры по поддержке малых форм хозяйствования, что содействует расширению социальной базы кооперации, с другой стороны, собственно самих кооперативов. В рамках проекта по направлению "Стимулирование развития малых форм хозяйствования в агропромышленном комплексе" предусматривалось увеличение и удешевление кредитных ресурсов для крестьянских фермерских и личных подсобных хозяйств (К(Ф)Хи ЛПХ). Предполагалось, что кредитная кооперация на селе может стать системообразующим фактором в развитии сельского бизнеса, сельских территорий.

Участие государства в кооперативном строительстве также законодательно закреплено в законе от 8 декабря 1995 г. № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации» статьей 7 – Государство и кооперативы. На основании п.1 ст.7 государство берет на себя функции стимулирования создания и поддержки деятельности кооперативов путем выделения им средств из федерального бюджета и бюджетов субъектов Российской Федерации для приобретения и строительства перерабатывающих и обслуживающих предприятий, создания кредитных и страховых кооперативов на основании разработанных планов и прогнозов развития территорий и целевых программ, а также осуществляет научное, кадровое и информационное обеспечение. Кроме того, п. 4 ст.7 предусмотрено, что убытки, причиненные кооперативу в результате незаконных действий (бездействия) государственных и иных органов либо их должностных лиц, нарушивших права кооператива, а также в результате ненадлежащего осуществления такими органами либо их должностными лицами предусмотренных законодательством обязанностей по отношению к кооперативу, подлежат возмещению этими органами. Споры о возмещении таких убытков рассматриваются судом или арбитражным судом в соответствии с их подведомственностью.

При практической реализации закрепленных законодательно государственных гарантий проявилась негативная роль государства в лице профильного министерства, налоговых органов, антимонопольной службы, Центрального Банка Российской Федерации. В первую очередь оценим роль Министерства сельского хозяйства, ответственного за реализацию ПНП «Развитие АПК». Сельскохозяйственные кредитные кооперативы, ставшие участниками данного проекта, вправе рассчитывать на предсказуемость и выполнение принимаемых профильным министерством решений. Так, кооперативы, созданные в 2007 г. в рамках ПНП «Развитие АПК», предусматривавшего не только материальную поддержку начинающим кооперативам, но и обучение специалистов сельскохозяйственных кооперативов, оказались фактически без научного, кадрового и информационного обеспечения. А выделенные на начальной стадии Россельхозбанком (также участником целевой программы) кредиты не только не были льготными, как было предусмотрено программой (субсидирование процентной ставки), но в условиях кризиса 2008 г. оказались для кооперативов существенным обременением. Кроме того, банк потребовал их возврат ранее намеченного срока. Лишь отдельные кооперативы выстояли, возвратили коммерческий кредит и продолжили свою деятельность за счет собственных средств и сберегательных займов пайщиков. В трудном положении оказались и сельские предприниматели, взявшие в кооперативах кредиты на развитие сельскохозяйственной деятельности, когда по объективным причинам (в 2008 году обесценилась национальная валюта, увеличилась стоимость кормов, техники и т.д.) возросли хозяйственные затраты,

но дотаций в рамках программы не было выделено. В Национальном докладе «О ходе и результатах реализации государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008-2012 годы» о помощи сельскохозяйственным кредитным потребительским кооперативам нет сведений, но при этом имеется информация, что на 1.01.2009 создано 1738 СКПК, которым выдано 797 кредитов на сумму 1732,9 млн. рублей. Однако предусмотренные программой субсидии по кредитам на организационное обустройство в 2008 году они не получили [5, с.59]. Позже о них вообще забыли. В Национальном докладе за 2015 год находим только одну цифру – из общей суммы выделенных на поддержку малых форм хозяйствования сельскохозяйственным кооперативам (всем видам, а не только СКПК) досталось всего лишь 2,5% [6].

Такая же участь постигла карельских кооператоров, что послужило началом развала всей организационной структуры, начиная от кооператива второго уровня, объединявшего кооперативы первого уровня.

Правила игры, установленные государством в отношении кредитной кооперации, также не давали ей равных возможностей на рынке финансовых услуг, поскольку изначально кооперативы должны были платить налоги на доход (процент по сбережениям) пайщиков, которые предоставляли кооперативу сберегательный заем, в то время как в банках ставка процента по вкладам не облагалась налогом. Если к этому кооперативы смогли приспособиться, то фактически грабительская ставка налога в 35% подкосила их финансовую устойчивость в период обострения кризиса в экономике и обвального обесценения рубля в конце 2014 г., когда население было в панике – где спасти свои сбережения. Тогда законодательно было установлено, что налогообложение доходов в виде платы или процентов за использование средств членов кредитного кооператива производится по ставке 35% в части превышения ставки рефинансирования ЦБ РФ (действующей в течение периода, за который начислены указанные проценты), увеличенных на 5 процентных пунктов. Банкам же сделали послабление: для них безналоговое превышение ставки рефинансирования гарантировано на 10 процентных пунктов превышения до конца 2015 г. В итоге проценты по рублевым вкладам, размещенным в банке по ставке до 18,25% годовых, освобождались от налогообложения, а кооперативах - только до 13,25%. При отсутствии страхования вкладов в кооперативах и других рисках начался отток сбережений: пайщики СКПК стали отдавать предпочтение банкам. Ввиду снижения доходов населения возможность вернуть вовремя кредит стало тоже проблематично. В этой связи в СКПК стала нарастать как дебиторская, так и кредиторская задолженность.

Оценивая влияние объективных причин негативных тенденций институционального строительства сельскохозяйственной кредитной кооперации, следует обратить внимание и на субъективные факторы. Поскольку на этапе становления кредитная кооперация получила максимум экономической свободы, она не всегда оказывала положительное влияние на развитие СКПК. В соответствии с действующим Законом "О сельскохозяйственной кооперации" решение многих важных вопросов было передано самим кооперативам, которые должны предусмотреть соответствующие нормы в своих уставах, хотя многие экономисты считали, что было бы целесообразно дать в Законе хотя бы общее направление регулирования важных для сохранения устойчивости кооперативов вопросов. Полагаясь на саморегулирующие механизмы, государство не вмешивалось в деятельность кредитных кооперативов. Однако «болезнь роста» не позволила кредитной кооперации в длительном периоде ориентироваться на кооперативные принципы, закрепленные законодательно, и вся деловая инициатива перешла руководящим органам, или фактически установилось единоличное правление. Отсутствие как внешнего, так и внутреннего контроля деятельности многих кооперативов

привело к грубым нарушениям со стороны руководства. Многие кооперативы вели рисковую деятельность, что привело к росту просроченных к возврату займов (кредитов), что, в свою очередь, повлияло на невозможность исполнять обязательства перед кредиторами кооперативов.

Образование просроченной задолженности по кредитам обусловлено не столько финансовой безграмотностью населения, снижением платежеспособности из-за кризисных явлений в экономике, сколько, кроме всего прочего, слабыми правовыми рычагами воздействия на необходимость и неизбежность исполнения долговых обязательств. Оценивая исполнительное производство по возможным к возврату долгам, можно сказать, что в России оно находится на крайне низком уровне. Анализ исполнения судебных решений по взысканию долгов за 2015 г. [12] показывает, что фактически взысканные суммы по окончанным исполнительным производствам по взысканию кредитных обязательств составили от сумм, подлежащих взысканию, всего лишь 1,8% (138,3 млн. руб. из 7 702 млн. руб., подлежащих взысканию) в отношении юридических лиц и 7,5% (соответственно 2 305,6 млн. руб. из 30 656,7 млн. руб.) в отношении физических лиц. Или, для большей убедительности, переведа эти цифры в количество лет, в течение которых гипотетически можно вернуть долг, для юридических лиц период возврата составит 55 лет, для физических – более 13 лет. На этом фоне активизируется деятельность коллекторских агентств, использующих в своих методах взыскания долгов зачастую приемы, граничащие с уголовно наказуемыми деяниями.

Таким образом, в хаотично развивающийся микрофинансовый рынок, который спровоцировал огромный рост долгов, вступает мегарегулятор – Банк России. Меры ЦБ РФ по ужесточению требований к организациям, осуществляющим микрофинансовую деятельность, были необходимы гораздо раньше. Ведь на еще недостаточно отрегулированный рынок микрокредитования, где первыми игроками выступали кредитные кооперативы, вошли другие гораздо менее ответственные даже по организационно-правовой форме институты (преимущественно общества с ограниченной ответственностью) – микрофинансовые организации (МФО). И если бенефициарами СКПК являлось местное население, то деятельность МФО никак не соответствовала интересам регионов. Большинство крупных МФО обслуживает интересы зарубежных инвесторов, куда и уходят полученные доходы. Хотя вполне закономерны действия Центрального банка, стремящегося очистить микрофинансовый рынок от недобросовестных игроков, но исследуя судебную практику о ликвидации сельскохозяйственных кредитных кооперативов, можно констатировать, что большинство из них ликвидировано лишь по формальному признаку – непредставление отчета через личный кабинет кооператива в ЦБ РФ. За этим нарушением не всегда стоит недобросовестная деятельность, а скорее отсутствие квалифицированных кадров в СКПК.

Однако Банк России не принимает во внимание тот факт, что в сельской местности место бухгалтера часто занимает человек пенсионного возраста, недостаточно владеющий Интернет-ресурсом и еще не освоивший программу электронного документооборота с Центральным Банком РФ за незначительный временной период, отведенный для этого. Найти в селах на должность бухгалтера специалиста с требуемым ЦБ РФ образованием крайне сложно. Переобучение или повышение квалификации специалистов кооператива требует времени. Кроме того, законодательство предусматривает представление отчета и на других носителях. Так, согласно п.5 ст. 40.2 Федерального закона «О сельскохозяйственной кооперации» Банк России может запрашивать информацию о финансово-хозяйственной деятельности кредитного кооператива у органов государственной статистики, но этого не наблюдается: в суды представляются отсканированные страницы из личного кабинета, показывающие отсутствие там информации об отчетах. Также п. 7 ст.40.2 предусматривает проведение

плановых проверок соблюдения кредитным кооперативом требований настоящего Федерального закона, других федеральных законов, иных нормативных правовых актов Российской Федерации, нормативных актов Банка России в порядке, установленном Банком России не чаще одного раза в два года. Полагаем, что данный пункт позволяет дать временной лаг не менее чем в 1,5 года для сельскохозяйственных кредитных кооперативов для приведения в соответствие с требованиями регулятора программного обеспечения и хотя бы частичного обучения специалистов пользованию информационно-телекоммуникационной сетью «Интернет».

Верховный суд Российской Федерации обращает внимание на необходимость объективной оценки всех обстоятельств, которые могут служить обоснованием для принятия решения о ликвидации юридического лица. Так, на основании п.28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» неоднократность нарушения законодательства сама по себе не может служить основанием для принятия судом решения о ликвидации юридического лица. Такая исключительная мера должна быть соразмерной допущенным юридическим лицом нарушениям и вызванным ими последствиям. Но на деле практически отсутствуют прецеденты, когда суды принимают сторону ответчика, т.е. судебная практика говорит о том, что в связи с невыполнением требований Банка России о представлении отчета кредитные кооперативы ликвидируются. Процедура предъявления требований проста: выдав одно предписание об устранении нарушений по отчетности, Банк России буквально в 10-тидневный срок выдает второе, обеспечивая для обращения в суд неоднократность невыполнения предписаний. Последствия от ликвидации СКПК будут более существенными, чем непредставление отчета. Ведь за этим стоят интересы тысяч пайщиков, чьи требования в процессе ликвидации не будут выполнены. А если принять во внимание, что учредителями сельских кооперативов являются фермеры, ценой своего труда создавшие успешные сельскохозяйственные предприятия, то ставится под удар и дальнейшее развитие фермерских хозяйств, имущество которых может пострадать при возникновении субсидиарной ответственности учредителей.

Следовало бы исправлять такой институциональный провал, однако начавшийся процесс массовой ликвидации сельскохозяйственных кредитных кооперативов по инициативе Центрального Банка РФ не предвещает позитивного прогноза дальнейшего развития кредитной кооперации на селе. Не всегда нарушения кооперативами требований Банка России, которые ведут к ликвидации, носят неустранимый характер. Такая ситуация могла бы вообще не возникнуть при четкой организации взаимодействия всех участников целевой государственной программы по развитию АПК и выполнении всех ее мероприятий, в том числе кадрового обеспечения – обучение специалистов для сельскохозяйственной кредитной кооперации. Данный пункт в программе также не выполнен. Хотя в Республике Карелия есть учебная база, где можно организовать подготовку специалистов - это **ФГБОУ ДПО «Карельский институт переподготовки и повышения квалификации кадров АПК»**, специалисты которого подтвердили, что на их базе не было курсов по обучению специалистов для СКПК. **Все остановилось на разработанном институтом в 2011 г. учебно-методическом пособии по экономике и организации сельскохозяйственной кооперации.**

Вывод

Если методы государственного регулирования не позволяют эффективно использовать имеющийся потенциал, а социальная и экономическая среда остается незащищенной от негативных последствий применяемых регулятивных механизмов, то либо необходимо искать новые методы, либо принять как факт пессимистический прогноз развития конкретного предприятия, отрасли, региона или страны в целом. Вспоминая

слова П.А. Столыпина о необходимости «дать способному, трудолюбивому крестьянину, т.е. соли земли русской, ... укрепить за собой плоды трудов своих», а не уравнивать и разорять, поскольку «богатство народов создает и могущество страны», можно с уверенностью констатировать, что отказываясь от использования огромного потенциала сельской кредитной кооперации, способного аккумулировать свободные средства местного населения и инвестировать их на своей же территории, мы утрачиваем потенциал развития села. Истощение ресурсов региональных рынков финансовых услуг вследствие оттока денежного капитала из регионов в центр («эффект пылесоса»), нарастания проблемных долгов по кредитам и займам, отражающихся на снижении платежеспособного спроса населения, будет в перспективе еще более ухудшать экономическое состояние периферийных регионов и, как следствие, провоцировать социальную нестабильность. Сельскохозяйственная кредитная кооперация может быть эффективной, если существует институциональная защита и определенные преференции для работающих в данной сфере. Осознание необходимости развития различных институтов, оказывающих финансовые услуги, приводит к пониманию их адекватности реальным социально-экономическим, территориально-географическим, демографическим условиям региона. В масштабах России проблемным остается вопрос развития сельских территорий, малых городов, удаленных поселений, где для жизнеобеспечения как населению так и малому бизнесу требуются небольшие займы. Наше исследование показало, что государство не обеспечило ту институциональную среду, которая может способствовать развитию исторически приемлемого для России института сельскохозяйственной кредитной кооперации.

Литература

1. Баламирзоев Н. Л. Роль микрофинансирования в развитии рынка финансовых услуг и объективная необходимость его государственного регулирования // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015. – Т. 13. – С. 426–430. – URL: <http://e-koncept.ru/2015/85086.htm>.
2. М.Мамута Регулирование и надзор на рынке небанковских профессиональных кредиторов: эволюция, а не революция// Микроfinance+. – 2014. – №4(21). – с. 8-10
3. Мамута М.В., Тагирова В.Т. Проблемы правового регулирования рынка микрофинансирования // URL: <http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=4207> (Дата обращения: 25.09.2014)
4. Мамута М.В., Чирков А.В. О совершенствовании регулирования деятельности кредитных потребительских кооперативов в России // Деньги и кредит. 2015. №12. – С. 9-13
5. Национальный доклад о ходе и результатах реализации в 2008 г. государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008-2012 годы // [http://asozd.duma.gov.ru/arhiv%5Ca_dp.nsf/ByID/E1AD7ADD3F0EC553C325764A00389489/\\$File/NAC_DOKL.PDF?OpenElement](http://asozd.duma.gov.ru/arhiv%5Ca_dp.nsf/ByID/E1AD7ADD3F0EC553C325764A00389489/$File/NAC_DOKL.PDF?OpenElement) (Дата обращения: 20.05.2016)
6. Национальный доклад о ходе и результатах реализации в 2015 году Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013-2020 годы// http://www.mcx.ru/documents/document/v7_show/34699..htm (Дата обращения: 25.05.2016)
7. Розанова Л.И. Особенности развития кооперации в Карелии // Аграрная Россия. – 2003. №2. с. 49-54

8. *Розанова Л.И.* Усиление региональной дифференциации в процессе формирования рынка финансовых услуг. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН. 2012. - 132 с. // URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?id=17244>
9. *Розанова Л.И.* Микрофинансовые организации на региональном рынке: ростовщики или инвесторы // Финансы и кредит. – 2015. – №30 (август). С.40-47
10. *Розанова Л.И.* Изменение правового поля на микрофинансовом рынке в условиях кризиса // Финансовое право и управление. – 2015. - № 1. - С.74-89.
11. *Тивелева О.Ю.* Сознательное саморегулирование как экономический феномен // Гуманитарные и социальные науки. – 2011. № 6, с.34-44
12. Ведомственная статистическая отчетность Федеральной службы судебных приставов // URL: <http://www.fssprus.ru/statistics> (Дата обращения: 25.07.2016)

ПРИМЕНЕНИЕ АТОМНЫХ СТАНЦИЙ МАЛОЙ МОЩНОСТИ В УСЛОВИЯХ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ

В.В. Соколов, С.В. Егоров, О.Б. Жарков, М.Г. Кретов

АО «РусатомЭнерго Интернешнл», Государственная корпорация «РОСАТОМ»

Экономическая безопасность отдельных территорий Российской Федерации и страны в целом предполагает организацию энергетической инфраструктуры территориальных социально-экономических систем с соблюдением принципов энергетической безопасности.

Энергетическая безопасность – один из главных стратегических ориентиров государственной политики Российской Федерации. Обеспечение энергетической безопасности определяется ресурсной достаточностью, экономической доступностью, экологической и технологической допустимостью. Ресурсная достаточность определяет физические возможности бездефицитного обеспечения энергоресурсами национальной экономики и населения, экономическая доступность – рентабельность такого обеспечения при соответствующей конъюнктуре цен, экологическая и технологическая допустимость – возможность добычи, производства и потребления энергоресурсов в рамках существующих на каждом этапе технологий и экологических ограничений, определяющих безопасность функционирования энергетических объектов [1].

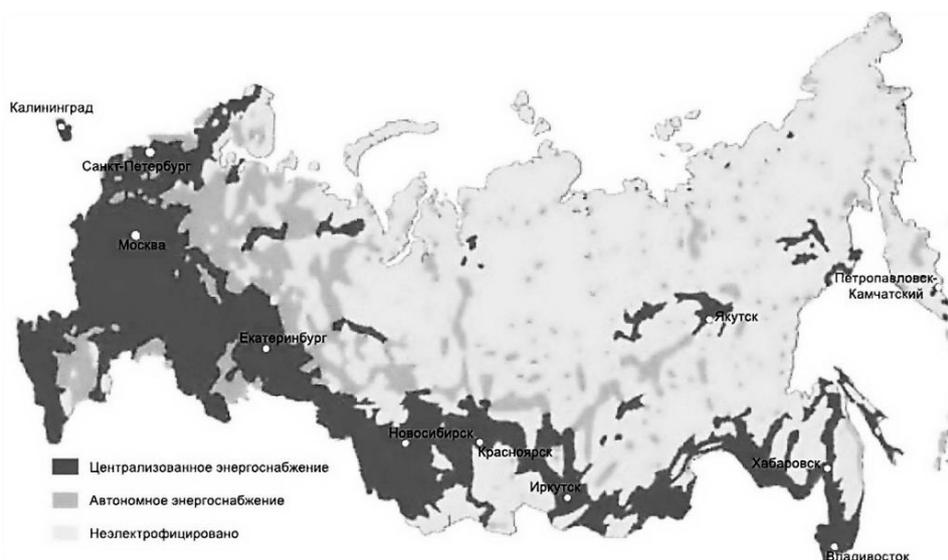

Рис. 1. Обеспеченность энергоснабжением территорий Российской Федерации

Наличие такой характеристики территории, её участка, как труднодоступность ещё не исключает возможности подключения того или иного района к централизованным сетям электроснабжения. Для решения задач централизованного обеспечения энергией в этом случае зачастую необходимо лишь преодоление некоторых технических сложностей. Но дополняющее определение, подчеркивающее удаленность потенциального объекта энергопотребления (удаленность именно от сетей централизованного электроснабжения) позволяет сделать вывод о том, что речь идет об автономных, изолированных системах производства и потребления энергии, подключение которых к централизованным сетям в существующих условиях технически нецелесообразно, а в экономических оценках – не выгодно.

Специфика арктической зоны РФ заключается в комбинации этих характеристик, что подчёркивает уникальность отдельного региона и определяет необходимость

применения современных и лучших практик – кластерного подхода к организации энергетической инфраструктуры.

Для относительно изолированных кластеров, характеризующих специфику построения систем распределенной энергетики, и для кластеров, изолированных полностью, применим термин «децентрализованная энергетика». Эксперты администрации США оценивают прирост генерируемой электроэнергии за счёт децентрализованных источников (decentralized generation) на глобальном рынке к 2023–2024 годам в 1,2 ТВт, а объем финансирования, необходимый для реализации отмечаемых тенденций – в 1,3 трлн долл. США (см. рис. 2). По их оценкам, децентрализованная генерация будет вытеснять по меньшей мере 321 ГВт новых крупных электростанций к 2024 году.

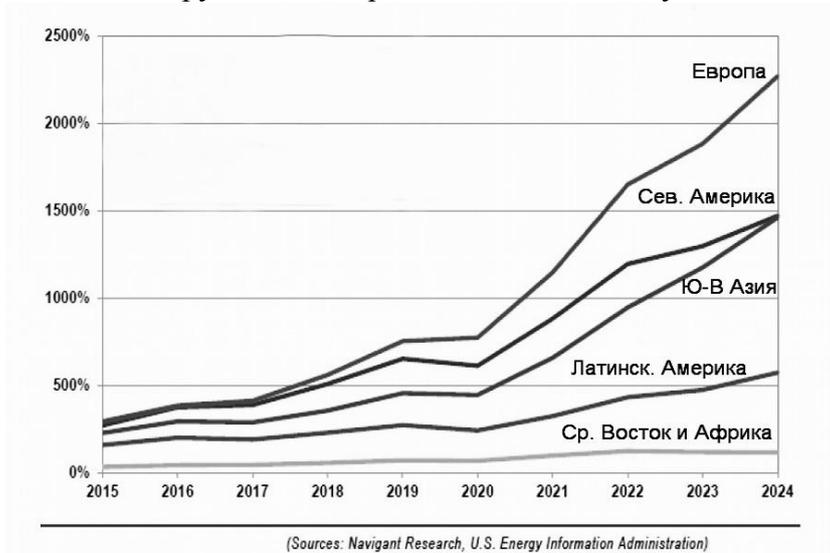

Рис. 2. Рост децентрализованной генерации в мире к 2024 г.[2]

Инвестиции в инновационные решения в электроэнергетике поддерживаются активным развитием техники и технологий, обеспечивающих как необходимый уровень автоматизации регулирования производства и потребления электроэнергии энергетическими (и энергопромышленными, жилищно-коммунальными, др.) кластерами, вовлечением в процессы генерации электроэнергии возобновляемых источников энергии (ВИЭ), задачами низкоуглеродного развития и повышения эффективности использования энергии.

В то же время в мире активно разрабатываются и применяются методы решения задач электроснабжения с использованием концепции построения распределенных сетей энергетики (интеллектуальных сетей, SmartGrid)[3].

Использование принципов построения интеллектуальных сетей позволяет обеспечить:

- синхронизацию работы источников генерации и потребления электроэнергии и мощности, компенсаторных узлов аккумуляции и хранения энергии;
- повышенную устойчивость, надежность работы энергосетей в поставке энергии и мощности;
- повышение качества поставляемой электроэнергии;
- снижение потерь энергии в сетях её передачи;
- доступность энергии для новых потребителей;
- снижение воздействия на окружающую среду за счёт вовлечения в процессы производства энергии низкоуглеродных источников;

– реализуемость концепций, стратегий и планов социально-экономического развития территорий, улучшение качества жизни населения.

В рамках концепции SmartGrid для достижения ключевых требований предполагается развитие новых функциональных характеристик. Многообразие типов электростанций, оптимальная интеграция электростанций и систем аккумулирования электроэнергии различных типов и мощностей путём подключения их к энергосистеме по стандартизованным процедурам технического присоединения осуществляется методом перехода к созданию «микроэнергосистем» (Microgrid) на стороне конечных пользователей [4], [5].

Таким образом, создание систем Microgrid, а также и изолированных (автономных) систем производства и потребления энергии – то есть осуществление мультикластерного подхода к организации энергетики – это современные технологические решения обеспечения электро- и теплоэнергией, связанные с необходимостью повышения эффективности энергообеспечения, реализацией принципов энергобезопасности, применяемые в том числе и в целях освоения труднодоступных и удаленных территорий и требующее инновационных решений в процессах производства и потребления энергии, диспетчеризации функционирования многоуровневых энергосистем. Создание и новых изолированных энергетических кластеров, по нашему мнению, следует осуществлять также с применением принципа соответствия наилучшим доступным технологиям.

Предыдущий 2015 год закончился для атомной энергетики России достижением высокого показателя: доля атомной генерации электроэнергии в общем объёме её производства составила 18,6 % [6]. В течение ближайших лет атомной энергетике России – высокотехнологичной отрасли, исследования и разработки в которой осуществляются на достаточно длительных отрезках времени в условиях повышенной фондовооружённости, требуют высокой квалификации персонала – предстоит переход на технологии нового поколения [7].

В прогнозе изменения структуры потребления первичных энергоносителей на период до 2035 года экспертами «BritishPetroleum» названы [8] следующие показатели: общий рост энергопотребления в мире будет обеспечен среднегодовым приростом объёмов использования нефти на 0,9%, газа – на 1,8%, угля – на 0,5%, гидроэнергии – на 1,8%, ВИЭ – на 6,6%, атомной энергии – на 1,8%.

Несмотря на то, что в 2015 году вложения в ВИЭ достигли 286 млрд долларов (что в сумме в два раза больше инвестиций в газ и уголь), доля традиционных источников в производстве электроэнергии в мире по-прежнему высока и составляет около 90 %. То есть более высокие темпы роста возобновляемой энергетики сегодня в значительной степени обусловлены приростами к исходно меньшей базе. Но для подотраслей энергетики нельзя недооценивать опасность «вытеснения из структуры» потребляемых энергоносителей первичной энергии (по причинам происходящего обострения «межтопливной конкуренции»), и это обстоятельство уже вполне осознано представителями различных технологических направлений в энергетике. Как результат такого нового понимания тенденций развития – не только усовершенствование технических систем, но и разработка принципиально новых технологических процессов и конструкций, а также появление в мировой практике разработок моделей систем гибридных (нефть, газ + ВИЭ; атомная энергетика + ВИЭ) производства тепло- и электроэнергии.

Интеграция возможностей атомной энергетики и технологий энергетики возобновляемой обещает множество преимуществ. Атомная энергетика обеспечивает стабильность генерации энергии (в отличие от энергетики с использованием энергии ветра и солнца), высокие температуры вырабатываемого тепла, демонстрирует высокие

коэффициенты использования установленной мощности (КИУМ), безопасности и при этом сохраняет предельно низкие показатели по выбросу углерода.

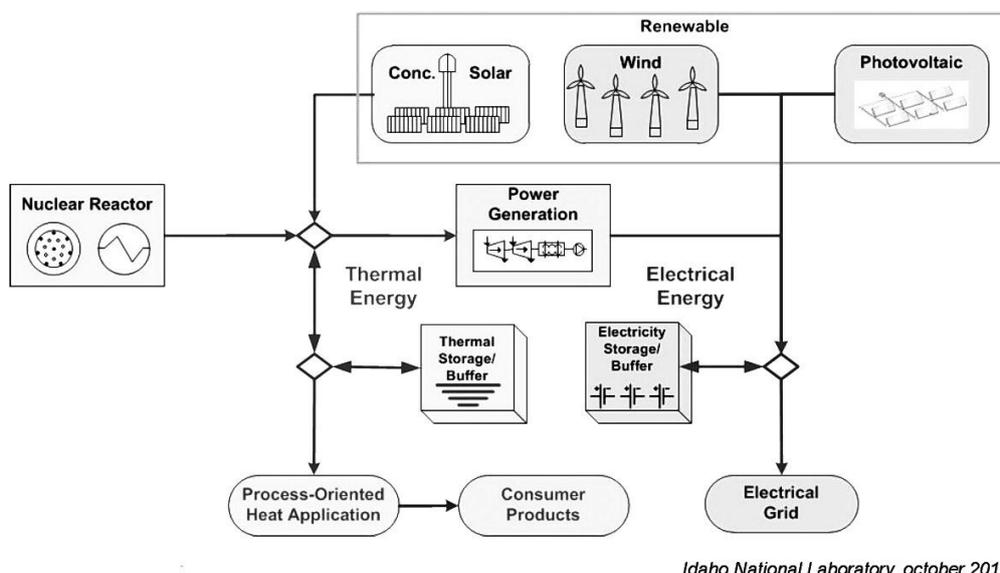

Рис. 3. Общая архитектура кластерной организации гибридной энергосистемы с использованием возобновляемых источников энергии и (ко)генерации энергии АЭС, интегрированной в централизованную сеть [4]

Но строительство атомных электростанций традиционного дизайна с мощностью реакторных установок в 1000, 1200 и более мегаватт требует больших инвестиций, что не всегда обосновано экономически (особенно в труднодоступных и удаленных районах, не обеспеченных сетевой инфраструктурой для транспорта электроэнергии) – с учётом предполагаемого баланса генерируемой и используемой мощности.

К таким территориям, безусловно, относится Арктическая зона Российской Федерации, задачи развития которой отражены в стратегических и программных документах [9]. По свидетельству российских экспертов, в Арктике было бы целесообразно использовать ядерные реакторные установки (РУ) мощностью до 40–60 МВт, при необходимости изменяя суммарную величину установленной мощности с помощью формирования комплекса из линейки доступных к сооружению реакторов.

Интерес к разработке и созданию малых модульных атомных реакторов (Small Modular Reactor, SMR; по классификации МАГАТЭ – мощность РУ до 300 МВт) значительно возрос во всем мире [10], [11]. В настоящее время на разных стадиях разработки находятся до 100 малых ядерных реакторов. Окончание лицензирования и начало практического использования (эксплуатация) некоторых из них в разных странах намечено на начало следующего десятилетия.

Российская Федерация (еще со времен существования СССР) имеет длительный опыт создания и совершенствования транспортных реакторных установок, применявшихся, например, в военном и гражданском морском флоте.

В соответствии с решением руководства Государственной корпорации «РОСАТОМ» развитием «линейки» АЭС малой мощности занимается АО «РусатомЭнерго Интернешнл». Одной из целей реализации данного направления является разработка общего дизайна атомных станций малой мощности (АСММ) для максимального удовлетворения запросов потребителей в условиях Арктической зоны.

Рис.4.Общий вид АСММ с реакторной установкой АБВ-6 в подземном исполнении

По экспертной оценке, одна плавучая атомная теплоэлектростанция (ПАТЭС) с малой атомной реакторной установкой может сэкономить несколько десятков тысяч тонн жидкого топлива в год. При этом ежегодный Северный завоз топлива для дизельных электростанций достигает 25 млн т.

Таблица 1

Основные характеристики малых атомных реакторов высокой степени разработки и референтности, применимых для строительства АСММ в Арктической зоне РФ

РУ	Тип реактора / компоновка	Мощность электрич., МВт(е)/ тепловая, МВт(t)	Общий срок эксплуатации реактора, лет	Период работы без перегрузки топлива, лет
АБВ-6	Легко-водяной под давлением /интегральная	8,6 / 38	40–60	10
«Шельф»		6,4 / 28		6–10
Ритм-200		50 / 175		6–10

Средняя расчётная себестоимость производства электроэнергии на протяжении всего жизненного цикла электростанций (LevelisedCostofEnergy– LCOE) с приводимыми выше типами РУ по проектным оценкам не превысит 22 цента США за 1 кВт·час.

Предельная оценка стоимости 1 кВт·час электроэнергии, учитываемая вместе с величиной необходимых начальных инвестиций (которые могут варьироваться в зависимости от конкретного расположения, транспортной доступности объектов генерации энергии и ее потребления) уже сегодня позволяют включить строительство АСММ в планы освоения Арктической зоны России.

Литература

1. Энергетическая стратегия России на период до 2030 года [Электронный ресурс]:

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13.11.2009 г. № 1715-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Ji-Cheng (JC) Zhao. SafeandSecureMicroModularReactors [Электронныйресурс] // ARPA-E, Агентство передовых исследований в области энергетики, США: официальный сайт. URL: http://arpa-e.energy.gov/sites/default/files/Weds_Zhao_Intro.pdf (дата обращения: 19.06.16).

3. Основные положения Концепции интеллектуальной энергосистемы с активно-адаптивной сетью [Электронный ресурс] / ФСК ЕЭС. М., 2012. URL: http://www.fsk-ees.ru/upload/docs/ies_aas.pdf (дата обращения: 13.03.06).

4. Sh. Bragg-Sitton, R. Boardman, M. Ruth, O. Zinaman. Integrated Nuclear-Renewable Energy Systems [Электронныйресурс]: Foundational Workshop Report. INL/EXT-14-32857 Rev. 1, NREL/TP-6A20-62778 // INL, 2014. URL: <https://mitei.mit.edu/system/files/20150526INL-EXT-14-32857IESWorkshopSummary.pdf> (дата обращения: 19.06.16).

5. АЭС и ВИЭ: командная игра // Атомный эксперт: информационно-аналитический портал. Дата публикации 20.01.2014. URL: <http://atomicexpert.com/content/аэс-и-виэ-командная-игра> (дата обращения: 19.06.16).

6. Доля атомной энергии в энергобалансе Российской Федерации возросла до 18,6% // Nuclear.Ru: информационно-аналитический портал. Дата публикации 14.01.2016. URL: <http://www.nuclear.ru/news/98098/> (дата обращения: 19.06.16).

7. О Федеральной целевой программе «Ядерные энерготехнологии нового поколения на период 2010–2015 годов и на перспективу до 2020 года» [Электронный ресурс]: Постановление Правительства РФ от 03.02.2010 N 50 (ред. от 03.02.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. BP EnergyOutlook [Электронный ресурс]: 2016 edition. // BP: официальный сайт. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/energy-economics/energy-outlook-2016/bp-energy-outlook-2016.pdf> (дата обращения: 19.06.16).

9. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу [Электронный ресурс]: Президент РФ 18.09.2008 № Пр-1969. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. SmallNuclearPowerReactors [Электронныйресурс] // WorldNuclearAssociation. Всемирная ядерная ассоциация: официальный сайт. Дата обновления: 04.2016. URL: <http://www.world-nuclear.org/information-library/nuclear-fuel-cycle/nuclear-power-reactors/small-nuclear-power-reactors.aspx> (дата обращения: 19.06.16).

11. Атомные станции малой мощности [Электронный ресурс]: новое направление развития энергетики : Т. 2 /под ред. акад. РАН А. А. Саркисова. — М. :Академ-Принт, 2015. — 387 с. : ил. — ISBN 978-5-906324-04-7 (в пер.). URL: http://ibrae.ac.ru/docs/109/assm_t2_2015_sq.pdf (дата обращения: 19.06.16).

СЕТЕВЫЕ СООБЩЕСТВА И ПРИГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

М.В. Сухарев

Институт экономики КарНЦ РАН (ИЭ КарНЦ РАН)

В развитии приграничного сотрудничества, так же как и во всей экономике вообще, важнейшую роль играют когнитивные (мыслительные) процессы. Эти процессы до сих пор остаются так же таинственны и не заметны исследователям, как ход мыслей в голове человека.

Чтобы начать какой-то бизнес, человек должен оценить множество факторов. Он должен рассмотреть технологию дела, даже если это просто заготовка леса. Дерево нужно не только спилить, но и обрезать ветви и вытащить из леса. Нужно заранее понять, каким трактором или лошадью я буду это делать, как это будет работать летом и зимой, где брать горючее (или овес), кто будет водителем, сколько весит бревно и как его грузить.

Нужно оценить способы реализации продукции, все затраты и доходы. Нужно рассмотреть все законы, регламенты и стандарты, регулирующие деятельность. С точки зрения когнитивной науки все это когнитивные модели, создающиеся в уме предпринимателя, часто при содействии привлеченных специалистов. Человек способен даже мысленно визуализировать большую часть этих процессов.

В тысячи раз сложнее спроектировать создание большого предприятия, например, завода по производству автомобилей. Нужно представлять себе огромную систему, и не просто так, а в ее действии и взаимодействии с другими, внешними, системами.

В сложных случаях картина того, что требуется создать, размещается в головах множества участников проектирования и искусственных носителях информации: текстах, схемах, таблицах, формулах, чертежах, компьютерах и так далее.

Все это целиком называется распределенной когнитивной моделью [1], в которой будущий бизнес описан, как динамическая система со всеми существенными элементами и процессами. Экономисты понимают, что люди строят эти модели, но не понимают, как они это делают.

Проблемы проектирования бизнеса усложняются, когда мы имеем дело с приграничным экономическим сотрудничеством. Предпринимателю приходится иметь дело с двумя (или даже более) рынками товаров и рабочей силы, с двумя законодательствами, с разными практиками ведения бизнеса. Плюс к этому проблемы с таможенными по обе стороны границы.

Чтобы получить надежную картину будущего бизнеса с зарубежными партнерами, предпринимателям зачастую приходится совершить множество поездок в другую страну. В случае малого бизнеса связанные с этим финансовые и временные затраты таковы, что возможная в принципе деятельность так и не начинается.

В последние годы ситуация начинает изменяться благодаря развитию информационной сети Интернет и возникновению сетевых сообществ по самым разным тематикам, в том числе, экономическим. Представляет особый интерес изучить и начать применение этих методов для развития приграничного сотрудничества Карелии, Финляндии и других скандинавских стран.

Упрощение, ускорение и снижение издержек коммуникации ведет к более полному обмену информацией между будущими партнерами и ускорению создания детализированных и обоснованных распределенных когнитивных моделей возможного бизнеса.

Первым шагом в повышении привлекательности приграничных регионов было создание информационных сайтов для потенциальных инвесторов, на которых имелась общая информация о регионе, его природе, ресурсах, населении и т.д. Обычно на таких сайтах имеется список потенциальных объектов для инвестирования с их

характеристиками (например, месторождений полезных ископаемых с данными геологической разведки). Типичный пример такого сайта «Карелия для инвестора» [2].

Эти сайты не интерактивны, зачастую плохо обновляются (карельский сайт, видимо, не обновлялся с 2010 года, поскольку министром экономического развития там значится М.Н. Юринов) и не дают возможности понять неформальную обстановку (деловой климат) в регионе.

С развитием виртуальных социальных сетей, основное достоинство которых – интерактивность, начались попытки использовать их для развития приграничного сотрудничества.

Авторы работы [3] пишут: «... новой возможностью ВЭД является всеобщая связанность людей, двигателями которой являются мобильная связь и социальные сети (веб 2.0). Все сферы жизни, начиная с дипломатических отношений и заканчивая ВЭД отдельных фирм, меняются, оказываясь помещенными в цифровое пространство и глобальные социальные сети».

Некоторые авторы даже вводят понятие «крауд-капитал» для обозначения того типа нематериального капитала, который возникает в информационных социальных сетях за счет накопления идей и знаний участников [4].

Карелия имеет здесь важное преимущество в виде приблизительно 50000 русскоязычных иммигрантов в Финляндию из бывшего СССР. Многие из них уже укоренились в Финляндии, овладели финским языком и могут служить «интерфейсом» в приграничном сотрудничестве, особенно если это позволит им участвовать в развитии бизнеса. Если хотя бы некоторая часть этих людей подключится к виртуальной социальной сети приграничного сотрудничества, мы получим мощный центр взаимных консультаций и генерации бизнес-проектов на основе краудсорсинга и социальной синергетики.

Авторы отчета [5] считают, что достичь критической массы предпринимательской активности возможно через создание сетей компетенций и обмена ноу-хау и навыков, свойственных каждой приграничных областей в целях повышения качества услуг и поддержки инноваций или подъему экономической деятельности, благодаря «перекрестному опылению». Они призывают следовать принципам комплексного и системного мышления, в соответствии с которым «целое больше, чем сумма его частей», которые создают взаимодополняющих образцы добавленной стоимости, которые иначе не могли бы быть достигнуты.

Важно создавать сети университетов, научно-исследовательских центров, коммерческих стартапов, агентств по трудоустройству и даже туристических бюро, а также многих других возможных инициатив, соединяющих компетенции, ресурсы и знания для развития приграничных территорий.

Стратегия «Европа 2020», принятая Европейским Советом в июне 2010 года, направлена на создание «умной», устойчивой и инклюзивной экономики с высоким уровнем занятости, производительности и социальной сплоченности.

Тесное сотрудничество населения приграничных областей со своими соседями может вызывать вопросы о сохранении национальной идентичности.

В работе [8] рассмотрен случай приграничного сотрудничества регионов, разделенных рекой Гвадиана, по которой проходит граница между Испанией и Португалией.

Исследователи отмечают что, невзирая на глобализацию и «исчезновение расстояний», локальные интересы экономического и социального развития заставляют сообщества сохранять сплоченность. Почти все опрошенные сохраняли национальную идентичность, и это в случае намного более близких по культуре Испании и Португалии. Следовательно, идентичность финнов, карелов и русских не будет «размываться» в

результате кооперации. Но понимание другой культуры при этом значительно улучшается, что способствует устранению недоразумений (транзакционных издержек, на языке экономики).

Граница является потенциальным преимуществом, создавая возможность извлечения преимуществ из соединения научных, производственных, управленческих и технологических культур.

Это не исключает так называемую «логику потоков», движения экономического продукта. Но сообщества по обе стороны границы могут взаимодействовать для усиления тех потоков, которые проходят через их территории.

При этом важным элементом сотрудничества является возникновение трансграничного сообщества экспертов, знакомых с особенностями ведения бизнеса в различных областях экономики по обе стороны границы. Это сообщество экспертов является катализатором расширения взаимодействия и носителями особого вида социального капитала для более широкого круга малого и среднего бизнеса.

Когда сообщество экспертов начинает пользоваться информационными сетями, мы получаем возможность наблюдать коммуникацию и интерперсональные связи социальной сети в реальном масштабе времени.

В настоящее время в Интернет существует огромное количество разнообразных сообществ (и связанных с ними социальных сетей). Участие в таких сообществах, как правило, общедоступно и бесплатно, что ведет к тому, что многие люди являются участниками нескольких сообществ.

Но это ведет к конкуренции таких сообществ за то время, которое люди могут им посвящать. Поэтому способность этих интернет-ресурсов удерживать посетителей является важным фактором успешности проектов.

Различные стороны эффективности виртуальных сообществ рассматриваются в работе [5]. Автор отмечает, что участники сообществ, с одной стороны, ориентируются на полезность ресурса, а с другой – на простоту его использования.

Знание в виртуальных социальных сетях создается, если участники решают общие проблемы и обмениваются знаниями, нужными для их решения [6].

В случае создания виртуальной социальной сети для развития приграничного сотрудничества в Карелии польза для участников будет определяться тем, что они смогут найти партнеров для бизнеса. Это предполагает ряд условий:

- Удобство пользования интернет-ресурсом
- Многоязычность (русский, финский, английский, возможно шведский и норвежский языки); при этом уровень развития разных языковых зон может быть различным
- Достаточно большое количество участников
- Персонализированный вход с регистрацией для сокращения «троллинга» и «спама»
- Логично организованная навигация на сайте; участники должны иметь возможность находить партнеров по тематике бизнеса, территории, технологиям, юридическим вопросам и так далее
- Интерактивность, возможность задавать вопросы и отвечать на них
- Модерация для защиты интерактивной зоны от вредной информации
- Возможность оценки материалов и записей участниками сети или в форме «нравится-не нравится» или более сложной
- Возможность создавать группы по интересам
- Возможность выбирать из множества текстов, генерируемых сообществом, и накапливать ценную информацию

° Надстройка в виде базы знаний (по типу Википедии), где систематизируются в семантически связанную систему знания о приграничном сотрудничестве в различных областях экономики

Для решения проблем межкультурной коммуникации еще до запуска проекта набирают команду модераторов и проводят с ними курс подготовки по «трансферу знаний» [6]. В качестве таких коммуникаторов между культурами целесообразно использовать русскоязычных иммигрантов в Финляндии и других странах. Хотя эти люди уже имеют большой опыт жизни в других странах, тем не менее, будет полезно краткое специализированное обучение основам культурологии.

В цитируемой работе [6] предлагается следующая структура сайта, для доступа к которой требуется авторизация (логин и пароль), представленная на Рис. 1.

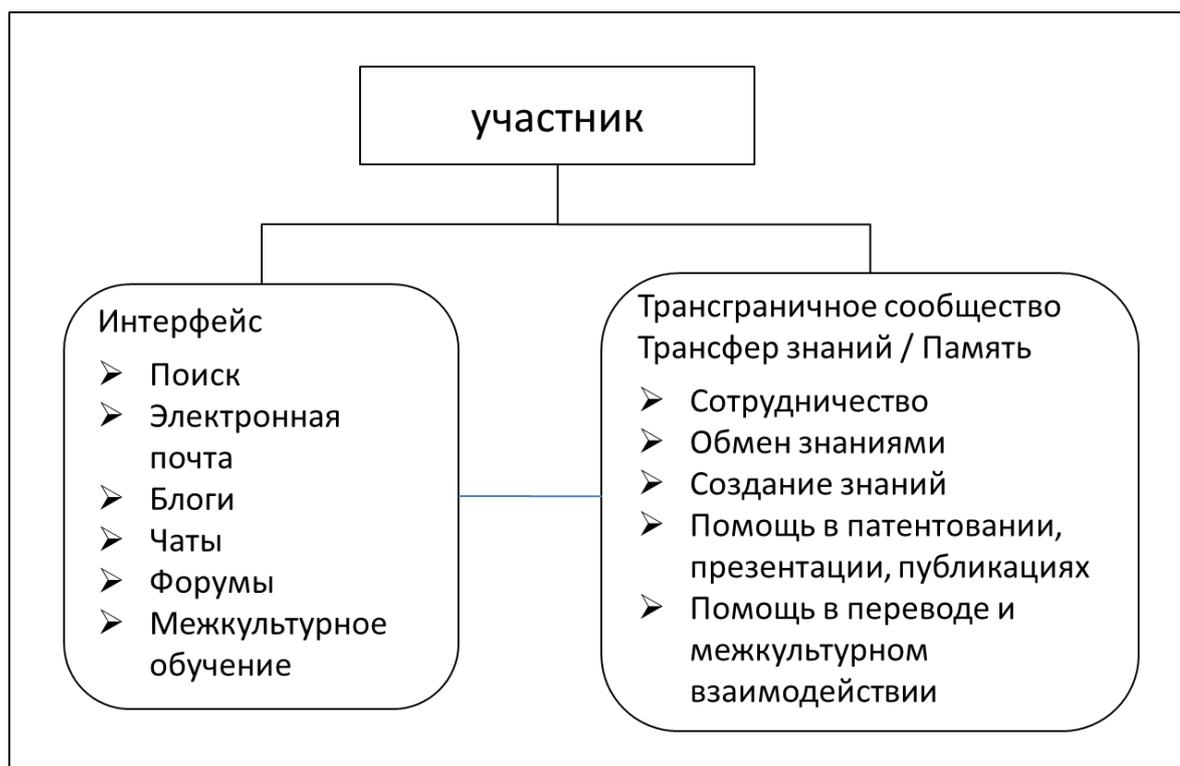

Рис. 1. Функциональная структура интерактивной зоны интернет-ресурса приграничного сотрудничества

Виртуальные социальные сети и сообщества становятся зонами создания новых форм социального и человеческого капитала [9]. Этот капитал является как объектом инвестирования, так и средством создания добавленной стоимости. С переходом к экономике знаний и высоким технологиям все большее внимание уделяется креативности (творческим способностям) сообщества, проживающего на территории (в регионе, городе, районе).

Авторы доказывают, что коммуникация является основным фактором, связывающим человеческий и социальный капиталы. На региональном уровне инвестиции в развитие связей в виртуальном пространстве должны быть выгодными, то есть, приносить доход локальному сообществу.

Роль, методология и технологии создания виртуальных социальных сетей и поддерживающих их сетевых ресурсов находятся в начальной стадии своего развития. В ближайшее время следует ожидать объединения этих технологий с системами искусственного интеллекта, которые помогут разветвленным сообществам в поиске и

выделении ценной информации из потоков, создаваемых за счет краудсорсинга, ее систематизации, переводу в форму баз знаний и даже решению языковых проблем (уже придуман термин «развавилонить»). Тем не менее, учитывая скорость процессов в области ИТ технологий, следует уделить внимание их разработке и созданию в Карелии.

Литература

1. Сухарев М.В. Распределенные когнитивные модели и стратегическое планирование // Экономика северо-запада: проблемы и перспективы развития (IV региональная научно-практическая конференция). Санкт-Петербург, 2002 г. Северо-Западная секция содействия развитию экономической науки. С. 110-113.
2. Сайт «Республика Карелия для инвестора». Электронный ресурс, режим доступа <http://kareliainvest.ru/>
3. Иванов, В.В., Коробова А.Н. Международные технологии краудсорсинга для развития инновационных кластерных зон // Российский внешнеэкономический вестник. 2012. №2 С.48-55.
4. Prpic, J., & Shukla, P. The Theory of Crowd Capital. Proceedings of the Hawaii International Conference on Systems Sciences #46. January 2013, Maui, Hawaii, USA. IEEE Computer Society Press, 2013.
5. Decoville, A., Durand, F., Feltgen, V. Opportunities of cross-border cooperation between small and medium cities in Europe. LISER, Luxemburg, 2015. 55 p.
6. Hamburg, I. Supporting cross-border knowledge transfer through virtual teams, communities and ICT tools // Innovation through knowledge transfer. Springer, Berlin. 2011. pp.23-29.
7. Chan, S-K. A Framework for Examining Virtual Brand Community Effectiveness // Journal of Business and Economics. V. 5, No. 5. 2014. pp. 718-725.
8. Gualda, E. et. al. Social Networks and Identity Building Processes through Transnational/Cross Regional Experiences of Experts in Southern Europe // Transnational Spaces and Regional Localization. Social Networks, Border Regions and Local-Global Relations. WaxmannVerlag. 2012. Munster/New York/ Miinchen/Berlin. pp. 53-63.
9. Przygodski, Z., Kina, E. Virtual Community for a Creative City // QuaestionesGeographicae, 32(2), 2015. pp. 65-73.

ПАРАДИГМА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ

О.Г. Тужикова

Институт экономики КарНЦ РАН (ИЭ КарНЦ РАН)

Сегодня парадигма устойчивого развития является базисом социально-экономической политики развитых и многих развивающихся государств. Начиная с Повестки дня ООН от 2000г., когда были приняты цели развития тысячелетия (ЦРТ) комитет содействия развитию (КСР), в который вошло 28 развитых стран, принял на себя обязательства по предоставлению финансовых и технических ресурсов для поддержки усилий развивающихся стран в области устойчивого развития. За период с 2000 г. по 2014г. сумма поддержки развивающихся стран составила более 1,6 триллионов долларов США. Динамика официальной помощи в целях развития (ОПР) представлена на рисунке 1.

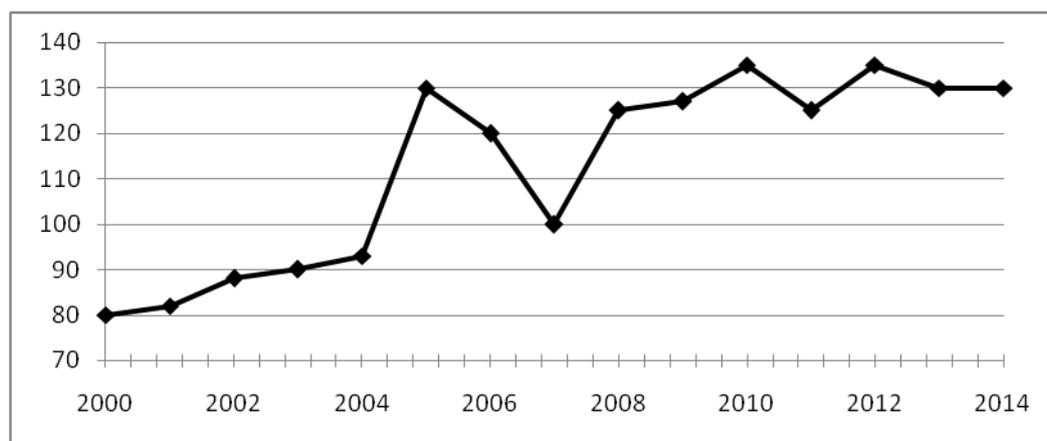

Рис. 1. ОПР, предоставленной развивающимся странам членами КСР, 2000-2014 годы (млрд. долл. по курсу 2013 года) [1].

С учетом представленных данных и в контексте сотрудничества приграничных регионов интерес представляют отношения Карелии и Финляндии по вопросам устойчивого развития.

В настоящее время, Финляндия, как страна, вошедшая в состав КСР, основывает свою политику развития на целях, закрепленных Повесткой дня ООН - 2015 в области устойчивого развития на период до 2030 года. Данное заключение основано на положениях отчета правительства Финляндии по политике развития от 04 февраля 2016г. в котором, в п.4.1 перечислены такие приоритетные направления развития этой страны, как: «Права женщин и девочек, развитие экономик развивающихся стран с целью увеличения числа рабочих мест, предпринимательства и благосостояния, демократичность и надлежащее функционирование обществ, продовольственная безопасность, доступ к водным и энергетическим ресурсам, а также устойчивое использование природных ресурсов» [10, с. 11], что отвечает целям устойчивого развития на период до 2030г., закрепленными Повесткой дня ООН - 2015 [9].

Здесь представляется важным обратить внимание на такую заявленную цель политики развития Финляндии, как финансовая помощь в развитии экономик развивающихся стран. Суть данного направления состоит в том, что развитые страны финансируют развивающиеся в рамках программ сотрудничества, если проекты развивающихся стран направлены на достижение целей устойчивого развития, которые были заявлены на Повестке дня ООН. Как отмечается в отчете правительства Финляндии, одна из долгосрочных целей политики развития данной страны состоит в том, чтобы

поднять уровень финансирования развивающихся стран, реализующих программы устойчивого развития до 0,7% от своего ВВП, в соответствии с целями ООН. В данный момент уровень финансирования развивающихся стран Финляндией в целях достижения устойчивого развития составляет 0,2% от ВВП. То есть, согласно отчету правительства Финляндия осуществляет финансирование развивающихся стран по программам сотрудничества в целях достижения устойчивого развития на сумму около 40 млрд. евро в год.

Далее в отчете отмечается, что в ближайшие годы, ассигнования, выделяемые финской стороной на сотрудничество с развивающимися странами в целях устойчивого развития, будут более целенаправленными. Правительство Финляндии в своем отчете заявляет, что «...будет искать новые партнерства и новые формы сотрудничества, например, с частными компаниями, с научно-исследовательскими центрами, с учебными заведениями и гражданским обществом» [10, с. 14].

Для Карелии заявленные направления политики развития Финляндии, безусловно, открывают новые и интересные перспективы к сотрудничеству и что существенно перспективы к внешнему финансированию с финской стороны. Однако, для того, чтобы иметь доступ к указанным ресурсам Карелия должна полноценно и адекватно принять парадигму устойчивого развития и приступить к её реализации.

Здесь необходимо отметить, что вообще приграничное карело-финское сотрудничество осуществляется уже довольно давно. Например, с 1996 года на территории Карелии регулярно реализуется одноименная программа, получившая широкую известность - (ЕИСП «Карелия»). В декабре 2015г. состоялся заключительный семинар по итогам очередного периода реализации данной программы (на период 2007 – 2013г.). В данный момент уже разработан проект программы «Карелия» на период до 2020 года [5]. Также реализуются и другие проекты.

По результатам приграничного сотрудничества Финляндии и Карелии в апреле 2015г. Министерством иностранных дел РФ была подготовлена справка. В данном документе указывается, в том числе следующее: «...за последние 5 лет среднегодовая сумма софинансирования из бюджета Финляндии проектов, реализуемых на территории Республики Карелия, оценивается в среднем в 1,5 млн. евро. В 2012-2014 гг. на территории республики осуществлялись 17 проектов с общим финансированием из бюджета Финляндии в 2,8 млн. евро... За период действия программ «ТАСИС-СВС» и «Добрососедство» на территории Карелии было реализовано свыше 60 совместных с финскими партнёрами проектов с привлечённым финансированием ЕС около 37 млн. евро... В рамках завершённой в 2009 г. региональной программы «Добрососедство-Еврорегион «Карелия»» был реализован 1-й этап слияния финансовых инструментов «ТАСИС» и «Интеррег». В рамках данной программы на территории Карелии был осуществлён 21 проект на сумму 12,5 млн. евро... Реализована региональная Программа приграничного сотрудничества России и ЕС с участием Финляндии «Карелия» (на 2007-2013 гг.) Европейского инструмента соседства и партнёрства (компонент приграничного сотрудничества). Общий объём финансовых средств планируется в размере 46,4 млн. евро» [8]. Таким образом, за последние 6 лет объем финского финансирования в Карелию составил 98,7 млн. евро. В тоже время, согласно данным Карелиястата, в республике отмечаются следующие тенденции социально-экономического развития [4]:

- темп роста ВВП в целом и на душу населения сократился за период с 2010 по 2014г. на 19%;

- реальные денежные доходы в процентах к предыдущему году по Карелии в 2014г. составили 99%, в то время как в 2010 году данный показатель был на уровне 104,5%;

- количество экономически активного населения за аналогичный период сократилось на 6,3%;
- количество населения в целом в данном периоде также сократилось на 1,41%;
- демография хозяйствующих субъектов в Карелии отрицательная, в частности в феврале 2016г. было зарегистрировано 104 новых организации, а ликвидировано 116 организаций;
- в марте 2016 года реальная заработная плата, рассчитанная с учётом индекса потребительских цен, по сравнению с мартом 2015г. снизилась на 3,2 %;
- численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, в процентах от общей численности населения в декабре 2015г. по сравнению с 2010г. увеличилась на 11,4%;
- и т.д.

Таким образом, положительных изменений по базовым показателям социально-экономического развития Карелии за последние 6 лет не отмечается. Также пока ещё не регистрируются положительные последствия, которые можно было бы ожидать в качестве результатов финансовых вливаний по программам приграничного сотрудничества, принимая во внимание временной лаг.

Между тем, если перевести в рубли даже по докризисному курсу те суммы финансирования, которые уже были освоены Карелией по программам приграничного сотрудничества, то получится 3,9 млрд. руб., что сопоставимо с годовым бюджетом г. Петрозаводска (4,4 млрд. руб. за 2015г.) [2]. Таким образом, необходимо признать, что «отдача» от финансовых вливаний в экономику Карелии в результате реализации проектов приграничного сотрудничества в их текущем варианте достаточно низкая. Региональная социально-экономическая система Карелии пока не отвечает должным образом на существенное внешнее финансирование.

Что же касается результатов реализации программ в соответствии с Повесткой дня ООН по устойчивому развитию то, они весьма значительны и их успех однозначно признается мировым сообществом. Как отмечается на официальном сайте ООН: «Всего два десятилетия назад около 40 процентов населения развивающихся стран жили в условиях крайней нищеты. С тех пор миру удалось вдвое сократить масштабы крайней нищеты, чему в немалой степени способствовали Цели развития тысячелетия (ЦРТ). Признавая успех ЦРТ, а также необходимость завершить работу по искоренению нищеты, Организация Объединенных Наций приняла амбициозную Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» [6].

Таким образом, поскольку результаты программ, реализуемых в рамках парадигмы устойчивого развития явные и порождают очевидные улучшения в социально-экономических системах, то представляется целесообразным пересмотреть практику приграничного сотрудничества между Карелией и Финляндией, а именно определить целевые ориентиры в соответствии с Повесткой дня ООН-2015. При этом в первую очередь именно Карелии необходимо нацелиться на устойчивое развитие в полноценном понимании этого термина.

Контент анализ нормативной базы в области политики развития Карелии, к сожалению, показал, что на данном этапе жизнедеятельности республики парадигма устойчивого развития игнорируется. Такие основополагающие документы как «Стратегия социально-экономического развития Республики Карелия на период до 2020 года», «Концепция социально-экономического развития республики Карелия на период до 2017 года», государственная программа «Экономическое развитие и инновационная экономика Республики Карелии» не содержат отдельных глав или разделов посвященных конкретно устойчивому развитию в том понимании, какое ему предается международным сообществом и в соответствии с Повестками дня ООН. Впрочем, и на федеральном уровне

отдельного документа, полностью посвященного вопросам устойчивого развития России, не имеется.

В федеральной и соответственно региональной, в т.ч. и в карельской практике регулирования социально-экономических отношений устойчивое развитие понимается фрагментарно, обрывочно и не соответствует международным подходам к данной категории. В частности на федеральном уровне существуют правовые акты относительно «устойчивого развития сельских территорий», «устойчивого развития лесов», «охраны окружающей среды и устойчивого развития» и т.п. Это наглядно демонстрирует непонимание сущности устойчивого развития и игнорирование тех приоритетов, которые заявлены Повестками дня ООН. При этом важно подчеркнуть, что собственно Россия с 1945 года является членом ООН и даже входит в Совет Безопасности ООН. При данных обстоятельствах отсутствие внимания к парадигме устойчивого развития, которую признают и принимают большинство европейских государств и сильнейшие экономики мира, по меньшей мере, странно.

С учетом озвученного представляется целесообразным для Карелии и для России в целом как можно скорее примкнуть к идеологии устойчивого развития в полноценном её понимании.

Действия по принятию и реализации парадигмы устойчивого развития в Республике Карелия как приграничном регионе с ориентиром на карело-финское сотрудничество в данном направлении видятся следующим образом.

1. На официальных сайтах государственных и муниципальных органов власти необходимо выделить отдельные разделы посвященных устойчивому развитию, например, как это сделано на сайте министерства иностранных дел Финляндии. В данных разделах необходимо разместить Повестку дня ООН от сентября 2015г., её перевод, отдельные статьи о том, как Карелия может присоединиться к достижению целей устойчивого развития, которые были поставлены на Повестке дня ООН, какие от этого выгоды может получить республика и т.п.

2. Необходима выработка и пропаганда некоего декларативного документа о том, что Карелия, как миролюбивая республика выражает намерение в соответствии с целями по достижению устойчивого развития, закрепленными на Повестке дня ООН - 2015, разработать и реализовывать стратегию устойчивого развития региона. В соответствии с принципами Повесток дня ООН уже само по себе данное намерение, выраженное развивающейся страной, может быть профинансировано за счет развитой страны. Логичным представляется обратиться за опытом и помощью в разработке политики устойчивого развития Карелии к нашим соседям - Финляндии. Данный шаг ляжет в основу долгосрочного карело-финского сотрудничества по совместному достижению целей устойчивого развития, заявленных в Повестке дня ООН. Результатами такого сотрудничества будет:

- привлечение финансовых ресурсов на развитие региона;
- реальное улучшение индикаторов устойчивого развития республики;
- повышения имиджа республики на политической арене и др.

В качестве подтверждения реалистичности предложенного шага можно обратиться к практике поддержки развивающихся стран, которую оказывает Финляндия в соответствии с целями Повестки дня ООН.

В настоящее время Финляндия реализует несколько программ, направленных на поддержку развивающихся стран, наиболее известная из которых это - Finnpartnership (Финское партнерство). Данная программа, согласно её паспорту направлена на поддержку развивающихся стран (за исключением тех, на которые наложены санкции) через участие в развитии на их территории совместного малого и среднего бизнеса. При этом, в качестве делового партнера Финляндия покрывает до 70% планируемых расходов

на реализацию инвестиционного проекта по развитию субъектов МСБ (малого, среднего бизнеса). Также условием поддержки реципиента является направленность его инвестиционного проекта на развитие страны в целом [3]. Список стран - потенциальных участников для программы Финского партнерства утвержден Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Россия в данный список не входит, зато в нем есть Казахстан, Украина, Грузия, Узбекистан, Таджикистан, Армения, Азербайджан, Беларусь, Киргизия и другие государства – выходцы из СССР [7]. Примечательно, что в обсуждаемый список включены не только государства, но и некоторые отдельные территории, такие как: остров Святой Елены, остров Монтсеррат, Ангилья (владения Великобритании), острова Уоллис и Футуна (владения Франции), Токеллау - территория под управлением Новой Зеландии, Косово. Данный факт свидетельствует о том, что перечень стран-реципиентов по программам поддержки устойчивого развития может включать и отдельные территории, а не только самостоятельные государства. Поэтому есть вероятность того, что, например, официальное обращение правительства Карелии в ОЭСР при поддержке Финляндии как развитой страны, заинтересованной в сотрудничестве с нами может иметь положительное решение по включению в список территорий-реципиентов и нашей республики.

В любом случае, как было показано ранее в отчете правительства Финляндии по политике развития, страна заинтересована в новых партнерствах и будет искать новые формы сотрудничества. Карелия как приграничный регион, не должна упустить эту возможность и начинать при этом следует с разработки отдельного документа в отношении устойчивого развития Республики Карелия в соответствии с целями Повестки дня ООН – 2015.

Литература

1. Доклад Целевой группы по оценке прогресса в достижении ЦРТ, 2015 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.un.org/ru/millenniumgoals/summary2015.pdf>
2. Официальный сайт Администрации Петрозаводского городского округа [Электронный ресурс]. – URL: http://www.petrozavodsk-mo.ru/petrozavodsk_new/activity/budget/accepted/list.htm?id=10544225@SXFolder&fid=null&link=10544225@SXFolder&blk=10539087
3. Официальный сайт программы «Финское партнерство» [Электронный ресурс]. - <http://www.finnpartnership.fi/www/en/>
4. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистике по Республике Карелия [Электронный ресурс]. – URL: <http://krl.gks.ru/>
5. Проект программы приграничного сотрудничества «Карелия» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gov.karelia.ru/files/big/Power/Ministry/Development/Docum/150326_jop.pdf
6. Содействие устойчивому развитию // официальный сайт ООН [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.un.org/ru/sections/what-we-do/promote-sustainable-development/index.html>
7. Список стран-реципиентов для поддержки в рамках целей Повестки дня ООН по устойчивому развитию [Электронный ресурс]. – URL: http://www.finnpartnership.fi/www/tiedostot/lisatyt/DAC_lista_2014.pdf?sourceURL=http://www.finnpartnership.fi/www/tiedostot/lisatyt/DAC_lista_2014.pdf
8. Справка о результатах приграничного сотрудничества Карелии [Электронный ресурс]. – URL: www.mid.ru/bdomp/.../ПригранСотр%20Карелия%20Финляндия.docx
9. Agenda 2030 – new global sustainable development goals [Электронный ресурс]. –

<http://formin.finland.fi/public/default.aspx?contentid=329379&nodeid=49313&contentlan=2&culture=en-US>

10. Government Report on Development Policy: One World, Common Future -
Toward sustainable development [Электронный ресурс]. -
<http://formin.finland.fi/public/default.aspx?contentid=341918&nodeid=49540&contentlan=2&culture=en-US>.

ПРИГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ: ЭФФЕКТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Г.Н. Харитонова

Институт экономических проблем КНЦ РАН

Развитие приграничного сотрудничества представляет собой сложный процесс, обусловленный историческими, политическими, экономическими, географическими и этнографическими факторами. Приоритет этих факторов постоянно изменяется, иногда изменения происходят резко, например, военные конфликты или введение санкций со стороны соседнего государства обычно приводят к приостановлению или ослаблению сотрудничества. Для восстановления сотрудничества требуется время. В случае военных конфликтов или территориальных захватов время, необходимое для преодоления враждебности и недоверия к соседям, может составлять продолжительность жизни нескольких поколений.

Интернационализация мировой экономики и угроза глобального экологического кризиса, как мощнейшие факторы, которые способствуют в современном мире интеграционным процессам в целом и развитию приграничного сотрудничества, в частности, фактически перестают действовать во время усиления геополитической напряженности и геополитических кризисов.

В результате достигнутая степень интеграции, как «добровольного объединения двух или более самостоятельных экономических субъектов с целью реализации эффективного совместного сотрудничества во благо каждого из объединяемых субъектов» снижается, а угроза конфронтации возрастает[1].

Эффектом от наблюдаемого ныне геополитического кризиса может стать потеря выгод от приграничного сотрудничества и интеграции по различным их направлениям в стоимостной оценке, и тех, которые трудно выразить в деньгах (доверие между соседями, дружба и уважение, взаимопризнание национального достоинства, чувство региональной идентичности, взаимное культурное обогащение и другие).

Для того, чтобы определить величину потерь от снижения достигнутой степени сотрудничества и целенаправленно приложить усилия к недопущению его свертывания, следует, прежде всего, оценить эффект от того или иного его направления. Для оценки экономической, социальной и экологической эффективности интеграции по экологическому направлению мы выполнили анализ международного сотрудничества в Мурманской области в рамках интеграционного сообщества – Баренцева Евро-Арктического региона(БЕАР) за период с 2001 г. по 2015 г.

Баренцев Евро-Арктический регион как общественно-государственное (наднациональное) образование был создан 11 января 1993 г. в г. Киркенесе (Норвегия) на встрече министров иностранных дел России, Дании, Норвегии, Финляндии, Исландии, Швеции и его история насчитывает уже 23 года.

Экологическое сотрудничество в БЕАР началось в 1994 году со встречи между Министрами окружающей среды стран-участниц, а также Дании, Исландии и ЕС в Буде (Норвегия). В качестве наблюдателей присутствовали представители из Голландии, США, секретариата АМАР, САФФ (Conservation of Arctic Flora and Fauna), NEFCO (The Nordic Environment Financing Corporation). С тех пор министры встречаются через год. Рабочая группа по окружающей среде (WORKING GROUP ON ENVIRONMENT – WGE) была создана в 1999 году и руководство группой осуществляется по очереди представителями стран-членов. Россия возглавляла WGE в 2014-2015 годах после финского руководства в 2012-2013 годах, в 2016-2017 годах будет председательствовать Норвегия[2]

Экологическое направление БЕАР на протяжении всего периода регионального международного сотрудничества следует признать наиболее активным и плодотворным.

Мотивом к интеграции в БЕАР со стороны зарубежных стран является наличие значительных природных ресурсов в ее российской части, и, прежде всего, колоссальные потенциалы топливно-энергетических и минерально-сырьевых ресурсов.

Только в недрах Кольского полуострова открыто более 60 крупных месторождений различных видов минерального сырья, наибольшее значение для развития национальной экономики и экспортную привлекательность из которых имеют медно-никелевые, железные, апатит-нефелиновые руды, руды редких и редкоземельных металлов.

Интенсивное использование природных ресурсов в течение 70 лет советского периода породило множество региональных проблем природопользования и экологических проблем. Особенно острыми и масштабными являются исторически накопленные отходы промышленных производств, радиационные отходы мирных атомных и военных объектов и загрязнение Мирового океана.

Распад СССР и глубокий кризис начального этапа трансформации экономики России на рыночную систему хозяйства негативно повлиял на развитие природоохранной деятельности на предприятиях региона и на охрану окружающей среды. Расходы на природоохранную деятельность в первую очередь подверглись сокращению, на некоторых предприятиях были ликвидированы даже природоохранные службы. Только в связи с введением с 1994 года платного природопользования появился источник финансирования мероприятий по рациональному природопользованию и по охране окружающей среды. Но уже в 1996 году были ликвидированы региональные экологические фонды, в которых аккумулировалась часть платежей за использование природных ресурсов и экологические налоги, а их средства аккумулированы в дефицитные региональные бюджеты. В результате из региональных бюджетов охрана природы стала финансироваться по остаточному принципу, то есть, в основном, средств хватало на содержание органов управления. Резко сократился мониторинг качества окружающей среды и здоровья населения, прекратилось строительство и модернизация природоохранных фондов, а также воспроизводство природных ресурсов [3].

Осознание усиления экологических угроз в северо-западных регионах России явилось одной из главных предпосылок интеграции в сфере природопользования и охраны окружающей среды со стороны зарубежных соседей. В декларации по стратегии охраны окружающей среды (АЕПС), принятой министрами экологии восьми арктических стран 14 июня 1991 г. в г. Рованиеми («процесс Рованиеми»), и в совместном заявлении министров экологии Североевропейских стран и России от 3 сентября 1992, был сделан вывод о том, что проблема антропогенного воздействия на природу в российской части региона достигла критической фазы.

Было признано, что основные источники загрязнения региона расположены в российской части Арктики, в районе горно-обогатительных комбинатов и вблизи месторождений полезных ископаемых. Наибольшая концентрация техногенных загрязнений отмечена в районе предприятий, входящих в АО «Норильский никель» на территории Мурманской области. По степени загрязнения самым «грязным» из арктических морей признано Баренцево море. Однако самой острой проблемой была признана проблема радионуклидного загрязнения, создаваемого российским атомным флотом, а также Кольской АЭС.

Поэтому первым разделом Декларации о сотрудничестве в БЕАР стал раздел, посвященный проблеме защиты окружающей среды. Наиболее важными направлениями экологического сотрудничества были признаны следующие: - расширение экологического и радиационного мониторинга в регионе;- совершенствование работ по эксплуатационной

безопасности ядерных объектов; - реабилитация загрязненных территорий, возникших в результате эксплуатации ядерных объектов[4].

В Мурманской области международное сотрудничество в рамках БЕАР включает в себя следующие приоритетные направления: – предотвращение радиоактивного загрязнения региона; – сокращение выбросов предприятий горно-металлургического комплекса; – внедрение программ по развитию чистых производств на предприятиях области; – предотвращение загрязнения при разведке и добыче нефти и газа на шельфе Баренцева моря; – обеспечение устойчивого лесопользования и сохранения биологического разнообразия; – снабжение городов и поселков Мурманской области чистой питьевой водой [5].

За весь период существования БЕАР направления сотрудничества не изменялись независимо от того, представители какой страны-участницы председательствовали в WGE. Самым сложным делом было добиться финансирования экологических проектов от NEFCO или от ЕС. Российские участники проектов начали вкладывать средства в их реализацию только начиная с 2003 года, а некоторые предприятия или муниципалитеты до сих пор не имеют возможности участвовать в финансировании проектов, например, по исключению «горячих точек».

За весь период существования БЕАР направления сотрудничества не изменялись независимо от того, представители какой страны-участницы председательствовали в WGE. План действий по каждому направлению разрабатывала, осуществляла и несла ответственность за его исполнение соответствующая рабочая группа WGE. Самым сложным делом было добиться финансирования экологических проектов от NEFCO или от ЕС. Российские участники проектов начали вкладывать средства в их реализацию только начиная с 2003 года, а некоторые предприятия или муниципалитеты до сих пор не имеют возможности участвовать в финансировании проектов, например, по исключению «горячих точек».

Особенностью Совета БЕАР является то, что его деятельность и проекты ориентированы почти исключительно на российскую часть региона. Например, список «Горячих точек» был сформирован финансовой экологической корпорацией Северных стран (*НЕФКО* NEFCO) и Программой арктического мониторинга и оценки (*АМАП* AMAP) и утвержден в 2003 г. Министрами арктических стран. Он представлял 42 экологические проблемы в российской части области Barents.

«Горячие точки» – это ограниченные территории, в пределах которых техногенные источники загрязнения оказывают неблагоприятное воздействие на окружающую среду. Подгруппа WGE по Исключению Горячих точек служит центральной движущей силой и координатором в работе, а Nordic Environmental Finance Corporation (NEFCO) проводит предварительные технико-экономические обоснования, чтобы финансировать проекты модернизации для ликвидации горячих точек.

В состав Перечня входят 10 «горячих точек» или приоритетных экологических проектов в Мурманской области. Начиная с 2011 г. начата процедура по исключению объектов из утвержденного Перечня экологических «горячих точек» Мурманской области. В 2011 г. согласно декларации Десятой конференции министров окружающей среды Совета БЕАР (Умео, Швеция, 9 ноября 2011 г.) принято решение исключить из перечня экологическую «горячую точку» Мурманской области «Модернизация оборудования для утилизации использованных люминесцентных ламп». Министерством природных ресурсов и экологии Мурманской области в Минприроды России были направлены предложения по исключению из перечня «горячих точек» еще двух проектов: «Сокращение эмиссии SO₂ на комбинате «Североникель» ОАО «Кольская ГМК» и «Сокращение выбросов в атмосферу Апатитской ТЭЦ» [5].

Оценивая экономическую эффективность проектов БЕАР по исключению «горячих точек» следует признать, что для российской стороны она была высокой, так как российские предприятия и региональные власти фактически не вкладывали собственных средств в их реализацию. Норвегия, как основной инвестор, а также Финляндия и Швеция получили меньшую выгоду. Дело в том, что реализованные проекты не решили проблем антропогенного загрязнения Мурманской области, то есть не устранили его опасности для зарубежных соседей. Более того наблюдаемое снижение, например, выбросов сернистого газа в атмосферу региона предприятиями Кольской горно-металлургической компании в 1,41 раза по сравнению с 2000 г. было достигнуто не в результате реализации экологических проектов БЕАР, а по причине выполнения двухсторонних международных договоров и экологических программ компании.

Нельзя не отметить, что рабочие группы WGE по всем направлениям экологической интеграции не отставали от прогрессивных международных тенденций и своевременно добавляли в план действий новые актуальные направления. Прежде всего, к ним следует отнести разработку региональных стратегий по адаптации к изменению климата и развитие «зеленой» энергетики (проекты по установке солнечных батарей на маяках вместо радиоизотопных термоэлектрических генераторов, проекты развития ветроэнергетики на пограничной заставе «Поной» и на турбазе "Лесная») [5].

Несомненно, деятельность БЕАР способствовала активизации природоохранной деятельности на предприятиях Мурманской области. Прежде всего, следует отметить значительный вклад WGE, а также организаций ЕС, который был сделан для внедрения системы добровольного экологического менеджмента [6]. Например, на территории Мурманской области в 1997 году был создан региональный центр "Чистое производство" и его филиал в г. Заполярном, в котором прошли обучение, защитили дипломные проекты и получили сертификаты международного образца, 276 специалистов из состава руководителей и главных инженеров производств.

На второй встрече Министров окружающей среды Баренцева Совета, состоявшейся в Рованиеми в 1995 году, была инициирована Программа Баренцева Совета по «Управлению окружающей средой в Мурманской области» (ЕМП-Мурманск), основная цель которой - повышение компетенции в региональной системе охраны природы и управления окружающей средой. Можно констатировать, что благодаря Программе Баренцева Совета по «Управлению окружающей средой» в Мурманской области была организована разработка «Местных повесток на 21 век» в нескольких муниципалитетах Мурманской области.

Сотрудничество в области охраны природы на уровне Баренцева Совета также предполагает развитие работ, направленных на решение проблем трансграничного загрязнения региона. Проведенная экологическая съемка в 1996 г. на территории Мурманской области, Финляндии и Норвегии показала отсутствие загрязнений от промышленных выбросов горно-металлургическими комбинатами «Печенганикель» и «Североникель» на территории Финляндии и Норвегии, за исключением узкой приграничной полосы (примерно 5 км) вдоль границы с провинцией Финнмарк на территории Норвегии. Это позволило снять обвинения с российских предприятий, как основных виновников трансграничных переносов загрязняющих веществ.

В ноябре 2013 г. в г. Мурманске прошла Международная конференция «Защита Арктики от атмосферного загрязнения». Правительством Мурманской области были представлены результаты работы, полученные в рамках государственного контракта «Оценка негативного воздействия трансграничного переноса атмосферных потоков загрязняющих веществ и определение их вклада в загрязнение территории Мурманской области и приграничных территорий». Результаты проведенной научно-исследовательской работы показали, что, несмотря на относительно удаленное

местоположение Мурманской области от основных зарубежных стран-загрязнителей и промышленно развитых регионов России, она испытывает антропогенные нагрузки на экосистемы, обусловленные трансграничным переносом соединений серы и азота[5].

Проект "Развитие сети охраняемых природных территорий БЕАР (BPN)" (BarentsProtectedAreaNetwork) направлен на сохранение уникальной природы Евро-Арктического региона. БЕАР является одним из последних на Земле резерватов нетронутых антропогенной деятельностью таежных и тундровых экосистем. Главная идея проекта – трансграничный подход к сохранению природы вне зависимости от государственных и административных границ. Примером реализации этого подхода является создание в 2008 году трехстороннего трансграничного парка «Пасвик-Инари». Трехсторонний трансграничный парк Пасвик-Инари создан с целью контроля и управления общим биоразнообразием, развития природного туризма и выполнения «Меморандума о взаимопонимании по Зеленому поясу Фенноскандии» на сопредельной особо охраняемой природной территории между Россией, Норвегией и Финляндией. Создание парка признано как наиболее успешный проект экологической интеграции в БЕАР.

Кроме научной и природоохранной деятельности заповедник «Пасвик» активно занимается экологическим образованием и просвещением. На средства и при методической помощи рабочей группы по ООПТ и других рабочих групп WGE в деятельность по экологическому образованию и просвещению различных контингентов населения сегодня вовлечены экологические и молодежные общественные организации.

Социальная эффективность экологического образования и просвещения очень высока, так как в зарубежных странах БЕАР эта деятельность значительно лучше развита, чем в российских регионах, особенно в работе со школьниками и студентами, и передачу положительного опыта в этой области трудно переоценить.

Также в рамках БЕАР реализуются многочисленные научные проекты в области рационального природопользования и охраны окружающей среды, как двухсторонние, так и многосторонние. Инициаторами направлений и тем исследований обычно являются зарубежные научные организации, которые в их выборе ориентируются не только на прогрессивные тенденции в науке об охране окружающей среды и в комплексе экологических наук, но и на национальные интересы своих стран.

Несмотря на это, научное сотрудничество в рамках БЕАР активно развивается и его можно признать взаимовыгодным. В частности потому, что в его процессе происходит не только обмен информацией, но и обмен методами исследований и развитие теоретических положений концепций «устойчивого развития» и «экологической модернизации» в специфическом регионе мира.

Обзор даже некоторых направлений экологической интеграции в БЕАР показывает, что в интеграционный процесс вовлечены органы власти, предприятия, общественные и научные организации и просто жители. Можно констатировать, что гранты Совета БЕАР и организаций ЕС до сих пор фактически являются единственным источником финансирования российских экологических общественных организаций. Наименьшее сотрудничество отмечается между представителями WGE и менеджерами российских компаний. Однако подобная ситуация характерна для всех стран-членов БЕАР.

На XV сессии Совета Баренцева/Евро-Арктического региона под председательством Финляндии 15 октября 2015 года (г. Оулу, Финляндия) было принято совместное коммюнике, в котором подчеркивается важность экологических проблем и корпоративной социальной ответственности во всех видах экономической деятельности[7]. На Совете было решено обновить список проектов плана действий к концу 2016 года при участии всех соответствующих рабочих групп. Основными направлениями совместной деятельности на 2016-2017 годы в WGE остаются проекты,

связанные с ликвидацией экологических «горячих точек» Баренцева региона, реализация проекта «Сеть особо охраняемых природных территорий Баренц региона» (ВРАН) и ряд проектов, направленных на экологическое просвещение. Особое внимание будет обращено на проблемы изменения климата и выполнению Плана действий СБЕАР по глобальному потеплению для Баренцева региона.

Срок председательства России в WGE совпал с появлением и усилением действия внешних факторов на процесс экологической интеграции в БЕАР. По нашему мнению, наиболее значительную силу воздействия из них имеют следующие: - экономический кризис в странах ЕС и России; - осложнение геополитической обстановки в Арктике в связи с началом реализации государственной программы России по социально-экономическому возрождению российской части Арктики; - ухудшение международных отношений и принятие санкций против России, к которым присоединились Норвегия, Швеция и Финляндия; - кардинальное изменение экологического законодательства России.

Анализ воздействия внешних факторов на развитие процесса интеграции показал, что они, скорее всего, уменьшают возможности для поступательного развития интеграции, то есть их можно определить как риски. Например, реализация прогрессивных нововведений в российском экологическом законодательстве, устанавливающих переходный период для внедрения на всех экологических опасных предприятиях наилучших доступных технологий, может быть замедлена по причине введения запрета на приобретение зарубежных технологий. Ущерб природе в этом случае не нуждается в доказательствах.

В связи с осознанием угроз для развития экологической интеграции приграничного экологического сотрудничества актуальным является поиск совместных решений. По нашему мнению, перспективными направлениями совместной деятельности могут стать следующие: - развитие научных исследований по изучению природных ресурсов и природных условий Арктики на основе экосистемного подхода, - переориентация сотрудничества в рамках проекта «Горячие точки» для содействия ускорению перехода российских компаний на безопасные технологии; - передача опыта и внедрение лучших зарубежных практик по экологическому управлению прибрежными территориями и морскими акваториями.

Литература

1. Бусыгина И.М., Захаров А. А. Общественно-политический лексикон / Институт международных исследований - М.: МГИМО - Университет, 2009. - 276 С.
2. Varents Euro-Arctic Council / Режим доступа: [http:// www.beac.st/](http://www.beac.st/).
3. Харитонов Г.Н., Алиева Т.Е Анализ природоохранной деятельности и эффективности государственного экологического управления в период кризиса // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2010. – Т. 2 № 26 - С. 112-119
4. Декларация о сотрудничестве в Баренцевом / Евро-Арктическом регионе (Киркенес, Норвегия, 11 января 1993 года). – Режим доступа: // <<http://www.gov-murman.ru/cooperation/agreements/bear.shtml>.
5. Доклады о состоянии и об охране окружающей среды Мурманской области в 2001-2014 гг.. — Мурманск. - Режим доступа: mrg.gov-murman.ru/
6. Харитонов Г.Н., Алиева Т.Е. Введение системы экологического менеджмента на предприятиях Кольского горнопромышленного комплекса // Север и рынок: формирование экономического порядка. - № 3/2004 (14). – С. 123-127.
1. XV сессия Совета Баренцева /Евро-Арктического региона. Совместное коммюнике. – г. Оулу, Финляндия, 15 октября 2015 года. – Режим доступа:

<http://finland.org.ru/public/default.aspx?contentid=335966&nodeid=36881&contentlan=15&culture=ru-RU>.

ФОРМЫ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ РОССИЙСКИХ ГРАНИЦ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ

Е.А. Шлапеко

Институт экономики КарНЦ РАН (ИЭ КарНЦ РАН)

Благодаря процессам глобализации, границы стали более проницаемы, но не в одинаковой степени для разных потоков, видов и субъектов деятельности. Многочисленные примеры указывают на то, что форма и процедура пересечения границы могут, как способствовать, так и препятствовать развитию трансграничных контактов [3, 4, 7]. В международной практике существуют следующие формы пересечения границы:

- 1) визовый режим,
- 2) упрощенный порядок пересечения границы,
- 3) местное (малое) приграничное передвижение,
- 4) безвизовый режим.

Правила пересечения российской границы регулируются Федеральным законом №114-ФЗ от 15.07.1996 «О порядке въезда в РФ и выезда из РФ». С.С. Артоболевский выделил приграничные регионы открытого и закрытого типов. Если закрытый режим действует на старых границах России, а также на новых – со странами Балтии, Грузией, Азербайджаном, то открытый тип – на новых границах со странами СНГ. Приграничные регионы с «закрытыми границами» соседствуют со странами, с которыми у России установлен визовый режим, при открытом режиме действует преимущественно упрощенный порядок пересечения границ [1, с.10]. Визовый режим базируется на принципе равенства, отражает уровень двусторонних отношений и доверия государств, но сталкиваются с ним чаще рядовые граждане, так как на дипломатических работников и государственных служащих распространяются привилегии.

При визовом режиме право на пересечение границы подтверждается разрешительным документом – визой. По цели визита существуют туристическая, деловая, рабочая, частная, транзитная и другие типы виз. Визовый режим затрудняет реализацию трансграничных связей, так как необходимо прохождение процедуры получения визы (до месяца), оплата консульского и визового сборов, получение официального приглашения. Виза ограничивает свободу передвижения, а нередко и выбора направления путешествия, так как действует определенное время и может быть однократной или многократной, при этом усложняется планирование поездок как делового, так и туристического характера. Существует также вероятность отказа в выдаче визы из-за предоставления ложной информации, предыдущих нарушений, отсутствия средств для поездки или подтвержденной документально цели поездки. Визовый режим, в частности, необходим для ограничения миграционных потоков, пресечения контрабанды и обеспечения безопасности границы [5, с.39]. Ежегодно россияне получают более 5 млн. шенгенских виз, следовательно, годовой оборот визовой индустрии только в Российской Федерации может составлять от 150 до 200 млн. евро [2, с.23].

Упрощение процедуры получения визы положительно сказывается на увеличении числа пересечений через границу. Традиционными целями посещения соседних стран остаются культурно-познавательные, образовательные и бизнес-туры, но преобладают поездки для совершения покупок [7, с.135]. Спрос на товары ежедневного потребления переориентирует предложения торговли и услуг к нуждам клиентов, что влечет за собой спрос на изучение иностранного языка, рост взаимного интереса к культуре и традициям. Параллельно развиваются смежные отрасли и инфраструктура. Примером может служить создание Мазурского туристического кластера, одной из главных целей которого является обмен информации на тему российского рынка [4].

Безвизовый режим регулируется соглашением между странами и позволяет попасть в страну при наличии лишь одного документа удостоверяющего личность – паспорта (общегражданского, заграничного, служебного, дипломатического или паспорта моряка). Так, правила въезда граждан РФ в Республику Армению установлены Соглашением между Правительством РФ и Правительством Республики Армения «О взаимных безвизовых поездках граждан РФ и граждан Республики Армения» от 25.09.2000г. Возможность въезда в Россию по внутреннему паспорту сохраняется для жителей стран, входящих в ЕАЭС: Армении, Белоруссии, Казахстана и Киргизии. К безвизовым странам относятся страны СНГ, и ряд стран, в которых установлен временной промежуток пребывания. Например, в Черногории, Сербии, Малайзии и Тайланде – до 30 суток; в Чили, Аргентине, Израиле – до 90 дней в полугодие. В ряде стран виза оформляется прямо на границе (Египет, Шри-Ланка, Непал и др.). С начала декабря 2013 г. гражданам России не требуется оформлять визу для поездки в зону приграничной торговли и город Суйфэнхэ (провинция Хэйлунцзян), в случае если срок пребывания не превышает 15 дней. Вскоре данное направление набрало популярность среди жителей Приморского края, и китайская сторона стала принимать платежи в рублях на территории города.

Актуальным становится создание благоприятных условий ведения бизнеса в свободных экономических зонах посредством безвизового режима. На территории свободного порта Владивосток с 1 января 2016 года разрешено пребывание иностранных граждан в течение восьми дней. Для приграничных территорий, удаленных от центра традиционно высоки транспортные расходы и производственные издержки, а рынок сбыта ограничен, но безвизовый режим компенсирует периферийное положение и увеличивает привлекательность территории для предпринимательства, в том числе для интернационализации бизнеса.

С согласия Европейской комиссии государства-члены Европейского союза могут подписывать соглашения о местном приграничном передвижении (МПП) со своими соседями, не являющимися членами ЕС [5, с.42]. Суть приграничного передвижения сводится к тому, что жители приграничных территорий с обеих сторон вправе в упрощенном порядке посещать страны соседей в зоне 30 км. (в исключительных случаях – 50 км.). Однако калининградская область, имеющая особый статус эксклава, стала исключением и была полностью включена в зону приграничного передвижения с Польшей. Помимо соглашения между Россией и Польшей по Калининградской области, заключены соглашения между Россией и Латвией относительно 7 муниципальных образований Псковской области и Россией и Норвегией относительно муниципальных образований Заполярный, Корзуново, Никель и Печенга. Для пересечения границы необходимо получить разрешения, которое выдают консульские учреждения сторон в упрощенном порядке (без оформления приглашения) на основании составляемых местными властями списков жителей упомянутых территорий [6, с.13]. Основанием для включения в списки являются: владение недвижимостью на приграничной территории; посещение родственников; получение медицинской помощи; участие в регулярных культурных, образовательных или спортивных мероприятиях; исполнение религиозных обрядов; регулярные контакты в сфере хозяйственной деятельности. Обязательным условием является документальное подтверждение постоянного проживания не менее 3 лет на приграничной территории. Выданное разрешение предоставляет жителю приграничной территории одного государства въезжать и пребывать на приграничной территории другого государства каждый раз до 30 дней, начиная с даты въезда, однако суммарный срок пребывания не может превышать 90 дней в течение каждого периода в 6 месяцев, отсчитываемых с даты первого въезда [6, с.12]. При этом у жителей приграничной территории сохраняется право на получение шенгенской или российской визы.

Для граждан РФ, проживающих в регионах, граничащих с Китаем (Амурской и Иркутской областях, Забайкальском, Приморском, Хабаровском краях) установлен облегченный порядок въезда в Китай через наземные КПП в Манчжоули, Хэйхе и Хунчуне. Мера является инициативой китайских властей и не является симметричной (т.е. жители приграничных китайских областей оформляют обычную российскую визу). При наличии приглашения от китайской принимающей стороны виза оформляется непосредственно в пункте пересечения границы. Приглашение можно оформить через российские или китайские турфирмы. При этом необходимо предъявить загранпаспорт, выданный в вышеуказанных регионах, либо иные документы, подтверждающие факт постоянного проживания на приграничных территориях.

В 2010 году пограничная служба Польши зарегистрировала 1 451 492 пересечения границы с Россией, в 2011 году 2 373 517 пересечений, в 2012 году 4 073 142 пересечения (из которых 107 809 в рамках МПП), но в 2014 году количество пассажиров, пользующихся МПП, снизилось на 53% по сравнению с предыдущим годом [4]. Такая же тенденция наблюдается и на российско-норвежской границе, снижение примерно на 13% [3, с.111]. Основной причиной стал низкий курс рубля, так как большая часть калининградских путешественников посещает Польшу с целью приобретения одежды, продуктов питания, бытовой техники, автозапчастей. Сократилось также количество польских водителей, едущих в область за топливом и сигаретами. Популярность российского топлива заметна и на российско-норвежской границе, где из-за тройной разницы в цене из 66 тыс. пересечений в режиме МПП 42,5 тыс. совершили жители Норвегии и лишь 24 тыс. – российские граждане [3, с.113]. Мелкие предприниматели из РФ, наравне с шопинг-туристами, являются источником благосостояния для части жителей приграничных финских регионов [7, с.139].

Однако потенциал трансграничного сотрудничества не ограничивается торговлей. Такие приграничные города, как Калининград, Клайпеда и Эльблонг традиционно являются региональными центрами экономического развития и взаимного привлечения капитала. Здесь создаются совместные предприятия в агробизнесе и производстве стройматериалов [4]. Помимо импульса для развития приграничной инфраструктуры, бизнеса и занятости населения, упрощенный порядок пересечения границы облегчает научное и культурное сотрудничество, способствует молодежным обменам, междуниверситетским контактам, связям неправительственных организаций.

По некоторым подсчетам, полная отмена виз могла бы увеличить въездной поток в Россию из стран Европы и США на 30-40% [2, с.25]. В настоящее время в связи со сложной внешнеполитической ситуацией переговоры с ЕС об отмене виз приостановлены. Однако в марте 2016 года крупные российские туристические компании обратились в МИД РФ с предложением об упрощении въезда в страну для иностранных путешественников, в частности, внедрении электронных виз и предоставлении европейцам возможности безвизового транзита. Современные российские практики показывают, что даже упрощение визового режима способно заметно повлиять на привлечение туристов, смягчение отношений между странами, улучшение приграничных контактов и социально-экономическое развитие территорий.

Литература

1. Артоболевский С.С. Приграничные территории Российской Федерации: что может и хочет государство? // Российское экспертное обозрение. 2006. № 4. С. 9–11.
2. Войников В.В., Корнеев О.В. Проблемы и перспективы безвизового диалога России и ЕС // Балтийский регион. 2013. № 3. С. 20-37.

3. Гуменюк И. С. Кузнецова Т. Ю. Осмоловская Л. Г. Местное приграничное передвижение как эффективный инструмент развития приграничного сотрудничества // Балтийский регион. 2016. Т. 8. № 1. С. 97-117.
4. Дудзиньска К., Дынэр А-М. Местное приграничное передвижение с Калининградской областью – задачи, возможности и угрозы [Электронный ресурс]. Режим доступа: [mercury.ethz.ch/serviceengine/Files/.../PISM+Policy+Paper+no+29+\(77\)+RU.pdf](http://mercury.ethz.ch/serviceengine/Files/.../PISM+Policy+Paper+no+29+(77)+RU.pdf) (дата обращения 11.05.2016)
5. Кретинин Г.В., Миронюк Д.А. Местное приграничное передвижение как форма либерализации визового режима и развития территории // Балтийский регион. 2014. № 4. С. 30-47.
6. Музыченко П. Б. О проблемах совершенствования паспортно-визовой системы в Российской Федерации // Российская юстиция. 2013. N 8. С.12-14.
7. Степанова С.В. Приграничный туризм на северо-западе российской федерации: общие тенденции и особенности развития // Балтийский регион. 2014. № 3. С. 132-144.

Резолюция конференции с международным участием «Перспективы социально-экономического развития приграничных регионов», 09.06.2016, г. Петрозаводск

Секция «Экономическое развитие приграничных регионов»

Несмотря на то, что существуют различия в социально-экономическом развитии приграничных территорий России так и в других зарубежных странах участники международной научно-практической конференции, приняли следующие рекомендации:

1. необходима разработка региональной концепции, стратегии и программы развития внешнеэкономической деятельности приграничных территорий;
2. для успешного и конкурентного сотрудничества с сопредельными территориями необходимо развивать инфраструктуру и создавать институциональные условия в приграничных территориях;
3. необходимо принятие мер по стимулированию и поддержке развития малого бизнеса в приграничных муниципалитетах, что приведет к росту уровня занятости населения, оптимизации структуры занятости и повышению уровня жизни населения;
4. необходимо развитие промышленной кооперации в лесном, машиностроительном секторах и ИТ;
5. необходимо улучшение состояния окружающей естественной среды приграничных территорий;
6. необходимо укрепление социально-культурной взаимосвязи приграничных территорий;
7. необходимо стимулировать трансграничные связи в области технологий для решения проблемы технологического отставания, повышения производительности труда и конкурентоспособности выпускаемой продукции;
8. необходим комплекс мер, направленных на привлечение инвестиций с приграничных с Россией стран;
9. необходимо способствовать разрешению приграничных конфликтов, восстановлению взаимовыгодных отношений России и Украины;
10. необходимо создание условий для развития туристско-рекреационного потенциала приграничных территорий, важнейшей составляющей экономической модели развития регионов СЗФО;
11. необходимо совершенствование таможенной инфраструктуры, включая реконструкцию федеральной дорожной сети в зоне пунктов пропуска, принятие мер к уменьшению негативного воздействия трансграничного сотрудничества.

Секция «Социальное развитие приграничных регионов»

1. Результаты сравнительного анализа сфер здравоохранения и социального обслуживания населения приграничных регионов Финляндии и Республики Карелия показали, что актуальным в России является недостаточное развитие системы поиска и внедрения новейших технологий и эффективных практик (бенчмаркинг), что препятствует достижению и сохранению конкурентоспособности социальной сферы.
2. В качестве социальной инновации предлагается разработка и реализации Программы по профилактике суицидов, включающая разработку дополнительной профессиональной программы повышения квалификации медицинских работников по теме «Психотерапевтическая помощь населению».
3. В методологическом аспекте при проведении научно-исследовательских работ в области трансграничных связей следует рассматривать Еврорегион в качестве эффективного инструмента для проведения исследований, связанных с социально-экономическим развитием приграничных регионов.

4. Проведенный анализ программы ENPI CBC Karelia выявил высокий уровень сотрудничества акторов приграничных регионов, принимающих участие в проектах.

5. Проведен анализ методологических подходов к принятию политических решений. Занимаемая позиция в национальном рейтинге состояния инвестиционного климата воспринимается в субъектах российской федерации как индикатор эффективности административных команд, что не может не сказываться на системе стимулов, реализуемых через принимаемые политические решения. Выявлено, что ориентация на внедрение институциональных инноваций инвестиционной направленности замещается мотивацией региональных властей стремиться сохранить позиции в национальном рейтинге.

6. Для развития трансграничного сотрудничества предлагается использовать более активно современные IT средства, сетевые сообщества и краудсорсинг.

7. В целях развития социально-экономического приграничных регионов, поддержки приграничных контактов, развития малого и среднего бизнеса предлагается рассмотреть возможности местного приграничного передвижения, упрощенного визового режима, внедрения электронных виз.

8. Для повышения привлекательности Республики Карелия и развития туризма предлагается рассмотреть возможность упрощенного или безвизового въезда иностранных граждан на территорию Республики с целью туризма и санаторно-курортного лечения.

9. В целях развития эффективного приграничного сотрудничества предлагается рассмотреть внедрение для акторов стран с формирующимся институциональным устройством более четко заданные (жесткие) нормы, определяющие взаимоотношения и обязательства сотрудничающих сторон.

Секция «Развитие приграничного сотрудничества ресурсоэксплуатирующих, северных и арктических территорий»

Принимая во внимание важность арктических и северных территорий в контексте их народнохозяйственного значения и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, подчёркивая необходимость обеспечения устойчивого развития данных территорий, решили:

1. Подчеркнуть важность сохранения специального статуса арктической зоны Российской Федерации как субъекта административно-правовых отношений, а также необходимость научного обоснования и уточнения границ арктической зоны.

2. Признать необходимым поддержку и развитие следующих приоритетных направлений государственной политики в Арктике:

- Юридическое закрепление за Россией внешних границ континентального шельфа Российской Федерации в Северном Ледовитом океане;
- Сохранение статуса Северного морского пути;
- Развитие двухсторонних отношений с членами Арктического совета;
- Поддержка Конвенции ООН по морскому праву;
- Противодействие провокационной деятельности в Арктике международных организаций;

- Совершенствование мер по охране границы и территории Арктической зоны РФ;

- Защита инфраструктуры региона;
- Осуществление политики народосбережения.

3. Отметить успешность и необходимость дальнейшего развития трансграничного регионального сотрудничества арктических и северных территорий, в том числе в рамках программ Европейского инструмента добрососедства и Баренцева евро-арктического региона. Включить в состав перспективных направлений трансграничного сотрудничества следующие:

- развитие научных исследований по изучению природных ресурсов и природных условий Арктики на основе экосистемного подхода,
- развитие инновационных институтов устойчивого лесопользования;
- переориентация сотрудничества в рамках проекта «Горячие точки» для содействия ускорению перехода российских компаний на безопасные технологии;
- передача опыта и внедрение лучших зарубежных практик по экологическому управлению прибрежными территориями и морскими акваториями.

4. Рекомендовать субъектам развития арктических регионов России изучить вопрос внедрения атомных станций малой мощности как перспективного инструмента решения проблемы энергообеспечения удалённых энергодефицитных территорий.

ВЫВОД: в современных условиях в процессе развития приграничных территорий возникают проблемы и серьезные ограничения, но и появляются новые шансы и перспективы, реализация которых возможно в случае консолидации усилий населения, предпринимательских структур и органов власти всех уровней.

Научное издание

**ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ**

Материалы Третьей научно-практической конференции с международным участием

(09 июня 2016 г., г. Петрозаводск)

Издано в авторской редакции

Карельский научный центр РАН, 2016-10-19
Редакционно-издательский отдел
185003, г. Петрозаводск, пр. А.Невского, 50